

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ОСИПЧУК Анастасия Евгеньевна

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КООРДИНАЦИЯ
УСТНЫХ И ПИСЬМЕННЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ
В ВОЕННОМ ДЕЛОВОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСАХ**

10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Шацкая
Марина Фёдоровна

Волгоград – 2022

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы исследования <i>дискурса</i> как речевого образования.....	17
1.1. Проблема определения термина <i>дискурс</i>	17
1.2. <i>Военный дискурс</i> и его социолингвистические разновидности	24
1.3. <i>Дискурс и стиль</i> : дифференциация понятий. Взаимодействие письменной и устной форм деловой военной речи.....	29
1.4. Особенности ассимиляции языковых единиц официально-делового и разговорного стилей в художественном дискурсе	37
1.4.1. Лексические характеристики.....	37
1.4.2. Грамматические свойства	44
Выводы.....	53
Глава 2. <i>Речевой жанр</i> как объект лингвистического изучения.....	56
2.1. К определению понятия <i>речевой жанр</i>	56
2.2. <i>Речевой жанр и тип текста</i>	59
2.3. <i>Речевой жанр и речевой акт</i>	63
2.4. Устные и письменные речевые жанры	71
2.5. Классификация речевых жанров делового военного дискурса. Модель <i>речевого жанра</i> Т.В. Шмелёвой.....	81
Выводы.....	86
Глава 3. Директивные речевые жанры <i>приказ</i> и <i>приказание</i> в деловом военном и художественном дискурсах	88
3.1. Основные характеристики императивных речевых жанров	88
3.2. Целевая установка речевых жанров <i>приказ</i> и <i>приказание</i>	93
3.3. Особенности проявления образа автора и образа адресата в императивных речевых жанрах директивного подтипа	100
3.4. Событийное содержание <i>приказа</i> и <i>приказания</i>	110
3.5. Объективация параметров «фактор прошлого» и «фактор будущего».....	119
3.6. Языковое воплощение речевых жанров <i>приказ</i> / <i>приказание</i>	129
Выводы.....	139

Глава 4. Регламентирующие речевые жанры <i>положение, инструкция</i> и <i>инструктаж</i> в деловом военном и художественном дискурсах.....	143
4.1. Базовые черты <i>положения, инструкции</i> и <i>инструктажа</i>	143
4.2. Коммуникативная цель и интенциональное содержание императивных речевых жанров регламентирующего подтипа.....	146
4.3. Актуализация образа автора и образа адресата в <i>положении,</i> <i>инструкции</i> и <i>инструктаже</i>	160
4.4. Диктум императивных речевых жанров регламентирующего подтипа	167
4.5. Темпоральные параметры <i>положения, инструкции</i> и <i>инструктажа</i>	180
4.6. Лингвальная специфика императивных речевых жанров регламентирующего подтипа.....	190
Выводы.....	204
Глава 5. Речевые жанры информативного типа в военном дискурсе.....	207
5.1. Характеристики речевых жанров информативного типа	207
5.2. Коммуникативная цель речевых жанров информативного типа	208
5.3. Образ автора и образ адресата в письменных и устных речевых жанрах информативного типа	217
5.4. Событийное содержание письменных и устных речевых жанров информативного типа	222
5.5. «Фактор прошлого» и «фактор будущего» письменных и устных речевых жанров информативного типа.....	233
5.6. Языковое воплощение письменных и устных речевых жанров информативного типа	249
Выводы.....	261
Заключение	265
Список использованной литературы.....	270
Список словарей и грамматик.....	291
Список источников фактического материала	294
Приложение	299

Введение

К изучению речевых жанров обращается большое число исследователей, в работах которых рассматриваются вопросы дефинирования, описания и систематизации жанров, бытующих в различных сферах человеческой деятельности. Однако анализу проблем функционирования речевых жанров в сфере военной деятельности на сегодняшний день посвящено небольшое количество научных трудов.

Степень разработанности проблемы. О необходимости детального описания военных жанров русского дискурса говорят С.Э. Зверев [Зверев, 2013], С.А. Муранова [Муранова, 2008], Г.М. Стрелковский [Стрелковский, 1973; 1979], А.В. Уланов [Уланов, 2014а; 2014б], И.В. Уткина [Уткина, 2006а], Д.Р. Фахрутдинова [Фахрутдинова, 2008], Н.С. Шаталова [Шаталова, 2002]. Исследователи предпринимают попытки изучения военных речевых жанров (далее – РЖ) с различных позиций. Так, в сферу научного интереса С.Э. Зверева входит генезис военных РЖ [Зверев, 2013]; типологическая характеристика некоторых основных жанров русского военного дискурса XIX – начала XX века представлена в работе А.В. Уланова [Уланов, 2014а]; в сферу интересов Д.Р. Фахрутдиновой входят первичные и вторичные жанры военного институционального дискурса и их классификация [Фахрутдинова, 2008]; жанром воинского устава в коммуникативно-прагматическом аспекте занимается С.А. Муранова [Муранова, 2008]; военные РЖ как формы речевого общения описываются И.В. Уткиной [Уткина, 2006а] и Н.С. Шаталовой [Шаталова, 2002], целью которых является поиск оптимальных путей формирования речевого компонента профессиональной компетентности военнослужащих. Однако не представлено ни одной работы, реализующей коммуникативно-прагматический подход к анализу речевых жанров военного делового и художественного дискурсов. Тем более не рассматривается вопрос о таком виде координации письменных и устных жанров в военном художественном

дискурсе, как ассимиляция. Решение названной проблемы предполагает описание и сопоставление их жанрообразующих параметров.

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению речевых жанров военного дискурса, представленного в его институциональной разновидности, типологизации, особенностям функционирования и ассимиляции письменных и устных военно-деловых РЖ, существование которых обусловлено сферой использования языка. Под названным видом ассимиляции мы понимаем вхождение жанровых элементов делового дискурса в художественный путём максимального приближения их базовых характеристик к новым условиям с одновременным обогащением за счёт принимающей среды.

Армия как общественный институт, обеспечивающий социальную стабильность и суверенитет Российской Федерации, нуждается в специалистах, обладающих высокой военно-профессиональной пригодностью и способных обеспечить эффективную организаторскую и исполнительскую деятельность. Речевая подготовка является базовым условием формирования личности военнослужащего. Её реализация определена теоретическим описанием военной речи и наличием методической системы, направленной на развитие речевой компетентности военного специалиста. Однако С.Э. Зверев пишет, что «целенаправленной теоретической жанрово-стилистической разработки военной речи и обучения владению востребованным в воинской службе репертуаром жанров не проводилось ни в одной армии мира» [Зверев, 2013, с. 338]. Мысль исследователя указывает на противоречие, возникающее между необходимостью формирования личности военнослужащего, способного к осуществлению эффективной военной (в том числе и речевой) деятельности, и отсутствием необходимых средств обеспечения данного процесса. Изучение РЖ военного делового дискурса как одного из типичных параметров речевой деятельности военнослужащих с позиций коммуникативно-прагматического подхода позволяет решить вопрос

о необходимости теоретического описания речи военных агентов, а выявление специфики ассимиляции письменных и устных жанров в художественном дискурсе открывает перспективы в объяснении стратегий и тактик эффективного речевого поведения военнослужащих. Всё сказанное выше определяет **актуальность** данной диссертационной работы.

Объектом исследования является военный дискурс, представленный в его деловой и художественной разновидностях.

Предмет – речевые жанры военного делового дискурса, зафиксированные в документных текстах как продуктах письменной деловой коммуникации военнослужащих и в текстах художественных произведений о войне.

Цель исследования заключается в коммуникативно-прагматическом анализе речевых жанров военного делового и художественного дискурсов, соотнесении их параметров и выявлении общих и специфических черт письменных и устных жанров делового речевого общения военнослужащих.

Цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть понятие *дискурс*, изучить типы дискурса и обосновать возможность существования *военного дискурса* как особой формы речевого взаимодействия военнослужащих;
- 2) дифференцировать понятия *дискурс* и *стиль* и проследить за процессом взаимодействия письменной и устной форм деловой военной речи;
- 3) рассмотреть понятие *речевой жанр*, уточнить его в процессе соотнесения с понятиями *тип текста* и *речевой акт*;
- 4) обосновать проблему типологизации речевых жанров и рассмотреть основные психолингвистические особенности устной и письменной речи;
- 5) выявить и описать с позиций коммуникативно-прагматического подхода письменные и устные речевые жанры, отражающие процесс делового общения военнослужащих и функционирующие в военном деловом и художественном дискурсах;

б) сопоставить характерные для устной и письменной форм речи коммуникативно-прагматические черты РЖ военного делового дискурса, выявить их общие черты и определить специфические характеристики устных военных жанров художественного дискурса.

Материал исследования. Несомненно, «специфика военного дела наложила свой отпечаток на все разновидности военной речи, как письменной, так и устной» [Стрелковский, 1973, с. 11]. Мысль Г.М. Стрелковского позволяет обратить внимание на источники эмпирического материала настоящего исследования, которыми являются письменные тексты и устные высказывания военнослужащих как результаты процесса делового речевого общения.

Так, материалом для изучения письменных деловых РЖ в настоящей работе служат военные документные тексты. Они дают возможность определить набор прагмалингвистических параметров коммуникативной ситуации, организующих её содержание и обеспечивающих верную интерпретацию коммуникативных намерений говорящих. В качестве речевого материала в работе используются тексты боевых документов времён Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Обращение к текстам этого периода обусловлено их языковым и стилевым соответствием материалам настоящего времени и возможностью применения системного подхода к изучению комплексов подлинных текстов, часть из которых до недавнего времени была под грифом секретности, что делало доступ к ним и, соответственно, их языковое исследование невозможным.

Изучение устных РЖ в нашей работе проводится на базе текстов художественных произведений о войне В.П. Астафьева, Б.Л. Васильева, В.Л. Кондратьева, В.П. Некрасова, И.Ф. Стаднюка и др. Выбор этих источников фактического материала объясняется следующим. Во-первых, в них высока частотность репрезентации деловых РЖ (*приказание, инструктаж, рапорт*), своеобразие которых обусловлено особенностями речевого общения в военной сфере. Во-вторых, в художественных текстах

фиксируется весь процесс устной коммуникации первичных и вторичных агентов военной ситуации. В-третьих, создатели текстов являются непосредственными участниками боевых действий и представителями реалистической литературной школы. Это даёт нам уверенность в правдивости описываемых событий и гарантирует достоверность отражения лингвальных и нелингвальных средств, используемых писателями для изображения речевых действий военных коммуникантов.

Всего автором проанализировано 534 текста боевых документов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (приказы, директивы, инструкции, положения, сводки, донесения, доклады) и 808 фрагментов текстов художественных произведений о войне, реализующих устные РЖ *приказание, инструктаж, устный доклад (рапорт)*.

Методологической основой исследования является система универсальных методов познания, таких как анализ, синтез, индукция, обобщение, логическая аналогия, применение которых позволяет изучить явления, сопоставить и постичь их сущность.

Теоретической базой данной работы послужили научные концепции в рамках следующих направлений:

– *теории дискурса* (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Борботько, Т.А. ван Дейк, В.З. Демьянков, М.Я. Дымарский, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, И.А. Лаврова, М.Л. Макаров, А.В. Олянич, В.Е. Чернявская, Е.И. Шейгал, E. Buysens, D. Schiffrin, M. Stubbs и др.);

– *проблемы существования военного дискурса* (В.М. Амиров, Ю.Ю. Дуброва, С.А. Муранова, А.В. Олянич, Т.В. Рубан, Ю.Н. Сдобнова, Е.А. Соловьёва, А.В. Уланов, И.В. Уткина, Д.Р. Фахрутдинова, Н.С. Шаталова, Т.С. Юсупова и др.);

– *лингвопрагматики* (Н.Д. Арутюнова, А.А. Архипова, В.В. Богданов, И.Н. Борисова, Т.В. Булыгина, В.Г. Гак, М.Я. Гловинская, В.В. Дементьев, О.С. Иссерс, Ю.Н. Караулов, А.В. Олянич, Дж. Остин, К.Ф. Седов, Н.И. Формановская, А.Д. Шмелёв и др.);

– *теории речевых жанров* (М.М. Бахтин, А. Вежбицка, Ст. Гайда, В.Е. Гольдин, В.В. Дементьев, К.А. Долинин, О.Н. Дубровская, С.Э. Зверев, Н.А. Карабань, М.Н. Кожина, В.П. Москвин, С.А. Муранова, Л.В. Рехтин, М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелёва и др.);

– *функциональной стилистики* (Т.В. Анисимова, Е.А. Баженова, Л.Г. Барлас, В.В. Виноградов, В.Е. Гольдин, Л.Р. Дускаева, М.В. Косова, М.Н. Кожина, С.П. Кушнерук, В.А. Салимовский, О.Б. Сиротинина, А.О. Стеблцова, Г.М. Стрелковский, М.А. Ягубова и др.);

– *психолингвистики* (И.Н. Борисова, Р.А. Будагов, И.Н. Горелов, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, Ю.Н. Караулов, Т.А. Пережогина, К.Ф. Седов и др.);

– *лингвистики текста* (Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, М.Я. Дымарский, Н.Д. Зарубина, В.И. Карасик, И.М. Кобозева, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Л.М. Лосева, В.А. Лукин, Т.М. Николаева, Т.Б. Радбиль, Г.Я. Солганик, К.А. Филиппов, В.Е. Чернявская, К. Adamzik и др.);

– *теоретических исследований в области функционально-семантической грамматики* (Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, А.П. Володин, В.Г. Гак, В.Ю. Гусев, Н.Р. Добрушина, В.С. Храковский, Н.Ю. Шведова, Т.В. Шмелёва и др.).

В работе использованы следующие **методы исследования**:

1) *Описательный метод*, позволяющий произвести наблюдения, сопоставление, обобщение, типологизацию анализируемого материала, выявить специфику его количественной репрезентации. Наблюдение над функционированием письменных и устных деловых РЖ в военном дискурсе позволило уточнить данные по частотности употребления описываемых деловых жанров, классифицировать их, представить характеристику языковых средств, участвующих в оформлении выявленных РЖ. Сопоставление результатов исследования письменных и устных военно-

деловых жанров дало возможность проследить за ассимиляцией деловых РЖ в художественном дискурсе и выявить специфику этого процесса.

2) *Дискурсивный анализ*, предполагающий изучение языка представителей военной сферы деятельности и позволяющий выявить социальный контекст, которым обусловлена письменная или устная речь военнослужащих.

3) *Метод компонентного анализа*, реализующийся в процессе описания параметров военных РЖ, заданных «Анкетой речевого жанра» Т.В. Шмелёвой [Шмелёва, 1990; 1995; 1997]. Разработанная исследователем модель, по словам В.В. Дементьева, представляет собой «коммуникативно-речевой вариант лексико-семантической методики компонентного анализа» [Дементьев, 2010, с. 47].

4) *Метод ступенчатой идентификации лексического значения*, который позволяет описать структуру лексического значения жанровых номинаций [Кузнецова, 1989, с. 36].

5) *Сопоставительный метод*, сущность которого заключается в сравнении нескольких явлений по определённым критериям.

6) *Стилистический анализ*, ориентированный на «адекватность выражения оттенков смысла» [Кожина, 2016, с. 33].

7) *Лингвопрагматический анализ* как разновидность функционального метода исследования, предусматривающий исследование функционирования языковых знаков в речи с учётом адресанта (субъекта), адресата (получателя сообщения), их взаимодействия в акте коммуникации.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- 1) уточняется дефиниция термина *военный дискурс*;
- 2) впервые проводится системный коммуникативно-прагматический анализ письменных военных речевых жанров *приказ, инструкция, доклад, отчёт* и устных речевых жанров *приказание, инструктаж, устный доклад (рапорт)* в военном деловом дискурсе;

3) рассматриваются специфические для названных жанров характеристики по таким параметрам, как коммуникативная цель, образ автора и образ адресата, языковое воплощение, изучение которых уже частично предпринималось в работах современных исследователей и получило развитие в настоящем исследовании; впервые даётся подробное описание следующих жанрообразующих параметров: диктум, «фактор прошлого» и «фактор будущего»;

4) на основе сопоставления параметров письменных и устных жанров делаются выводы о специфике ассимиляции жанров в военном деловом и художественном дискурсах.

Теоретическое значение исследования заключается в получении результатов, дополняющих имеющиеся в лингвистике сведения о документном тексте, о специфике жанровых разновидностей военных документов, их коммуникативно-прагматических особенностях. Данная диссертация вносит вклад в развитие идей жанроведения применительно к устным жанрам, функционирующим в институциональной и неинституциональной разновидностях делового военного дискурса.

Практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы в практике формирования речевого компонента профессиональной подготовки военных специалистов, а также при чтении вузовских курсов и создании учебных пособий по современному русскому языку, теории речевых жанров, дискурсологии, документной лингвистике, теории текста, коммуникативной лингвистике, риторике и культуре речи и теории языкознания для бакалавров, магистров, аспирантов и учёных-филологов.

Положения, выносимые на защиту:

1. *Военный дискурс* – это форма речевой деятельности военнослужащих, протекающая в типизированных коммуникативных военных ситуациях, обусловленная определёнными статусно-ролевыми характеристиками коммуникантов, предполагающая использование особого

языка воинов. *Деловой военный дискурс* получил свою номинацию благодаря *деловой* коммуникативной тональности, признаки которой признаются функциональной стилистикой характерными чертами официально-делового стиля речи. Степень официальности речи военнослужащих и специфика устной и письменной коммуникации в деловом дискурсивном регистре обуславливают дифференциацию языковых средств реализации деловой тональности в документных и художественных текстах. В последних базовые признаки деловой тональности подвергаются ассимиляции.

2. *Речевой жанр* – это динамичная, гибкая форма речи, обладающая обусловленным языковой сферой набором параметров и способная изменяться в пределах этого набора; реализующаяся в тексте как речевом произведении, продуцируемом в определённой ситуации и с соответствующей ей целью, которая обуславливает специфику речевого поведения коммуникантов. Деловой военный дискурс представлен РЖ императивного (директивного и регламентирующего) и информативного типов, выделение которых невозможно без учёта коммуникативных целей, функций и стратегий языкового поведения говорящего. В названных группах выделяются жанры, которые организованы как одной, так и несколькими коммуникативными интенциями. РЖ, относящиеся ко второму типу, склонны к синкретизму. Особенности жанров могут быть определены в соответствии с такими коммуникативно-прагматическими характеристиками их жанрообразующих признаков, как коммуникативная цель жанра, образ автора, образ адресата, диктумное содержание, фактор прошлого, фактор будущего, языковое воплощение [Шмелёва, 1997]. Помимо этого, важным для характеристики письменных жанров является учёт их композиции.

3. Устная и письменная разновидности директивных речевых жанров императивного типа обладают общими и частными средствами их реализации. Общими являются следующие характеристики: жанроорганизующая интенция *приказать*; применение говорящим тактики

убеждения; адресант как автор императивной идеи и как ретранслятор волеизъявления; активный, но несамостоятельный адресат; функционирование в физической сфере деятельности; актуализация как инициативной, так и реактивной формы бытования РЖ; инициирование РЖ информативного и императивного типов. Специфику устного жанра *приказание* составляют объём высказывания, оценочные жанры-реакции, средства языкового воплощения *приказания*, функцией которых является максимальное эмоциональное воздействие на адресата речи. Нетипичными для институционального дискурса являются функционирование в художественных текстах жанра *автоприказание*, самостоятельность адресата речи, нулевые речевые акты как реакции на приказание, оспаривание волеизъявления. Однако ассимиляция *приказа* и *приказания* является неполной: в художественном дискурсе отсутствуют типичные для деловой речи средства выражения семантики обобщённости; говорящий утрачивает способность к объективизации.

4. Общими чертами регламентирующих речевых жанров *инструкция* и *инструктаж* являются: коммуникативная цель – сообщить требования к организации боевой деятельности; интенция *научить*; направленность императивного действия на всех участников коммуникации; полисобытийность; функционирование в физической сфере деятельности, осуществляемой в момент подготовки к боевым действиям; реактивная форма существования; инициирование устного речевого жанра *согласие*; средства выражения императивной тональности. Специфическими характеристиками жанров становятся: сфера их распространения, степень конкретности / абстрактности коммуникантов; способность / неспособность к композиционному членению; зависимость *инструктажа* от директивного РЖ *приказание* и сближение с ним; личностно ориентированная направленность устного РЖ; способность / неспособность к трансформации; степень информативности и императивности РЖ. Специфику художественного дискурса представляет РЖ *мнимое согласие*

как перлокутивная характеристика *инструктажа*. В художественном дискурсе не отражены следующие элементы делового: сема 'норма', входящая в значение интенции *регламентировать*; универсальность, объективность, гипотетичность, абстрактность, стабильность, высокая информативность предписаний; направленность императивного действия на всех участников коммуникации; возможность композиционного членения текста; мотивированность содержания высказывания опытом массового регламентирующего агента.

5. Сопоставление РЖ информативного типа позволило выделить следующие общие для письменных и устных РЖ признаки: интенция *сообщить*; ролевая закреплённость адресанта (подчинённый) и адресата речи (командир); реализация событийного содержания РЖ пропозициями физической, ментальной и социальной сфер деятельности (с различной степенью их актуальности); полисобытийность жанров, реализующих побудительные интенции; мотивированность директивным РЖ; иницирование РЖ *приказ / приказание*; деловые средства языкового воплощения информативной интенции. Специфические черты устных разновидностей РЖ: антропоцентричность; лично ориентированная обусловленность устного жанра, реализация интенции *объяснить*; высокая степень императивности жанра, реализующего дополнительные побудительные интенции; элиминация статусных ограничений. Признаки неинституциональности военного дискурса: порождение РЖ эмоциональной оценки как перлокутивного эффекта *рапорта*, а также нулевых РА *молчания* различных типов; несоответствие социального положения коммуникантов выполняемым ими функциям. Ассимиляции в художественном дискурсе не подвергаются такие характеристики информативных жанров военной деловой коммуникации, как ориентация на предметы или процессы военного события, предъявляемые в качестве материального результата боевой операции; некатегоричность побуждения; неличный характер высказывания.

Оценка достоверности результатов исследования выявила: применены адекватные методы и приёмы исследования; объём анализируемого материала репрезентативен, поскольку включает достаточное количество документных и художественных текстов; полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу; основные выводы отражены в диссертации, научных статьях и материалах докладов, опубликованных в России.

Апробация работы. Основные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани. Основные положения исследования докладывались в 2019–2021 гг. на международных, всероссийских и региональных конференциях в городах Самара (2019 г.), Орёл, Нижний Новгород (2020 г.), Казань, Екатеринбург, Сызрань (2021 г.), среди которых:

– Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Слово русское в обучении и воспитании», посвящённая 90-летию со дня рождения Людмилы Михайловны Кузнецовой, профессора, доктора педагогических наук (Самара, Самарский государственный социально-педагогический университет, 2019 г.);

– Международная научная конференция «Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе – 17» (Орёл, Орловский государственный институт культуры, 2020 г.);

– Международная научная конференция «Активные процессы в русском языке: национальное и интернациональное» (Нижний Новгород, Институт филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2020 г.);

– VI Всероссийская педагогическая научно-методическая конференция «Проблемы и современные пути развития образования в области аэронавигации» (Сызрань, филиал ВУЦ ВВС «ВВА», 2021 г.);

– ХСVI Международная научно-практическая конференция «Культура, наука и искусство: вопросы продуктивного взаимодействия в XXI веке» (Казань, Общество Науки и Творчества, 2021 г.);

– Международная научно-практическая конференция «Наука России: Цели и задачи» (Екатеринбург, НИЦ «Наука России», 2021 г.).

Основные результаты исследования изложены в 9 публикациях общим объёмом 7,3 п. л., из них 3 статьи (3 п. л.) – в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ (Известия ВГПУ, 2019, № 9; Научный диалог, 2020, № 1; Вестник Северного (Арктического) федерального университета, 2021, № 3).

Соответствие паспорту научной специальности. В соответствии с формулой специальности 10.02.01 «Русский язык» диссертация демонстрирует возможности приложения общей лингвистической теории к конкретному материалу русского языка. Предметом изучения устройства и функционирования современного русского языка выступает текст, а языковая система определяется как языковая компетенция носителя языка и как лингвистическая модель.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы (205 наименований), списка словарей и грамматик (26 наименований), списка источников фактического материала (56 наименований), приложения.

Глава 1. Теоретические основы исследования *дискурса* как речевого образования

1.1. Проблема определения термина *дискурс*

В центре гуманитарных исследований последних десятилетий находится явление дискурсивности. Несмотря на актуальность определения понятия *дискурс*, точки зрения на его природу и подходы к типологизации многочисленны и неоднозначны. Рассмотрение методов изучения дискурса приводится в работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1990], В.З. Демьянкова [Демьянков, 1982], В.И. Карасика [Карасик, 2002; 2009], Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 2000], М.Л. Макарова [Макаров, 1997; 1998; 2003], Ю.С. Степанова [Степанов, 1995]; В.Е. Чернявской [Чернявская, 2009] и др.

Термин *дискурс* используется в нескольких значениях. Начало его распространения и осмысления как одной из ключевых категорий научного анализа и предмета междисциплинарных исследований связывают, как правило, с работой бельгийского лингвиста Э. Бюиссанса [Buysens, 1943]. Ученый включает в сосюрсовское противопоставление языка и речи (*langue – parole*) новый член – *discours*, – понимая его как комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка (*langue*). Речь – *parole* – является механизмом осуществления этих комбинаций. Так, дискурс, по Э. Бюиссансу, – это конкретная реализация языкового кода в речи.

М.Л. Макаров [Макаров, 1998] пишет, что в лингвистике существует несколько подходов к определению термина *дискурс*: 1) формальный; 2) функциональный; 3) ситуативный.

Сторонники формальной интерпретации [Stubbs, 1983; Schiffrin, 1994; Steiner, Veltman, 1988] под дискурсом понимают «два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи» [Звегинцев, 1976, с. 170], т. е. дискурс – это сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, по словам В.З. Демьянкова, «произвольный фрагмент

текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения» [Демьянков, 1982, с. 7].

Функциональный подход базируется на понимании «дискурса как использования (употребления) языка, т. е. речи во всех ее разновидностях» [Карасик, 2002, с. 190]. По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, которая соглашается с мнением М.Л. Макарова, такой подход неприемлем, поскольку он «предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте» [Макаров, 1997, с. 122], в то время как «дискурсивный анализ должен, по идее, “интегрировать анализ формы и функций своего объекта”» [Кубрякова, 2000, с. 7].

Формально-функциональный, или ситуативный, подход основан на идее Талми Гивона (1979) о том, что «структура языка не может быть успешно изучена, описана, понята или же объяснена без отсылки к его коммуникативной функции» (цит. по: [Кубрякова, 2000, с. 6]).

В.И. Карасик пишет, что «ситуативная интерпретация дискурса – это учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, т. е. поле прагмалингвистического исследования» [Карасик, 2002, с. 190].

Истоки такого подхода заложены в исследованиях Т.А. ван Дейка, который рассматривает дискурс «не только как автономный вербальный “объект”, но и как контекстуальное взаимодействие, социальную практику или тип коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте» [Ван Дейк, 2013, с. 21]. С этой точки зрения, в сфере исследовательского интереса находятся компоненты коммуникативного процесса (автор, адресат, интенция, сфера общения) и способы организации текста как результата коммуникации.

Большинство современных исследователей являются сторонниками ситуативного подхода и указывают на социалингвистическую природу дискурса как процесса, отличая его от текста как результата этого процесса.

Так, Н.А. Лаврова подчёркивает, что дискурс – это и «речевой поток, характеризующийся индивидуальными и социальными особенностями коммуниканта и коммуникативной ситуацией» [Лаврова, 2010, с. 164], и «сложнокоммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы» [Там же].

Н.Д. Арутюнова говорит, что «дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”. Поэтому термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [ЛЭС, с. 136–137]. Так, исследователь рассматривает дискурс как актуализацию текста с опорой на экстралингвальные параметры.

В нашем исследовании мы будем придерживаться определения Е.С. Кубряковой, которая говорит о дискурсе как о коммуникативном явлении, существующем отдельно от текста и зависящем от целеполагания речи: «Дискурс – это такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова, 2004, с. 525].

Рассматривать дискурс как целенаправленное речевое действие (о чём говорит Н.Д. Арутюнова в [ЛЭС, с. 136–137]), обусловленное социальной идентичностью участников коммуникации, мы считаем наиболее приемлемым для решения задач нашего исследования, одной из которых

является изучение типов дискурса и обоснование возможности существования его военной разновидности как особой формы речевого взаимодействия военнослужащих.

В.Г. Борботько пишет, что «каждая область человеческой деятельности обладает собственным дискурсом, в котором реализуются способности человека к рефлексии и коммуникации» [Борботько, 2011, с. 6]. Мнение учёного убеждает в том, что содержание понятия, обозначенного термином *дискурс*, обусловлено *сферой использования языка*. Выделенный термин представители социолингвистического направления В.И. Беликов и Л.П. Крысин определяют как «область внеязыковой действительности, характеризующуюся относительной однородностью коммуникативных потребностей, для удовлетворения которых говорящие осуществляют определенный отбор языковых средств и правил их сочетания друг с другом» [Беликов, 2001, с. 39]. Так, наш исследовательский интерес направлен на изучение *военного дискурса* (далее – ВД), специфика которого обусловлена структурой и содержанием военной сферы деятельности и способами речевого поведения человека в ней.

В.Е. Чернявская, изучая феномен *дискурс*, говорит о нём как о совокупности тематически общих текстов, каждый из которых интерпретируется его исследователем и идентифицируется им как единица определённой коммуникативной практики [Чернявская, 2009, с. 148]. Исследователь подчёркивает, что при таком понимании *дискурса* оправдано его изучение на основе устных и письменных текстов, объединённых содержательно-смысловым и интенциональным критерием. Принимая идею В.Е. Чернявской, мы анализируем ВД на основе тех материалов, которые представлены в качестве его результатов и зафиксированы в письменных текстах документов как продуктов реализации деловой разновидности дискурса и в текстах художественных произведений о войне, отражающих процесс в том числе устной коммуникации первичных и вторичных агентов военной ситуации. На этом основании мы будем говорить о *деловом*

и художественном дискурсах, называя первым термином, вслед за А.О. Стеблецовой, «социальную интеракцию его участников по вопросам, связанным с организацией и структурой общения, обеспечения эффективного и результативного общения для решения профессиональных задач, поддержания внутреннего статусного и функционального устройства социального института» [Стеблецова, 2015б, с. 534–535].

Художественный дискурс, пишет Т.А. ван Дейк [Dijk, 1979], – коммуникативный акт, основной характеристикой которого является «стремление писателя при помощи своего произведения воздействовать на внутреннее, духовное пространство читателя, на его систему ценностей, верования и стремления с тем, чтобы изменить их» (цит. по: [Юркевич, 2014, с. 107–108]). Специфическими признаками художественного дискурса являются антропоцентричность, художественная информация, вымысел, стилизованность, объединение устной и письменной речи, эмотивность. В настоящем исследовании продуктом реализации художественного дискурса, позволяющим его опознать и изучить, является художественный текст.

Анализ текстов художественной литературы о войне интересен с позиции функционирования в них элементов военного делового дискурса. Г.И. Фазылзянова называет художественный текст «опредмеченным результатом универсального освоения человеком мира, – моделью, в которой человек воспроизводит себя в целостности своего природно-социально-культурного бытия, и тем самым расширяет свое жизненное пространство, дополняя свой реальный жизненный опыт иллюзорным опытом жизни в художественной реальности» [Фазылзянова, 2008, с. 418–419]. Поэтому важно проследить за тем, как деловой дискурс влияет на формирование универсальной модели человеческого мировоззрения, какие явления привели или могут привести к изменению речевой нормы, появлению новых речежанровых тенденций.

Выбор текстов как продуктов письменной и устной коммуникации в качестве эмпирического материала, позволяющего постичь специфику дискурса, обоснован М.Я. Дымарским, утверждающим, что именно текст «представляет собой “упакованную” коммуникацию, включая в свернутом виде не только все элементы коммуникативного акта, но и сигналы для их дешифровки» [Дымарский, 1999, с. 61]. Так, например, в тексте приказа (рис. 1), являющегося продуктом письменной коммуникации в деловом дискурсе, одним из параметров, позволяющих отнести данный текст к речевому жанру *приказ*, функционирующему в ВД, является статусная характеристика вышестоящего адресанта речи. Указание в начальной и конечной формуле текста должности и воинского звания говорящего *Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза*, а также отсутствие конкретной информации об адресате речи формируют представление об авторе приказа как о лице, находящемся на более высокой ступени иерархической лестницы в отличие от того, для кого этот приказ предназначен.

Рис. 1 – Приказ народного комиссара обороны Союза ССР «О введении в действие Наставления по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений Красной Армии» № 0130 от 20 июня 1940 г. [Исаков, 2000, с. 7]

В *приказании* как речевом жанре устной коммуникации статусная характеристика говорящего обязательно содержится в контексте:

Сашка влетел в роту, крича «немцы! немцы!», чтоб упредить своих, и тут же столкнулся с ротным, схватившим его за грудь и прокричавшим прямо в лицо:

– Много их? Много?

– Много! – выдохнул Сашка.

– Беги передай – всем за овраг! Там залечь и ни шагу!

– А вы?

– Беги! – повторил ротный, и Сашка побежал [Кондратьев, 1985а,

с. 172].

В представленном фрагменте вышестоящим субъектом является *ротный*, о чём говорит указание на занимаемую им должность и этикетное обращение нижестоящего *А вы*. В конкретной фразе *Беги передай – всем за враг! Там залечь и ни шагу!* указание на социальное положение адресанта речи отсутствует, однако в любом случае волеизъявление осмысливается исполнителем как приказ именно на основании знания им статуса говорящего.

В другом фрагменте художественного текста, репрезентирующем речевой жанр *устный доклад*, адресантом речи является подчинённый, обязанный по запросу начальника информировать о ситуации:

– *Сержант! Все люди на месте?*

– *Вроде все... – не враз, а сперва приподнявшись и глазами пересчитав людей, ответил сержант не особо уверенно.*

– *Точнее!*

Сержант еще раз огляделся, помедлил малость с ответом, но подтвердил:

– *Все, товарищ командир* [Кондратьев, 1985а, с. 173].

Определить статус докладчика-подчинённого и волеизъявителя-командира позволяет как регламентированный порядок говорения (сначала старший по званию, затем – младший), так и неформальное обращение первого коммуниканта ко второму (*сержант*), а также уставное обращение второго участника диалога к первому (*товарищ командир*).

Неуставные формы обращения часто встречаются в текстах художественных произведений, но невозможны в письменном деловом дискурсе. Нарушение официальности делового общения в устной речи говорит о желании коммуникантов показать своё психическое состояние: в приведенном выше примере командир раздражён. Документные тексты, наоборот, не передают эмоций говорящего, не формируют знания читателя о его внутреннем мире. На этом основании стоит говорить о разных типах

ВД, один из которых строится на основе соблюдения требований к способам выражения статуса коммуникантов, а другой, напротив, стремится их нарушить.

Итак, исходя из цели и задач нашего исследования, мы избрали коммуникативный подход в понимании *дискурса*. Устные и письменные тексты военного дискурса, отражающие процесс делового общения и бытующие в деловой и художественной дискурсивных разновидностях, требуют сопоставительного анализа, в ходе которого будут определены параметры, позволяющие опознать и актуализировать коммуникативные события ВД различных типов, о которых будет сказано далее.

1.2. Военный дискурс и его социолингвистические разновидности

С позиций социолингвистического подхода *дискурс* представлен двумя типами: личностно ориентированный и статусно ориентированный дискурсы. Личностно ориентированное общение предполагает желание говорящего «раскрыть свой внутренний мир адресату и понять адресата как личность» [Карасик, 2016, с. 25]. Этот тип реализуется в сфере бытового и бытийного (художественного, философского, мифологического) общения. Статусно ориентированный подход характеризует участников коммуникативной ситуации как «представителей той или иной общественной группы» [Там же], имеющих определенный статус и играющих обозначенную обществом роль. Этот принцип М.Н. Кожина называет ведущим [Там же, с. 194] в разделении дискурсного пространства.

В.И. Карасик, оценивая дискурс с точки зрения социолингвистики, в соответствии с которой вид общения определяется принадлежностью людей «к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик, 2002, с. 194], выделяет институциональную и неинституциональную разновидности статусно ориентированного дискурса. Учёный даёт следующее определение институциональным типам дискурса – «это специализированная

клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2002, с. 195].

К этой разновидности исследователь относит политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды дискурса, поскольку они отражают специфику соответствующего общественного института [Карасик, 2016, с. 22]. Обратимся к тому типу институционального дискурса, который В.И. Карасик называет военным.

В научной литературе встречаем несколько определений военного дискурса. Ю.Ю. Дуброва под ВД понимает «совокупность речевых произведений, создаваемых в рамках военной сферы общения, которая регламентируется определенными правилами, традициями и опытом, что находит отражение в выборе языковых средств» [Дуброва, 2013а, с. 67]. Более полную дефиницию, основанную на функционально-прагматическом подходе, предлагает Е.А. Соловьёва, называя ВД таким типом дискурса, «который направлен на актуализацию военных и других связанных с ними реалий, а также событий и лиц, содержит специфический лингвосемиотический код и реализуется в определённом военно-социальном и пространственно-временном экстралингвистическом контексте» [Соловьёва, 2019, с. 48].

А.В. Уланов определяет ВД как «особый вид речевой организации картины мира военнослужащих, обладающий такими свойствами, как соотнесенность с речевой военной ситуацией, окружающей обстановкой военной сферы; специфической военной хромотопностью; интенциональностью; целостностью используемых речевых элементов; связностью; военно-фактологической информативностью; процессуальностью; интертекстуальностью; авторитетностью военно-теоретических и военно-исторических источников; антропоцентричностью

военной картины мира; способностью к взаимодействию с другими дискурсами институционального типа» [Уланов, 2014а, с. 25–26].

А.В. Олянич призывает военным дискурсом называть «речевую коммуникацию военных как специалистов, пользующихся терминологическим милитаристским подязыком» [Олянич, 2004, с. 121].

Согласимся с учёными, которые отмечают специфичность речевой коммуникации в военной сфере, выражающуюся в первую очередь в наличии особых носителей военного языка. Однако отметим, что в дефинициях отсутствует важное замечание, данное А.Г. Максапетяном [Максапетян, 2001] и рассматриваемое А.В. Оляничем: «Военный язык, как ключевой моделирующий язык для воинов, изначально пользователями которого они являются (язык воина), и дуально-антагонистическая милитаристская модель, как базовая модель Мира для воинов, изначально носителями которой они являются (модель воина), во многом обуславливают как преимущественную или приоритетную жизненную идеологию и стратегию воина в целом, т. е. соответствующий тип мышления и поведения вообще, так и уже вполне реальное поведение воина в иных, невоенных, ситуациях, вплоть до практического применения собственного военного опыта в других мирах, в том числе – в сфере межчеловеческих отношений» (цит. по: [Олянич, 2004, с. 121]).

Несомненно, военнослужащие, жизнь которых подчинена законам профессиональной деятельности, используют милитаристские языковые средства не только в военной, но и в иных сферах человеческой деятельности. Так, например, в романе М.И. Веллера «Приключения майора Звягина» содержится высказывание, которое характеризует не соответствующее сфере общения речевое поведение говорящего: *Молчать и слушать старших по званию, – приказал Звягин. – Тот, кто доказывает свою правоту физической силой – по-природному исконно прав: он доказывает, что значительнее своего обидчика и врага на Земле...* [Веллер 2011, с. 374]. В представленном фрагменте команда в духе армейского

приказание отдаётся человеком, принадлежащим военной профессии, но в ситуации, не относящейся к его профессиональной деятельности.

Обращает на себя внимание высказывание А.Г. Максапетяна о том, что воины – изначальные пользователи военного языка, первичные агенты-носители милитаристской модели [Максапетян, 2001]. Мысль учёного ведёт к признанию существования вторичных агентов-пользователей, не являющихся воинами, но частично или полностью принявших модель милитаристского поведения, ассимилировавших в процессе воздействия внешних обстоятельств непреодолимой силы, какими являются война и военные действия.

Итак, *военный дискурс*, в нашем понимании, – это письменная или устная форма актуальной речевой деятельности первичных и вторичных агентов-участников военной ситуации. Признаком, позволяющим номинировать рассматриваемый нами дискурс, является военная сфера, определяющая участников социального взаимодействия и закрепляющая их статусную ориентацию, организующая типизированные коммуникативные ситуации, имеющая культурологические формы особого, строго обозначенного и жёстко закреплённого характера, предполагающая нормы и правила использования языка.

Традиционно исследователи ВД говорят о его институциональности [Дуброва, 2013а, 2013б, 2015; Сдобнова, 2014; Фахрутдинова, 2008; Юсупова, 2009; 2010]. В армии как социальном институте «говорят на “особом” языке, т. е. используют общую для всей группы терминологию, синтаксические и грамматические конструкции, кроме того, для данного института, как правило, характерен определенный набор типичных текстов, отражающих типичные ситуации коммуникации в рамках этого дискурса» [Дуброва, 2013б, с. 39]. Е.А. Соловьёва совершенно справедливо указывает на нормированность речи участников институционального общения: «На формальном лингвистическом уровне институциональный дискурс – это прежде всего дискурс, реализуемый путём устного либо письменного

обращения преимущественно к литературно-нормированному инструментарию языковой системы» [Соловьёва, 2019, с. 51].

Выявление дискурса институционального типа обосновано информативностью, одноплановостью, точностью, однозначностью, стандартностью, устойчивостью, серьёзностью, конкретностью смыслов текстов, реализующих речевое взаимодействие. Согласимся с В.И. Карасиком, который утверждает, что «эти параметры общения представляют собой своеобразные ключи и тональности дискурса, дополняющие и уточняющие те типы дискурса, которые выделяются на социолингвистической основе» [Карасик, 2002, с. 200].

Несомненно, номинирование ВД *деловым* связано с теми характерными признаками исследуемых текстов, которые представители направления функциональной стилистики относят к специфике текстов официально-делового стиля речи. Обозначенный параметр *деловой* по понятным причинам ведёт к необходимости уяснения характера соотношения понятий *дискурс* и *стиль*, что осуществлено нами в § 1.3.

Помимо нормированного, формального общения, существует другой его тип – неформальный, который, по словам Т.С. Юсуповой, «характеризуется активным использованием социально-профессионального кода арго, жаргонизмов, сленга» [Юсупова 2010, с. 8]. Так возникает мысль о неоднородности ВД, что позволяет А.В. Уланову говорить о существовании его институциональной и неинституциональной разновидностей. Признаками первой, по словам исследователя, являются целенаправленная взаимодействие, «статусно-ролевое» общение агентов социального действия, социально направленный характер и специфическая хромотопность. Специфика неинституциональной разновидности ВД, по мнению учёного, заключается в «субъективности коммуникативных действий» [Уланов, 2014а, с. 358], в «эмоционально-оценочной, разговорно-бытовой интерпретации военных событий» [Там же].

Мы согласны с таким подходом и, вслед за Е.А. Соловьёвой, считаем

институциональный тип ВД видом «военного дискурса, который реализуется представителями Вооружённых Сил как социального института при вербальном взаимодействии друг с другом или с обществом и характеризуется регламентированностью, формализацией, конвенциональностью, воспроизводимостью, маркированной социальной направленностью, выраженным статусно-ролевым взаимодействием и преимущественным использованием литературно-нормированных языковых знаков» [Соловьёва, 2019, с. 52]. Этот вид дискурса представлен как в деловых, так и в художественных текстах. Бытование военного дискурса в текстах различной стилистической ориентации побуждает нас к решению вопроса о возможности сопоставления продуктов речевой деятельности коммуникантов с целью выяснения общих и частных характеристик речевого общения военнослужащих в различных условиях социального взаимодействия. Сказанное обуславливает обращение к сопоставлению и разграничению таких понятий, как *дискурс* и *стиль*.

1.3. *Дискурс* и *стиль*: дифференциация понятий. Взаимодействие письменной и устной форм деловой военной речи

Специалист в области теории дискурса В.И. Карасик относит термин *функциональный стиль* «к числу наименее удачных терминов в лингвистике» [Карасик, 2002, с. 205] и вводит понятие *формат дискурса*, под которым понимается «разновидность дискурса, выделяемая на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств» [Карасик, 2002, с. 205]. Исследователю оппонирует Е.В. Чернявская, оставляя за стилистическим подходом право на бытование в сфере действия функциональной лингвистики: «Функциональный стиль и функциональная стилистика не может отрицаться современными дискурсивно-ориентированными подходами. Функциональный стиль

сохраняет свою самодостаточную значимость как единица членения текстового континуума, как объект лингвистического анализа. Одновременно с этим и дискурс как особый модус описания языковой деятельности значим как единица операционального анализа, добавляющая детализацию в наши представления о коммуникативной практике» [Чернявская, 2011, с. 94].

Соотношению понятий *дискурсный анализ* и *функциональная стилистика* посвящены работы М.Н. Кожиной [Кожина, 2004; 2016]. Указывая на общность лежащего в основе обеих теорий речеведческого подхода, учёный подчёркивает свою принципиальную позицию о нетождественности рассматриваемых явлений: «Эти термины-понятия нельзя отождествлять» [Кожина, 2016, с. 191].

В основе дифференциации *дискурса* и *функционального стиля*, по словам М.Н. Кожиной, лежит разность исходных факторов, важнейшими из которых являются предметы исследования и их систематизация.

Так, функциональная стилистика, опираясь на *формы общественного сознания*, представлена стройной системой «изучаемых объектов: функциональных стилей, подстилей, жанров и т. д., включая как макростилевую, так и внутрестилевую аспекты и в целом полевою структуру функционального стиля (с учетом центра, периферии и межстилевых влияний и зон)» [Кожина, 2016, с. 193–194], тогда как «какая-либо общая систематизация дискурсов, *дискурсивных формаций* нам неизвестна, да и вряд ли она возможна» [Там же, с. 194], поэтому типологизация дискурса представлена множеством отдельных классификаций по различным основаниям.

Дискурс, восходя к формации, привязан к определённой общественной практике, социально-исторически обусловлен, динамичен, изменчив, ситуативен. *Функциональный стиль*, по словам О.В. Орловой, «приобретает такие свойства форм общественного сознания, как типизация неопределенного множества отдельных общественных практик в объективно ограниченное количество форм общественного сознания, косвенная

социально-историческая обусловленность, “эволюционность”, стабильность, тенденция к инвариантности речевых манифестаций» [Орлова, 2013, с. 21–22].

Обозначить принцип, лежащий в основе различия понятий *дискурс* и *стиль*, стремится В.Е. Чернявская. Учёный пишет, что фундаментальным критерием идентификации и дифференциации стилей являются базовые социально значимые сферы общения и деятельности, соотносимые с формами общественного сознания [Чернявская, 2009, с. 148], к которым традиционно относят искусство, науку, мораль, право, политику, религию, идеологию и др. [Толстых, 1986, с. 62]. Дискурс представляет сегменты этих сфер, которые В.Е. Чернявская предлагает выделять опытным путём, т. е. посредством наблюдения конкретных, типичных, повторяющихся коммуникативных ситуаций [Чернявская, 2009, с. 148]. Количество функциональных стилей конечно; количество дискурсов не ограничено, так как их появление обусловлено интерпретативной деятельностью субъекта, решающего вопрос о возможности объединения текстов (высказываний) и отнесения их к единому типу дискурса [Чернявская, 2011, с. 92–94]. Так, *функциональный стиль* – явление статичное, объективное, представляющее собой определённый набор языковых средств и приёмов употребления, отбора и сочетания единиц языка. *Дискурс* – понятие динамичное, субъективное, неустойчивое, поскольку зависит от постоянно меняющихся экстралингвистических факторов, существующих только в момент речепорождения.

В настоящей работе мы следуем мысли В.В. Виноградова, который говорит, что стиль – это «общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединённая совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения» [Виноградов, 1955, с. 73].

Дискурс – речевой компонент коммуникативного события, определяющийся сферой деятельности участников общения, темой и целями их речи, которые обуславливают выбор тех или иных средств речевого общения. Результат этого живого процесса речевого общения отражается в тематически идентичных текстах различных стилей. Так, продукты ВД могут быть зафиксированы в речевых произведениях научных (научный доклад, научная статья), публицистических (газетная статья), деловых (приказ, распоряжение, рапорт), художественных (мемуары, стихотворения) и разговорных (беседа) жанров, типологические номинации которых получены от функциональных стилей, определяющих их языковое содержание.

В работе мы говорим о существовании военного делового дискурса, имея в виду речевую деятельность участников коммуникативных событий, ограниченных военной тематикой и реализующихся в сфере официального делового взаимодействия военнослужащих, результаты которого отражены в текстах документов. Основным их признаком является письменная форма речи.

Одной из задач нашего исследования является изучение механизмов взаимовлияния деловых жанров устной и письменной военной коммуникации. Продемонстрируем это на примере, рассмотрев языковые черты письменного и устного жанров императивного типа *приказ* и *приказание*, которые бытуют в деловом ВД, и определим степень их соответствия нормам официально-делового стиля русского языка.

Дискурсивное событие «приказ о наступлении» представляет типичную модель ВД, реализующуюся в речевом жанре письменного *приказа* и имеющую деловую тональность. Основными языковыми средствами реализации приказа являются средства официально-делового стиля речи (далее – ОДС). В *Приказе войскам Юго-западного фронта № 063 / оп о наступлении на противника в условиях зимы*

от 4 декабря 1941 г. [Сборник 17, 1952, с. 5] находим следующие типичные для ОДС лексические признаки [Стеблецова, 2015а, с. 229–230, с. 256–257]:

1) лексика дискурсивно-событийного характера, связанная с определённым официальным событием (*наступление, практика, занятия, приказываю*);

2) лексика профессионального характера, к которой относятся названия должностей и подразделений (*Командующий войсками Юго-западного фронта, Начальник штаба, Член Военного Совета Юго-Западного фронта, наступающая пехота, командиры, противник, командный состав, бойцы, разведывательные и истребительные отряды*);

3) названия видов и предметов профессиональной деятельности (*практика последних боев, наступление, действия в зимних условиях, занятие и удержание населенных пунктов, длительный бой, уничтожение противника*);

4) деловые клише (*в связи с наступлением, как показала практика, вести бой, бой за населенный пункт, довести до..., отработать вопрос*).

Морфологические средства воплощения официально-деловой речи [Кожина, 2016, с. 324–326] представим примерами из *Приказания войскам Южного фронта с объявлением директивного указания Главнокомандующего Юго-Западного Направления от 7 января 1942 года об организации и ведении наступательных боев в зимних условиях (10 января 1942 года)* [Сборник 17, с. 6–7]:

1) отглагольные существительные (*соединения, действия, наступление, захват, расположение, организация, блокирование, блокировка, ликвидация, подготовка, атака, сопротивление и др.*);

2) использование отымённых предлогов (*в условиях, в связи с, в силу этого, вне (населенных пунктов)*);

3) неопределённая форма глагола (*использовать опыт, потребовать решительных и смелых действий в наступлении, создавать специальные блокировочные отряды*);

4) формы прошедшего и настоящего времени глаголов со значением подчеркнутой констатации (*обороняют населенные пункты, прикрывают важные направления, простреливаются фланкирующим огнем, наблюдаются небольшими группами пехоты, превращаются в сильные узлы сопротивления, выселяются из домов и др.*);

5) краткие прилагательные со значением долженствования (*должны действовать в общей связи с частями первых эшелонов, необходима тщательная подготовка атаки населенных пунктов, должна предшествовать артиллерийская обработка*);

6) формы настоящего времени глаголов со значением предписания (*приказываю*).

Синтаксические средства ОДС:

1) односоставные инфинитивные предложения с императивным значением (*Командирам частей и соединений довести до каждого командира и бойца о нашем преимуществе по ведению боя вне населенных пунктов* [Сборник 17, 1952, с. 5]);

2) простые двусоставные предложения, обозначающие цель действия именными группами (*Для ликвидации блокированных гарнизонов противника необходима тщательная подготовка атаки населенных пунктов с подробно разработанным планом захвата этого населенного пункта* [Там же, с. 6]);

3) простые распространённые предложения с использованием условно-временных конструкций с предлогами *при, во время* (*При производстве работ и организации обороны населенных пунктов руководствоваться прилагаемыми указаниями* [Там же, с. 5]);

4) осложнённые причастными и особенно деепричастными оборотами предложения (*Ночными действиями разведывательных и истребительных отрядов не давать покоя противнику, засевшему в населенных пунктах, лишая его сна и отдыха* [Там же, 1952, с. 5]);

5) бессоюзные сложные предложения (*Широко использовать опыт действий 21-й армии, потребовать от командиров всех соединений и частей*

решительных и смелых действий в наступлении, по захвату в расположении противника не отдельных населенных пунктов, а оперативно важных районов [Сборник 17, 1952, с. 6];

б) предпочтение страдательных конструкций в констатирующих частях директивных документов (*Для защиты от нашего огня стены домов усиливаются земляными насыпями или обкладываются мешками с землей* [Там же, с. 7]);

7) нанизывание родительного падежа (*В силу этого тактика немецких частей сводится к занятию и удержанию населенных пунктов*) [Там же, с. 5]).

Так, деловая тональность документных текстов императивного типа, которыми мы считаем *приказ, приказание, директиву, распоряжение и указание*, создаётся с помощью языковых средств, характерных для ОДС. Но результат *приказа* в военном деловом дискурсе зафиксирован не только в письменных текстах, направленных на организацию и обеспечение военной сферы деятельности, но и в устных высказываниях, сопровождающих процесс коммуникации в режиме реального времени (on-line).

И.В. Уткина (2006) в диссертационном исследовании «Оптимизация форм речевого общения военнослужащих в учебно-профессиональной сфере» характеризует военный официально-деловой стиль речи и описывает его фонетические, лексические и грамматические характеристики [Уткина, 2006а, с. 66–70]. Изучение материалов названной диссертации позволило отметить специфику устной военной деловой речи. Исследователь отмечает её фонетические особенности: повышенное внимание к артикуляции (чёткость), интонации (торжественность) и голосу (повышенная громкость). Требования к способам произнесения различных речевых жанров зафиксированы в Строевом уставе. Например, разные виды команд подаются с различной голосовой характеристикой: для предварительной команды характерны отчётливость, громкость и протяжность; для исполнительной – громкость, чёткость, отрывистость, а также наличие предварительной паузы

(см.: «С целью привлечь внимание подразделения или отдельного военнослужащего в предварительной команде при необходимости называется наименование подразделения или звание и фамилия военнослужащего. Например: “Взвод (3-й взвод) – СТОЙ”. “Рядовой Петров, кру-ГОМ”») [Строевой устав, 2008, с. 5].

Лексико-фразеологические особенности и морфологические особенности устной и письменной речи, по мнению И.В. Уткиной, идентичны. Среди них она называет использование специальных военных терминов и аббревиатур (*дивизион, командир, тактический, дислоцировать, командный пункт, сампо, ВРИО, ЗРК* и др.); идиомы, имеющие структуру глагол + существительное с процессуальной семантикой (*осуществить управление, организовать подготовку, назначить административное расследование*); отсутствие эмоционально-оценочной лексики; использование отыменных предлогов и союзов (*в соответствии, на основании, в результате* и др.), отглагольных существительных со значением действия (*назначение, восстановление, выполнение* и др.), инфинитивных форм глаголов (*поощрить, подготовить, утвердить* и др.).

Синтаксис устных высказываний отличается от конструкций письменных документов стремлением к их сокращению.

Как видим, устная и письменная формы делового общения в военной сфере обладают рядом черт, присущих официально-деловому стилю речи и характеризующих дискурс с точки зрения определённых лексических и грамматических параметров. При этом следует отметить, что деловой тональностью обладают как тексты, которые функциональной стилистикой отнесены к официально-деловым документам, так и тексты художественных произведений, отражающие процесс устного речевого общения, о которых речь пойдёт в следующем параграфе. Параметр *деловой* в этих высказываниях решает вопросы репрезентирования ситуации общения.

1.4. Особенности ассимиляции языковых единиц официально-делового и разговорного стилей в художественном дискурсе

Рассмотрим теперь деловые речевые ситуации, представленные в текстах художественных произведений. Способность художественного текста фиксировать живую разговорную речь, бытующую только в режиме реального времени, позволяет выделить и интерпретировать специфические черты устной деловой официальной и неофициальной военной коммуникации.

По И.В. Уткиной, и письменная, и устная формы военной речи чаще всего соответствуют требованиям ОДС. Однако исследователь справедливо замечает, что в устных жанрах допускается «использование не только официальных выражений (и слов), но и общеупотребительных, иногда просторечных и разговорных» [Уткина, 2006а, с. 133].

Так, устная речь может включать в себя элементы разговорного стиля, а степень её официальности, серьёзности, стереотипности зависит от социального положения коммуникантов (чем выше статус говорящего, тем официальнее его речь) и пространственно-временного параметра, т. е. от того, в каком месте (на поле боя или в тылу) и в какое время (в момент боевых операций или при подготовке к ним) происходит речевое событие. Проследить за ассимиляцией признаков официально-делового и разговорного стилей мы можем на примере *приказаний*, функционирующих в текстах художественных произведений о войне Б.Л. Васильева, чему посвящено дальнейшее рассуждение.

1.4.1. Лексические характеристики

Лексические особенности функционирования единиц ОДС в художественном дискурсе сводятся к возможности употребления специальной лексики, идиоматических выражений и иностилевых единиц речи.

1. Так, исследуемую нами сферу характеризует прежде всего использование военных профессиональных терминов: *расположение, сопротивление, отделение, обоймы, патроны, винтовки, боец, головной, старший, позиция, команда, приказ* и др. Это наблюдается в художественном дискурсе: *В поиск со мной пойдет боец Четвертак. Здесь Осянина старшая. Задача: следом двигаться на большой дистанции* [Васильев, 1994, т. 1, с. 274]; *Возьмите отделение и проверьте, что за стрельба в лесу* [Там же, с. 382].

Термины военного подъязыка, обозначающие действия военнослужащих (*наблюдение, оборона, охрана* и др.), место их пребывания (*расположение*), специфические объекты, используемые в профессиональной деятельности (*боеприпасы, винтовки*); указывающие на отнесённость милитарных агентов к крупной воинской единице (*подразделение, отделение*); а также речевые действия (*приказ, доклад*) выражены отглагольными именами существительными и образованы как суффиксальным способом (*сопротивление, стрельба*), так и безаффиксным способом с усечением производящей основы (*караул, тревога, припас, дозор, оборона, охрана, плен, приказ*). Термины, обозначающие функции военнослужащих, выражаются субстантивированными прилагательными и причастиями: *головной, старшая, замыкающая, разводящие* (*Я – головной <...> Младший сержант Осянина – замыкающая* [Там же, с. 227]).

2. Ещё одной чертой является использование канцелярских штампов (клише)¹ [Барлас, 1978, с. 81] и строевых слов² [Богуславский, 1968, с. 35]: *в ваше распоряжение, в случае сопротивления, под суд, под вашу ответственность, по моей команде* (*Десять человек – в распоряжение*

¹ В настоящей работе под термином *канцелярский штамп (клише)* понимается устойчивый оборот, представляющий собой готовый речевой блок [Кушнерук, 2011, с. 121] и использующийся при создании текстов в процессе делового общения.

² Под термином *строевые слова* мы понимаем языковые единицы, которые, по словам Е.В. Соколовой, не имеют «конкретного денотата, но выявляют смысловые отношения между ролями в денотативной структуре предложения» [Соколова, 2019]. В.М. Богуславский строевыми словами делового стиля речи называет следующие единицы: *в целях, с целью, согласно, в связи, по линии, в части, в отношении, в вопросе, в деле, за неимением* и др. [Богуславский, 1968, с. 35]. В настоящем исследовании номинацию *строевые слова* получают знаменательные части речи, которые приобретают признаки служебных и авторами «Русской грамматики» относятся к разряду составных предлогов [Грамматика-80, т. 1, с. 704–707].

лейтенанта! [Васильев, 1994, т. 2, с. 201]; – *Предупредить!* — крикнул генерал. – *Командира – под суд! Под вашу ответственность, Сергей Иванович* [Там же, т. 1, с. 234]). Строевые слова, которые функционируют в речи персонажей художественных текстов, – *силою до, с целью, в количестве: Противник силою до двух вооружённых до зубов фрицев движется в район Воль-озера с целью тайно пробраться на Кировскую железную дорогу и Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина* [Васильев, 1994, т. 1, с. 233].

3. Наличие специфических фразеологизмов, к которым мы, вслед за М.Н. Кожиной, относим термины-словосочетания (*основная позиция, докладная записка, боевая тревога* и др.) и нетерминологические штампы (*понести наказание, исполнение обязанностей... возложить на... (Петрова), на основании изложенного, в результате проверки* и др.) [Кожина, 2016, с. 238]. Мы базируемся на понимании фразеологизма³, данное Н.М. Шанским [Шанский, 1996], и называем этим термином всякое устойчивое сочетание, имеющее стабильную соотнесённость семантики и структуры. По нашим наблюдениям, в художественных произведениях функционируют следующие фраземы: *огневые точки, открыть огонь, провести разведку, боевая тревога, боевой приказ, держать оборону, оставить под охраной, выше ногу, возлагать ответственность, привести в исполнение*, например: *Вперед! Подавить огневые точки. Атаковать и взять мост* [Васильев, 1994, т. 1, с. 388].

Функционально окрашенные идиомы, по мнению М.Н. Кожиной, Л.Р. Дускаевой, В.А. Салимовского, могут употребляться в официально-деловых текстах, и в то же время исключается наличие просторечно-разговорных элементов в деловой коммуникации [Кожина, 2016, с. 240]. По нашим данным, в РЖ *приказание*, который отмечен речи героев художественных произведений, встречаются экспрессивно-стилистические

³См. у Н.М. Шанского: «Фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [Шанский, 1996, с. 22].

фразеологические единицы, ср.: *руки вверх, не показываться на глаза, нос не показывать, след не остыл, вооружённый до зубов, выйти из строя, любой ценой*: – *Ваша задача – отбить клуб, – сухо сказал старший лейтенант. – По всей видимости, через час немцы начнут обстрел: вы прорвётесь к клубу во время обстрела и любой ценой выбьете оттуда немцев. Любой ценой!* [Васильев, 1994, т. 2, с. 218]; *Бери пять человек из команды и дуи, пока след не остыл* [Там же, т. 1, с. 218].

4. Использование просторечий тоже является маркёром делового или неделового режима общения. Л.Г. Барлас пишет, что использование просторечных слов неспецифично для делового речевого общения: «...ОДС противопоказаны слова с суффиксами субъективной оценки, стилистически сниженные и стилистически высокие слова, ... жаргонные и диалектные слова» [Барлас, 1978, с. 82]. Эмпирический материал, взятый нами из художественных произведений, свидетельствует о том, что просторечия⁴ в них используются широко. Рассмотрим примеры.

1) *Не реготать! И не разбегаться. Все!* [Васильев, 1994, т. 1, с. 225].

2) *А ну, нажмем, товарищи бойцы! За мной, бегом!..* [Там же, с. 231].

3) *Крой, Осянина, подымай бойцов. Мигом! Но скрытно, чтоб ни-ни!..* [Там же, с. 240].

В приведенных выше контекстах просторечия полифункциональны: с одной стороны, являясь языковыми средствами, стилистически сниженные слова (*реготать, нажмем, крой, подымай* и др.) используются для передачи разговорной речи простого народа, представителем которого является старшина Васков. С другой стороны, просторечные единицы функционируют как средства художественной выразительности, предназначенные для характеристики как адресанта, так и адресата речи. Так, представленные примеры (1)–(3) демонстрируют, как командир стремится разговаривать с подчинёнными на равных. Желание вышестоящего уравнивать свой статус со

⁴ См.: Просторечия – «слова, грамматическая форма или оборот преимущественно устной речи, употребляемые обычно в целях сниженной, грубоватой характеристики предмета речи» [БАС, т. 11, ст. 1401].

статусом нижестоящих путём использования просторечий является одним из приёмов психологического воздействия говорящего на слушателя, применение которого позволяет создать отношения сотрудничества и эффективнее достичь положительного результата.

Стилистически сниженные лексические единицы в речи военнослужащих могут быть выражены различными частями речи, но наиболее часто эта лексическая группа репрезентируется глаголами: *дуй* (быстро иди), *реготать* (громко кричать, смеяться), *стал* (остановился), *топайте* (идите), *мыслю* (думаю), *подзаправиться* (поесть), *нажмём* (ускоримся), *ховайтесь* (прячьтесь), *помереть* (умереть), *подымай* (поднимай), *не суйтесь* (не ходите), *шуруйте* (используйте) и др. (– *Вы в темноту-то не очень суйтесь, – сказал сержант. – Шуруйте гранатами* [Васильев, 1994, т. 2, с. 208]). Кроме того, в РЖ *приказание* обнаруживаются просторечия, выраженные наречиями (*немедля, напрямиком, утицей*), существительными (*фриц, хлопцы, цацки*) и их формами (*в уши, на том бережку*), частицами (*аж, вот-вот*); союзами (*потому как, ежели, покуда, коли*): *Ежели выстрелы услышите – затаиться приказываю. Затаиться и ждать, покуда мы не подойдем. Ну, а коли не подойдем – отходить* [Там же, т. 1, с. 274].

Официально-деловой речи не свойственны диминутивы, однако эти просторечные формы слов обнаруживаются в художественных текстах. Так, в приказаниях героев произведений Б.Л. Васильева, мы находим высказывания, в которых фиксируем слова с уменьшительно-ласкательной окраской: *Вещмешок и шинельку здесь оставишь* [Васильев, 1994, т. 1, с. 234]; *Ступайте, – сказал сержант, не оглядываясь. – Мне пулемётник почистить треба* [Там же, т. 2, с. 208].

5. Аббревиатуры и сложносокращённые слова, свойственные для текстов ОДС, в речи героев художественных произведений используются редко. В двух примерах, выбранных нами при прочтении произведений Б.Л. Васильева, функционируют высокочастотные для речи военных

агентов сложносокращённые слова (*вещмешок, разведбат*). Они не имеют эмоционально-экспрессивной окраски и являются типичными средствами номинации отдельных объектов жизни и быта военнослужащих.

Анализ императивных высказываний дал нам возможность констатировать несколько групп слов, презентующих специфику военной деловой речи.

Ядерная сема 'императивное действие' организует содержание перформативных глаголов *приказывать, назначать, командовать*, которые частотны в документных текстах. В художественных произведениях побудительная интенция регулярно актуализируется при помощи использования лексических единиц, относящихся к ближней периферии лексико-семантического поля *приказывать*. Это позволило выделить такие лексико-семантические группы (далее – ЛСГ) слов, как:

1) вид действия (*отставить, ложись, становись, равняйся, разойдись, стой; держать оборону, атаковать, охранять; караул, наряд, подъём, увольнение, тревога, огонь; руки вверх, назад, вперёд, в укрытие, смирно, вольно;*

2) способ действия (*выше ногу, бегом, шагом марш, кругом*).

Одним из доказательств того, что указанные ЛСГ составляют ближнюю периферию лексического значения глагола *приказывать*, является императивное действие на иностранном языке, когда говорящий выбирает лишь самые необходимые для осуществления коммуникации слова: *Хальт! Цурюк!* [Васильев, 1994, т. 2, с. 301].

Облигаторным компонентом императивного высказывания, несомненно, является обращение, поскольку воинский приказ целенаправлен; речевое действие, осуществляемое волеизъявителем, всегда имеет адресата. В процессе делового общения исполнитель приказания обозначается типичными речевыми формулами, зафиксированными в Уставах внутренней службы [Устав внутренней службы ВС РФ, 2007; Устав внутренней службы РККА, 1938]: «начальники или старшие, обращаясь по

вопросам службы к подчинённым и младшим, называют их по воинскому званию и фамилии или только по воинскому званию, добавляя в последнем случае перед воинским званием слово “товарищ”» [Устав внутренней службы ВС РФ, 2007, ст. 67] (*товарищ старшина, боец Гурвич, лейтенант Плужников*). Эта группа речевых формул представлена тремя конструктами: сочетаниями слова *товарищ* и фамилии, слова *товарищ* и звания, звания и фамилии. Как свидетельствует собранный нами эмпирический материал, на страницах художественных произведений отмечаются неуставные варианты обращений, лексический состав в которых шире, чем в традиционных формулах. Итак, номинации адресата могут быть представлены следующие:

1) по имени (*Люда, Вера, Катенька, Коля, Сергей*): *Люда, Вера, Катенька – в караул! Катя – разводящая* [Васильев, 1994, т. 1, с. 208];

2) по гендерным характеристикам (*хлопцы, девоньки*): *Ховайтесь, хлопцы* [Там же, т. 2, с. 207];

3) по возрастному соотношению с адресантом (*сынок, паренёк*): *...беги-ка ты сейчас к бойцу Лидии Паньшиной. Она тебя, паренек, поди, заждалась* [Там же, т. 1, с. 526–527];

4) по принадлежности к определённому виду войск (*связь*): *Связь, не отставать!..* [Там же, с. 375];

5) по отнесённости группы адресатов к виду подразделения (*полк, рота*): *Отделение, за мной!..* [Там же, с. 382];

6) по специфике военной деятельности (*дежурный, наблюдатель, дозор, разведчики*): *Головной дозор, шагом марш!* [Там же, с. 223].

Воинское обращение, используемое говорящим в процессе приказания, может занимать промежуточное положение между уставным и неуставным вариантами, когда утрачивается один из конструктов деловой формулы (*товарищи, бойцы, лейтенант, Колымасов*) или происходит замена одной из обязательных частей (*товарищ первый*): *<...> Сержант! Тревога!..* [Там же, т. 2, с. 185].

Как мы могли убедиться, официальный и неофициальный режимы общения предполагают следующие лексические характеристики дискурса. Так, военная терминология, специфические идиомы и аббревиатуры свойственны в большей степени официальной форме коммуникации, а иностилевые элементы (разговорно-просторечные слова и выражения) неприемлемы в ней. Анализ в качестве примера речевого жанра *приказание* позволяет выделить определённое лексико-семантическое поле слов, репрезентирующих названный жанр (полагаем, что подобное явление наблюдается и в представлении других военных жанров).

1.4.2. Грамматические свойства

Языковыми средствами, используемыми для передачи иллокутивной силы приказа и формирования императивного высказывания в художественных текстах о войне, являются следующие.

1. Глаголы как основное средство репрезентации императивной семантики РЖ *приказание*.

1) В исследуемых текстах художественных произведений регулярно используются **императивные формы глаголов** 2-го лица единственного и множественного числа: *стреляй, стой, держи, влезь, слушай, уходи, дуй, обувайся, жди, замри, бей* и др. (– *Стреляй, Рита! Стреляй!* – кричали *зенитчицы* [Васильев, 1994, т. 1, с. 220]; – *Да бей же, лейтенант! Бей!* [Там же, т. 2, с. 221]); *исполняйте, возьмите, проверьте, отпустите, получите, охраняйте, зовите* и др. (*Пошлите* моё отделение [Там же, т. 1, с. 215]; *Стройте* людей [Там же, с. 219]).

Глаголы в форме повелительного наклонения единственного числа позволяют организовать категоричное, жёсткое приказание, направленное на конкретного адресата: *Гранаты! Кидай гранаты!..* [Там же, т. 2, с. 220]. Форма множественного числа императива не только смягчает приказание, но и способствует трансформации жанра, который организует как основная

интенция *приказать*, так и дополнительные интенции *просить* (– *Не стреляйте, – умоляюще говорил Свицкий, медленно пробираясь по коридору* [Васильев, 1994, т. 2, с. 335]), *рекомендовать, советовать* (*Воду берегите. И прикажите всем надеть каски: немецкие, наши – какие найдут* [Там же, с. 205]).

2) Императивность РЖ *приказание* выражается формой **инфинитива с побудительным значением**: *отставить, лежать, затаиться, отходить, молчать, выдвинуть* и др. (– *Отставить! – гаркнул комендант. – Смирно!..* [Там же, с. 229]; *Продолжать наблюдение!* [Там же, с. 236]). Использование инфинитива позволяет говорящему реализовать крайнюю степень категоричности приказа, которое не подлежит ни обсуждению, ни даже обдумыванию со стороны исполнителя. Подтвердим это словами Л.И. Ушаковой, которая пишет, что, «вторгаясь в сферу императива, инфинитив “делит” с ним выражение только одного частного значения – категорического приказа, обладающего более сильной экспрессией, чем соответствующие формы императива» [Ушакова, 1999, с. 166].

3) **Прохибитив**⁵ (отрицательный императив): «Важной разновидностью императива является такая, когда побуждение направлено не на совершение, а на несовершение действия. Это “отрицательное побуждение” следует отличать от обычного отрицания, которое является утверждением о ложности соответствующего высказывания, а не разновидностью побуждения» [Плунгян, 2003, с. 319].

Особенностью отрицательного императива РЖ *приказание* военного дискурса является грамматическая конструкция, служащая для выражения интенции *запретить*. Императивное действие организуется инфинитивной (а не императивной) формой глагола с отрицательной частицей *не*: *Не роготать! И не разбежаться!* [Васильев, 1994, т. 1, с. 225]; *Не отставать!..* [Там же, с. 227]. Кроме того, в побудительном высказывании,

⁵ Здесь и далее *прохибитивами* мы будем называть как императивные, так и инфинитивные формы глаголов несовершенного вида с частицей *не*.

организованном прохибитивом, содержится не только указание на запрет какого-либо действия, но и объясняются его причины (в примерах приказание выделено жирным шрифтом, объяснение – подчёркиванием): **Не стоять! Не стоять, засосёт!..** [Васильев, 1994, т. 1, с. 227]; **Не разговаривать!** – *Второй голос был начальственно звонок и юн. – Там разберутся* [Там же, с. 396].

2. Глагольные конструкции с императивным значением – ещё одна черта РЖ *приказание*.

1) Односоставные инфинитивные предложения со значением долженствования, в состав которых включены модальные слова *надо, нужно, должен*: **Надо оружие собрать...** [Там же, т. 2, с. 206]; *О живых думать нужно: на войне только этот закон* [Там же, т. 1, с. 269].

2) Конструкции с перформативными глаголами *приказываю, назначаю, командую, даю*, а также сочетание этих глаголов с инфинитивом: *Заместителем на всё время операции назначаю младшего сержанта Осянину* [Там же, с. 223]; **Приказываю принять!** [Там же, с. 238]. Наибольшей регулярностью обладает последняя конструкция, поскольку позволяет обозначить конкретное действие, подлежащее выполнению адресатом речи. Функция императивного высказывания, организованного одним перформативным глаголом, заключается не только в выражении волеизъявления, но и в утверждении статусной характеристики говорящего, занимающего вышестоящую позицию и имеющего особые полномочия: – *Назад!* – *воодушевленно заорал Плужников. – Я – часовой! Я приказываю!..* [Там же, т. 2, с. 157].

3) Конструкции с индикативами несовершенного вида в форме 1-го и 2-го лица множественного числа, которые А.В. Бондарко называет формами совместного лица [Бондарко, 1990, с. 191]: **Идём на Воль-озеро** [Васильев, 1994, т. 1, с. 222]; *Вы, младший сержант Осянина, за порядок мне отвечаете* [Там же, с. 229]. Содержание высказываний, для выражения

которых используются глаголы несовершенного вида, имеет реальную модальность.

4) Конструкции с индикативами совершенного вида в форме 2-го и 3-го лица единственного числа: *Вас прикроет разведбат* [Васильев, 1994, т. 1, с. 388]; *Когда помру, на себя наденешь... А раньше не трожь. С ним жил, с ним и помереть хочу* [Там же, т. 2, с. 332]. В.С. Храковский и А.П. Володин указывают, что «семантическая область, в которой происходит соприкосновение императивных и индикативных форм, – область будущего времени. Формы императива и футуральные формы индикатива обозначают действие, которое либо должно происходить, либо будет происходить после момента речи» [Храковский, 2001, с. 202]. Подобные конструкции исследователи называют фактитивными [Храковский, 2001, с. 202–203]. Они выражают «побуждение к действию, которое должно быть выполнено либо непосредственно после момента речи, либо через некоторое время (причём временной интервал обычно эксплицитно уточняется). Говорящий, как правило, выступает как “начальник”, а слушающий – как “подчинённый”, следовательно, реальным содержанием волеизъявления является приказ» [Там же, с. 203].

5) Конструкции с индикативами совершенного вида в форме 2-го лица множественного числа: *До первых людей: там доложите* [Васильев, 1994, т. 1, с. 274]. Предложения, реализующие семантику условности действия, могут быть сложноподчинёнными с придаточным условия, части которого соединены союзами *если, ежели, коли, раз* (*А вы переведёте, ежели не поймут* [Васильев, 1994, т. 1, с. 234]), и бессоюзными (см. 1-й пример текущего пункта). Приказания обусловлены событиями, описанными в зависимой, придаточной части предложения. Значение императивного высказывания, организованного глаголами совершенного вида, утрачивает сему ‘крайняя степень категоричности’. Волеизъявление носит характер желательности, его выполнение возможно лишь потенциально и зависит от определённых условий, изменение которых влечёт за собой утрату

актуальности настоящего приказания. Такая форма императива, «так или иначе выражающая ирреальное или нереперентное действие» [Гусев, 2005, с. 77], отнесена В.Ю. Гусевым и нами, вслед за исследователем, к ирреалису.

б) Конструкции с индикативами в форме прошедшего времени: – *Пошли*, – *сказал генерал* [Васильев, 1994, т. 1, с. 381]; *Пошёл вперёд. До следующей воронки* [Там же, т. 2, с. 281]. Синтаксически предложения с глаголами движения в прошедшем времени односоставные, неопределённо-личные, хотя адресат речи (субъект действия) совершенно чётко выражается в контексте: – *Ладно, добудем тебе оружие, – хмуро буркнул Плужников, поспешно перестав улыбаться. – Пошёл вперёд. До следующей воронки* [Там же, т. 2, с. 281].

3. Приглагольные средства выражения приказания

1) Форма глагола повелительного наклонения с частицей **-ка** [Грамматика-80, т. 1, с. 727], функция которой – смягчение характеристики непреклонного, категоричного адресанта речи: – *Репорт мне покажешь, – сказал Фомушкин и протянул руку. – Ну, как говорится, поздравляю, и беги-ка ты сейчас к бойцу Лидии Паньшиной...* [Васильев, 1994, т. 1, с. 526–527]. Кроме того, использование частицы **-ка** может быть направлено на усиление побуждения, на акцентированную демонстрацию уверенности говорящего в необходимости и правильности волеизъявления и его исполнения: *Посвети-ка... Встать! Сдать оружие!..* [Там же, т. 2, с. 185].

2) Индикативы в прошедшем времени с частицей **чтоб / чтобы**, служащие для выражения говорящим желаемого им результата волеизъявления: *Чтоб и не шевельнулся никто* [Там же, т. 1, с. 234]; – *Чтоб связь работала!* – *крикнул вдогонку генерал* [Там же, с. 376]. Описываемая конструкция организует высказывание, в котором отсутствует информация о способах достижения цели, ответственность за их выбор несёт исполнитель императивного действия. Так, адресат речи наделяется особыми полномочиями, заключающимися в необходимости анализировать ситуацию

и принимать верные решения, направленные на решение поставленной перед ним задачи.

3) Частица **давай** с индикативом и без него, означающая призыв к началу действия: *Давайте, товарищи бойцы, перекусим маленько да двинем, пока не засиделись* [Васильев, 1994, т. 1, с. 230]; *Давай в цепь, Гурвич. Осяниной скажешь, чтоб немедля бойцов на запасную позицию отводила. Скрытно чтоб, скрытно!..* [Там же, с. 241–242].

4. Неглагольные грамматические категории

1) Частица **всё**, в содержание значения которой входит семный комплекс ‘завершение действия’ [Грамматика-80, т. 1, с. 728]: *Не реготать! И не разбежаться. Всё!* [Васильев, 1994, т. 1, с. 225]. Эта частица заканчивает категоричное императивное речевое действие говорящего и подчёркнуто демонстрирует тот момент, когда наступает время функционирования исполнителя волеизъявления.

2) **Междометия**, основной функцией которых является выражение волеизъявлений [Грамматика-80, т. 1, с. 733]: *Кругом! За мной шагом марш, товарищ лейтенант* [Васильев, 1994, т. 2, с. 186].

3) **Предлог без и отглагольное существительное**, обозначающее текущее или возможное состояние / действие адресата речи, с частицей, усиливающей отрицание этого действия (приказание в примерах выделено жирным шрифтом, частица, усиливающая императивность, – подчеркиванием): *И без переживаний давай, немцы ждать не будут* [Там же, т. 1, с. 269]; *Без истерик тут!..* [Там же, с. 268]; или **без частицы**: *Повторяю, значит, чтоб без ошибки...* [Там же, с. 226]. Отсутствие в составе конструкции усиливающих волеизъявление частиц призвано снизить степень экспрессивности высказывания.

4) **Имена существительные**, которые функционируют в односоставном (или неполном) восклицательном предложении, повышают экспрессивность речи и формируют категоричное приказание: *Огонь!* [Там же, т. 2, с. 199]; *Тревога!* [Там же, т. 1, с. 185].

5) **Краткие имена прилагательные** *ясен, ясна, должна, должен, свободны*, предназначенные для обозначения состояния подчинённых после доведения до них приказа вышестоящего: *Вы свободны, товарищи командиры* [Васильев, 1994, т. 2, с. 155]. В текстах художественных произведений функционирование данной грамматической категории нечастотно (1,77 % случаев (см.: Табл. 3, с. 135–136)), она используется в процессе отражения официальной ситуации, требованием к которой является следование закреплённым уставным нормам: – *Ясен приказ?* – *Рита нахмуренно молчала.* – *Что отвечать должна, Осянина?* – *Ясен – должна отвечать* [Там же, с. 259]. Краткие прилагательные, как и частица *всё*, функционирует в заключительных репликах высказываний и в вопросительном предложении может инициировать ответ, тем самым налаживает связь с адресатом речи (см. пример выше).

б) **Наречия**, характеризующие процесс выполнения волеизъявления: *немедля, немедленно, обратно, напрямик, сейчас же, мигом, скорее, бегом, быстрее, шагом, вольно, скрытно, кругом, смирно, вперёд, назад, ни ногой* и др.: *За мной! Бегом!..* [Там же, с. 231]. Конструкции, в состав которых входят наречие, имеют семантику условия (*Держи, раз велят!* [Там же, с. 269]), обозначают способы действия (*Атака по моей команде и без всякой стрельбы* [Там же, с. 220]), время исполнения приказа (*Сейчас же пусти!* [Там же, т. 2, с. 290]), указывают на направление движения адресата речи (*Кругом! За мной шагом марш, товарищ лейтенант* [Там же, с. 186]) и образ его действия (*Смирно!* [Там же, т. 1, с. 229]).

Итак, грамматические средства, используемые для передачи иллюквативной силы приказа и формирования императивного высказывания в художественных текстах о войне, можно разделить на четыре группы: конструкции, императивность в которых выражена глаголами в форме повелительного наклонения, инфинитивами и прохибитивами; конструкции, включающие в себя индикативные формы глаголов; конструкции, образованные единством глагольных и неглагольных

форм; конструкции, средством выражения императивности в которых не является глагол.

Конструкции первой группы регулярно функционируют в высказываниях, репрезентирующих категоричное приказание, направленное как на конкретного адресата речи (в таком случае используются императивные формы глаголов), так и на абстрактного, массового адресата (что достигается путём использования инфинитивных и прохибитивных форм).

Различные иллокутивные оттенки побуждения (просьбу, пожелание, условие, требование) в исследованных нами текстах художественных произведений выражают индикативные формы глаголов разных видов, которые формируют высказывание как о реально выполняемом императивном действии (глаголы несовершенного вида), так и о потенциальной возможности его осуществления (глаголы совершенного вида).

Эмоционально-экспрессивная оценка событий и развитие дополнительных оттенков смысла в РЖ *приказание* свойственны контекстам, средством выражения императивности в которых являются глагольные формы изъявительного наклонения и иные части речи, функционирующие как в комплексе с глаголами, так и без них. Семантика волеизъявления в таких высказываниях актуализируется лишь контекстуально, что указывает на высокую степень абстрагированности таких императивных средств. Это отличает их от глаголов повелительного наклонения, которые в своём прямом значении предназначены для отражения исследуемой иллокуции как в плане содержания, так и в плане выражения.

Описанные лексико-грамматические средства выражения семантики побуждения в устном РЖ *приказание* относятся к инструментальным базам официально-делового и разговорного стилей речи, что доказывает проведённый анализ. Во-первых, речь милитарных персонажей художественных произведений стандартизирована, о чем свидетельствует

наличие в акте волеизъявления большого количества военных профессиональных терминов, канцелярских клише, строевых слов и специфических фразеологизмов. Официальная лексика в таких дискурсивных фрагментах употребляется наряду с просторечно-разговорными единицами, функционал которых не подразумевает их использование в деловой сфере общения. Однако в художественном тексте просторечие встраивается в стандартный деловой речевой шаблон, формирует художественное восприятие читателей. Основным отличием устного РЖ *приказание* от письменного РЖ *приказ* является эмоционально-экспрессивная наполненность первого. Неприемлемые в письменной речи, эмоции находят выражение в устной; фактором, определяющим возможность бытования языковых средств разговорного стиля в устных деловых РЖ, становится стремление говорящего к выражению субъективной оценки окружающей его действительности.

Функциональный стиль, обслуживая определённую сферу общения, способен дать средства экспликации вида существования человека в той или иной социальной общности, обусловленного статусом индивида и типом взаимоотношений с другими его членами. Так, ОДС детерминирован речевым поведением человека в деловом регистре, назначением которого В.И. Карасик считает ориентирование «человека в реальном мире; здесь важны цель и истина для адекватного представления образа реальности и полезного, эффективного действия в ней» [Карасик, 2016, с. 21]. Разговорный стиль предоставляет средства и приёмы отражения второго, игрового, регистра, который направлен на «освобождение человека от детерминизма природы и себе подобных, речевое лицедейство, опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения. В таком понимании игровой дискурс – это пространство творческого порождения и восприятия художественных произведений» [Карасик, 2016, с. 21]. Мы считаем, что в зоне действия делового регистра находится институциональный тип военного дискурса, имеющий маркировку *деловой*,

в то время как неинституциональный военный дискурс формируется в игровом ключе.

Выводы

Понятию *дискурс* в лингвистической литературе даётся множество определений. Так, *дискурс* толкуется как сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, состоящее из двух и более связанных по смыслу предложений [Демьянков, 1982; Звегинцев, 1976]; как речь во всех её разновидностях [Серио, 1999]; как коммуникативное событие [Тён ван Дейк, 1989; Макаров, 1998; Седов, 2000]; как способ передачи информации [Дымарский, 1998]; как текст, вербальный продукт коммуникативного действия [Арутюнова, 1988; Бурвикова, Костомаров, 2002; Формановская 1998]; как совокупность текстов [Чернявская, 2009] и т. д.

В диссертационном исследовании мы, вслед за Е.С. Кубряковой, под *дискурсом* понимаем «форму использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова, 2004, с. 525].

Военный дискурс – это письменная или устная форма речевой деятельности военнослужащих, протекающая в типизированных коммуникативных милитарных ситуациях, обусловленная определёнными статусно-ролевыми характеристиками коммуникантов, предполагающая использование особого языка воинов.

Используемый в тексте диссертационного исследования термин *деловой военный дискурс* получил свою номинацию благодаря *деловой коммуникативной* тональности, признаки которой рассматриваются

функциональной стилистикой как характерные черты официально-делового стиля речи. Этими параметрами являются информативность, одноплановость, точность, однозначность, стандартность, устойчивость, серьёзность, конкретность речи.

Вопрос о степени официальности речи и специфике коммуникации в различных дискурсивных регистрах (деловом и игровом) ведёт к необходимости выделить институциональную и неинституциональную разновидности ВД.

Под институциональным типом ВД мы понимаем вид «военного дискурса, который реализуется представителями Вооружённых Сил как социального института при вербальном взаимодействии друг с другом или с обществом и характеризуется регламентированностью, формализацией, конвенциональностью, воспроизводимостью, маркированной социальной направленностью, выраженным статусно-ролевым взаимодействием и преимущественным использованием литературно-нормированных языковых знаков» [Соловьёва, 2019, с. 52]. Этот вид дискурса представлен как в деловых, так и в художественных текстах.

Неинституциональный тип ВД – «вид военного дискурса, реализующийся в процессе неофициального, неформального или повседневного общения представителей военно-социального сообщества преимущественно друг с другом и характеризующийся выраженным субъективизмом и активным использованием литературно-ненормированных языковых знаков» [Соловьёва, 2019, с. 52]. Этот вид дискурса представлен только в художественных текстах.

В нашей работе важным было разграничение понятий *дискурс* и *стиль*, поскольку в центре внимания находится анализ военного делового дискурса, получившего отражение также в художественных произведениях соответствующей тематики. Итак, под *стилем речи* понимается функционально обусловленная совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере национального языка.

Дискурс – речевой компонент коммуникативного события, определяющийся сферой деятельности участников общения, темой и целями их речи, которые и обуславливают выбор тех или иных средств речевого общения.

Несомненно, письменная форма речи влияет на устную, что приводит к проникновению её языковых особенностей в коммуникацию. Средствами, позволяющими зафиксировать деловую тональность в письменных текстах и устных высказываниях, являются языковые средства, характерные для официально-делового стиля речи. Так, среди лексических средств нами были отмечены следующие: военные термины; лексика дискурсивно-событийного характера; деловые клише; устойчивые выражения. Грамматические средства представлены группами морфологических и синтаксических способов воплощения официально-деловой речи. К морфологическим относим отглагольные существительные; отымённые предлоги; неопределённую форму глаголов; формы прошедшего и настоящего времени глаголов со значением подчёркнутой констатации; краткие прилагательные со значением долженствования; формы настоящего времени глаголов со значением предписания. Синтаксические средства представлены односоставными инфинитивными предложениями с императивным значением; простыми двусоставными предложениями с использованием условно-временных и целевых конструкций, с причастными и деепричастными оборотами; бессоюзными сложными предложениями. Синтаксис средств выражения деловой тональности характеризуется преобладанием страдательных конструкций и функционированием генитивных цепочек.

Однако степень официальности, серьёзности устной речи может снижаться, выражению чего служат элементы разговорного стиля, отражающие эмоции говорящего. К ним относятся просторечия, диминутивы, эмоционально-оценочная лексика, неуставные формы обращений. Стремление к выражению субъективного, оценочного является фактором, обуславливающим функционирование языковых средств разговорного стиля в деловых жанрах устной речи.

Глава 2. *Речевой жанр* как объект лингвистического изучения

2.1. К определению понятия *речевой жанр*

Проблему изучения речевых жанров поднимают в своих работах учёные-лингвисты М.М. Бахтин [Бахтин, 1997], А. Вежбицка [Вежбицка, 1997], В.Е. Гольдин [Гольдин, 1999; 2002], В.В. Дементьев [Дементьев 1997а; 1997б; 1998; 1999а; 1999б; 2000; 2010], К.А. Долинин [Долинин, 1998; 1999], В.П. Москвин [Москвин, 2005], К.Ф. Седов [Седов, 2002], О.Б. Сиротинина [Сиротинина, 1999], М.Ю. Федосюк [Федосюк, 1997а; 1997б; 2001], Т.В. Шмелёва [Шмелёва, 1990; 1997] и многие другие, в сферу интересов которых входят вопросы толкования термина *речевой жанр*, классификации (типологизации), выявления специфических черт как отдельных, так и объединённых по определённым признакам групп жанров.

В отечественной науке о языке основы теории жанров речи заложены М.М. Бахтиным (1952–1953), называющим РЖ «типической формой высказывания» [Бахтин, 1997, с. 162–163]: «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Там же, с. 159].

Мысль М.М. Бахтина породила множество противоречивых жанровых концепций, что обусловило отсутствие в лингвистике как однозначного толкования термина *речевой жанр*, так и единого понимания его сущности и места в ряду речевых и языковых явлений, которые, по словам В.В. Дементьева, «обнаруживают гораздо больше сходства, чем различий, – сходства, проистекающего из того, что все это “определённые типы высказываний, отличные от других типов, но имеющие с ними общую словесную (языковую) природу” [Там же, с. 160]» [Дементьев, 2010, с. 13].

Развивая идею М.М. Бахтина, М.Ю. Федосюк в статье «Нерешённые вопросы теории речевых жанров» утверждает, что РЖ – «это устойчивые

тематические, композиционные и стилистические типы высказываний (о чём говорит М.М. Бахтин) (пояснено нами. – А.О.), а текстов» [Федосюк, 1997а, с. 104]. Так определяется текстовый подход к пониманию РЖ.

Текстовая природа РЖ подчёркивается в работах М.Ю. Федосюка [Федосюк, 1997а], М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой [Китайгородская, Розанова, 1999], В.Е. Гольдина [Гольдин, 2001], О.С. Иссерс [Иссерс, 2008], В.В. Дементьева [Дементьев, 2000] и др. В.Е. Гольдин, ссылаясь на работу М.М. Бахтина [Бахтин, 1997], называет РЖ типами текстов: «Вслед за выдающимся филологом М.М. Бахтиным типы текстов принято называть речевыми жанрами» [Гольдин, 2001, с. 51].

И.В. Шерстяных в исследовании обобщающего характера всё многообразие современных дефиниций сводит к четырём группам, выделяя, кроме текстового, ещё три подхода к определению понятия *речевой жанр*: жанр-форма речи, жанр-модель и жанр-часть коммуникативного события [Шерстяных, 2013, с. 38–53]. Приверженцы функционального аспекта в изучении языка, ориентирующиеся на коммуникативный процесс, говорят о тексте как о «коммуникативной единице высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение» [Валгина, 2003, с. 4]. Называя текст материальным воплощением речемыслительной деятельности, Н.С. Валгина утверждает позицию, когда текстом может называться любое не только письменное, но и устное произведение речи. По этой точке зрения текст мыслится «как единица динамическая, организованная в условиях реальной коммуникации и, следовательно, обладающая экстра- и интралингвистическими параметрами» [Там же, с. 4]. Представление о тексте как о речевом продукте примиряет исследователей, рассматривающих РЖ как часть определённого речевого события [Гольдин, 1997; Шейгал, 2000; Борисова, 2009], и жанроведов, относящих РЖ к сфере текстов [Федосюк, 1997а, Долинин, 1999]. Так, по мнению И.Н. Борисовой, РЖ – «форма речевой реализации коммуникативной деятельности в коммуникативном событии» [Борисова, 2009, с. 32], «форма

структурирования речевой продукции, <...> форма организации текста» [Борисова, 2009, с. 33].

О РЖ как о форме речи говорят Е.А. Земская [Земская, 1988], А. Вежбицка [Вежбицка, 1997], М.Н. Кожина [Кожина, 1999], В.В. Дементьев [Дементьев, 2007] и др. Идея «когнитивно-конструктивной» (по терминологии К.А. Долинина [Долинин, 1999]) функции РЖ как об образце, модели встречается у М.М. Бахтина и поддерживается многими исследователями: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, т. е. все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого... Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим» [Бахтин, 1997, с. 273].

Понимание РЖ как модели высказывания находим в работах Т.В. Шмелёвой [Шмелёва, 1997], В.Е. Гольдина, О.Н. Дубровской [Гольдин, Дубровская, 2002]. Последние пишут: «Жанр – это тип, форма, коммуникативная организация речевого действия и соответствующего речевого произведения либо представление, знание о типах, формах, коммуникативной организации речевых действий и соответствующих речевых произведений, но не сами эти действия и произведения» [Гольдин, Дубровская, 2002, с. 6].

Мы соглашаемся с В.В. Дементьевым [Дементьев, 2010] и поддерживаем его идею представления РЖ как феномена, проявившегося на уровне перехода от языка к речи. При этом мы следуем мысли М.М. Бахтина, Т.В. Шмелёвой, В.Е. Гольдина, О.Н. Дубровской и считаем *речевой жанр динамичной, гибкой формой речи, обладающей обусловленным языковой сферой набором параметров и способной изменяться в пределах этого набора; реализующейся в тексте как речевом произведении, продуцируемом «в определённой ситуации*

и с соответствующей ей целью, которая обуславливает специфику речевого поведения коммуникантов» [Осипчук, 2019, с. 177].

По наблюдениям В.В. Дементьева, РЖ «встает в одну парадигму с целым рядом языковых и речевых феноменов, рассматриваемых другими лингвистическими дисциплинами и имеющих (как обычно считалось в соответствующих дисциплинах) другую коммуникативно-речевую природу: это, во-первых, высказывание, речевой / коммуникативный / иллокутивный акт, а также интеракция, диалогическое единство, сверхфразовое единство, речевой ход и т. п.; во-вторых, речевое / коммуникативное (простое и сложное) событие, поступок и т. п.; в-третьих, (функциональный) стиль, тональность речи и т. п.; в-четвертых фрейм, (коммуникативный) концепт, когниция» [Дементьев, 2010, с. 13]. В.В. Дементьев соотносит все вышеперечисленные явления с РЖ, не отождествляет их, не стремится подменить одно понятие другим, что делает понятие РЖ абсолютно уникальным и позволяет выявить только ему присущие характеристики.

В.Е. Гольдин пишет: «Определить сущность жанра как особого явления невозможно без сопоставления, соотнесения его со смежными ему явлениями и понятиями» [Гольдин, 1999, с. 5]. Такими понятиями, по справедливому мнению В.П. Москвина, являются *речевой акт* и *текст* [Москвин, 2005, с. 66]. Уточним, как понятие *жанр речи* (здесь и далее эту единицу мы будем использовать в качестве синонима термина *речевой жанр*) соотносится с понятиями *тип текста* и *речевой акт*.

2.2. Речевой жанр и тип текста

Являясь центральным в лингвистике текста, понятие *тип текста* не имеет однозначного определения. По словам С.С. Чаплиной, «принципиально понятие “тип текста” может рассматриваться в качестве обозначения группы текстов (как письменных, так и устных), которые отличаются констелляцией определенных признаков. Со сходным либо

синонимичным значением употребляются также понятия “класс текста”, “вид текста”, “форма текста” либо “модель (образец) текста”» [Чаплина, 2009]. Разнообразие терминов является следствием различных подходов к пониманию того, что вообще представляет собой *текст*. Рассмотрим и мы эти термины.

Л.М. Лосева [Лосева, 1974], Н.Д. Зарубина [Зарубина, 1981] говорят о *тексте* как о сообщении, основными признаками которого являются существование в письменной форме речи, а также его смысловая и структурная завершённость: «Текст – это письменное по форме речевое произведение, принадлежащее одному участнику коммуникации, законченное и правильно оформленное» [Зарубина, 1981, с. 11]. И.Р. Гальперин развивает эти мысли и перечисляет текстообразующие категории: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовков) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 2007, с. 18].

Т.М. Николаева [Николаева, 1978], В.А. Лукин [Лукин, 1999] при определении понятия *текст* в качестве конкретизаторов называют связность и содержательную цельность: *текст* – это «сообщение, существующее в виде такой последовательности знаков, которая обладает формальной связностью, содержательной цельностью и возникающей на основе их взаимодействия формально-семантической структурой» [Лукин, 1999, с. 5].

В.П. Москвин основным текстовым признаком называет его самостоятельность: «...текст может быть определен как любое самостоятельное словесное произведение» [Москвин, 2005, с. 65].

Согласимся с мнением учёного, который своим замечанием дополняет перечень отмеченных ранее исследователями основных категорий текста (целостность, завершённость, связность).

Существенным считаем обратить внимание на то, что в настоящем исследовании позволим себе поспорить с теми учёными, которые указывают на закреплённую за понятием *текст* возможность его существования только в письменной форме. Мы следуем мысли Г.Я. Солганика о том, что рассматриваемое понятие является видовым по отношению к родовому понятию *речь*, основными признаками которой являются материальность, линейность, конкретность, индивидуальность [Солганик, 2005, с. 8], а также возможность осуществляться как в устной, так и в письменной форме. Следовательно, *текст* не только письменное, но и устное речевое произведение.

Итак, в настоящей работе под термином *текст* мы будем понимать письменное или устное речевое произведение, результат целенаправленной речевой деятельности, обладающий самостоятельностью, завершённостью, целостностью и связностью его элементов.

Рассуждая о понятии *тип текста*, немецкий лингвист К. Адамцик указывает на его знаковый характер, постулирует особенность явления, заключающуюся в обеспечении индивида элементарными знаниями о способах создания собственного речевого произведения: «Jeder Mensch geht mit einer Vielzahl von Texten um, hat aber in der Regel kein wissenschaftliches Interesse an dem Phänomen: Vielmehr hat man – rezeptiv – mit einzelnen vorliegenden Texten zu tun, muss diese ‘verarbeiten’, interpretieren, sie u. U. auch bewerten oder aber man muss – produktiv – einen bestimmten Text erstellen. In beiden Fällen spielen TEXTSORTENKONZEPTE eine Rolle, genauer gesagt, das Alltagswissen, das jeder Sprachteilhaber darüber hat, dass natürlich nicht Text gleich Text ist, sondernes verschiedene Arten davon gibt» [Adamzik, 2019, S. 136] («Каждый имеет дело с различными текстами, но, как правило, не имеет научного интереса к ним. Более того, воспринимая отдельно имеющийся

текст, вы должны его “обработать”, интерпретировать, и, в зависимости от обстоятельств, оценить или создать собственный текст. В обоих случаях играют роль представления о типах текста, точнее сказать, бытовые знания каждого участника речевого события о том, чем эти тексты различаются» (перевод наш. – А.О.). По словам исследователя, центральную роль в общей ориентации в бытовой коммуникативной практике играют представления о типах текста, включающие знания общеупотребительных слов, отсылающих участника речевого события к тому или иному типу текста [Adamzik, 2019, S. 136].

Так, К. Адамзик дефинирует термин *тип текста* как семиотическую систему, знаковую модель, состоящую из набора как вербальных, так и невербальных элементов, позволяющих правильно воспринимать, понимать или создавать текст. Такое понимание ведёт к представлению о тексте как о конструкторе с ограниченным количеством деталей: из его элементов можно сделать лишь несколько изделий, тип которых зависит не от желания конструирующего, а от имеющегося набора компонентов. Такая трактовка термина исключает подход к тексту как к результату речевого творчества, поэтому не может быть рассмотрена нами как адекватная коммуникативно-прагматическому и дискурсивному подходу исследования.

Иначе говорит об этом К.А. Филиппов, который под *типом текста* понимает *форму текста*, реализующую коммуникативное намерение говорящего и строящуюся по определённым правилам и нормам [Филиппов, 2003, с. 191]. На этом основании можем сказать, что *тип текста* оказывается встроен между языковым и речевым уровнем. Вспомним слова В.В. Дементьева [Дементьев, 2010], который указывает на функционирование переходного между языком и речью явления, называя его РЖ. Учёный говорит об этом феномене как о форме, которая заполняется языковыми средствами и реализуется в речи [Шерстяных, 2013, с. 50].

На этом основании описываемое К.А. Филипповым лингвистическое понятие *тип текста* сближается с обнаруживаемым М.М. Бахтиным и определяемым В.В. Дементьевым явлением *речевой жанр*: «Жанр – это единица такого высокого уровня, когда стираются границы между речевым и языковым. Именно речевые жанры составляют буферное пространство между “отчужденной” от человека системой языка и ее реальным использованием. Жанры привносят в речь и коммуникацию системность, стандарт и семиотическое начало...» [Дементьев, 2010, с. 92]. Но между названными понятиями нельзя поставить знак равенства хотя бы потому, что *тип текста* – это форма не речевой деятельности, а её продукта, конечного результата, зафиксированного замысла автора, признаком которого является стабильность, т. е. его неспособность меняться во времени. *Речевой жанр*, напротив, – явление коммуникативное, это подвижная форма речевой деятельности, использующийся в период речепорождения образец поведения, который С. Гайда называет «горизонтом ожидания для слушающих и моделью построения для говорящих» [Гайда, 1986, с. 24].

Ю.Ю. Дуброва пишет, что «текст создается в дискурсе и является его продуктом» [Дуброва, 2015, с. 34]. Добавим, что формой реализации текста в дискурсе является РЖ, который мы рассматриваем как дискурсивное образование, функционально-структурные и коммуникативно-прагматические характеристики которого во многом определяются особенностями этого дискурса (в нашем случае – делового военного дискурса).

2.3. Речевой жанр и речевой акт

Представленные ранее точки зрения на РЖ базируются на понимании главной (активной) роли адресанта речи. На этом основании исследователи [Федосюк, 1997а; Кожина, 1999; Вежбицка, 1985; Земская, 1988; Шмелёва, 1990 и др.] говорят, что положения, выдвигаемые М.М. Бахтиным

и представляющие собой сейчас основу теории речевых жанров (далее – ТРЖ), наиболее близки теории речевых актов (далее – ТРА), утверждаемой и развивающейся в прагматике. ТРА оказала на современную лингвистику большое влияние, поэтому, по справедливому замечанию М.Ю. Федосюка, одни учёные при решении проблем жанроведения прибегают к терминологии ТРА, другие используют термины ТРЖ. Так возникает необходимость выяснить, как соотносятся между собой основные положения этих теорий.

Основным понятием ТРА является *речевой акт* (далее – РА). РА в классическом понимании, которое заложил Дж. Остин [Остин, 1986], – это такое действие, которое осуществляется с помощью речи и состоит из нескольких компонентов (локутивного, перлокутивного, иллокутивного). Главным объектом изучения в ТРА является цель РА (иллокутивный компонент).

М.Я. Гловинская первым признаком РА называет наличие у него иллокутивной цели: «Основным признаком речевого акта является целенаправленность, т. е. у каждого речевого акта есть определенная цель, та, ради которой и делается высказывание» [Гловинская, 1993, с. 253]. От этой цели, по словам М.В. Иркабаевой, зависит содержание произнесённого высказывания: «Одно и то же предложение может быть произнесено в разных контекстах, и именно от них будет зависеть его содержание и соответственно оно будет иметь разные иллокутивные цели» [Иркабаева, 2010].

Вторым признаком РА М.Я. Гловинская считает значение «речевое действие»: акт считается речевым, если его организует глагол речи: «Если глагол не является в первом своем значении глаголом речи, а обозначает некоторые акты поведения, которые можно толковать и как речевые, и как неречевые (подавать надежду, принуждать), то он не является и речевым актом. Кроме того, если глагол речи употребляется в переносном значении или относится к внутренней речи, чувству, поступкам, то он также не считается речевым актом» (цит. по: [Иркабаева, 2010]). Мы не согласны

с мнением учёного и не считаем признаком речевого акта семантику организующего высказывание глагола: для прагмалингвистики интерес представляют намерения, с которыми говорящий осуществляет те или иные речевые действия. Так, второй признак речевого акта, выделенный М.Я. Гловинской, мы считаем неадекватным для ТРА. Тем не менее именно обращение к семантическому анализу глаголов положено в основу ряда классификаций РА (например, Дж. Остина [Остин, 1986], Т. Балльмера, В. Бренненштуля [Ballmer, Brennenstuhl, 1981]).

Возвращаясь к РЖ как устойчивому типу высказывания, мы можем констатировать возможность соотнесения терминов РЖ и РА, но отрицаем их тождество. М.Н. Кожина в статье «Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы)» при сопоставлении исследуемых понятий указывает, что общим у представителей ТРЖ и ТРА является принцип изучения этой единицы общения. РЖ и РА рассматриваются в контексте произнесения или в условиях коммуникативной ситуации. Однако, по утверждению исследователя, «в трактовке речевого общения и его единиц он (РЖ) стоит на социологических позициях, а не психологических» [Кожина, 1999, с. 55]. Изначально М.М. Бахтин указывает на обусловленность РЖ сферой использования языка: «... каждая сфера использования языка (выделено нами. – А.О.) вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и назовем речевыми жанрами» [Бахтин, 1997, с. 249]. Так, само существование РЖ и их количество обусловлено сферой деятельности и типичными для нее коммуникативными ситуациями.

РА, по словам Н.Д. Арутюновой, «всегда соотнесен с лицом говорящего» [ЛЭС, 1990, с. 412]. М.Н. Кожина, разводя понятия, обозначенные терминами РЖ и РА, пишет следующее: «Принципиально социолингвистический взгляд на проблему заставляет ученого (М.М. Бахтина) (пояснено нами. – А.О.) акцентировать диалогическую природу коммуникации; социальность речи как раз зиждется на этом фундаментальном признаке (и понимании) речевой деятельности:

“диалогичности как особой формы взаимодействия” [Бахтин, 1997, с. 297]. Тогда как при характеристике РА на первый план выступает воздействие говорящего на адресата» [Кожина, 1999, с. 55]. Таким образом, РА – это прежде всего отдельные реплики говорящего, которые имеют определённое влияние на слушателя, а РЖ – это формы социального взаимодействия.

Проблема соотношения РА и РЖ поставлена в работах А. Вежбицкой. Исследователь пишет о том, что РА и РЖ противопоставлены друг другу как статичное и динамичное, как продукт и форма действия, как маленькие и разнотипные единицы и феномены, «неисчерпаемые в своем разнообразии, как количественном (размер), так и качественном» [Вежбицка, 1997, с. 100]. А. Вежбицка разрабатывает теорию элементарных смысловых единиц, в соответствии с которой РЖ состоит из конкретных РА, набор которых позволяет определить формулы жанров речи [Вежбицка, 1997, с. 101]. А.Р. Габидуллина на этом основании называет РЖ «системно-структурным феноменом, представляющим собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям некой особой целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно, а через РЖ в целом» [Габидуллина, 2009, с. 321].

А. Вежбицка [Вежбицка, 1997], В.В. Дементьев [Дементьев, 1997а], М.Ю. Федосюк [Федосюк, 1997а], О.Б. Сиротинина [Сиротинина, 1999] обращают внимание на размер анализируемых явлений. Исследователи не утверждают количественный фактор ведущим и говорят, что и РА, и РЖ могут быть представлены как короткими, простыми высказываниями (приказ, приветствие и др.), так и длинными целостными текстами (проповедь, манифест и др.). Несмотря на это, термин *речевой акт* применяется к коротким высказываниям: «... слово “акт” вызывает представление о высказывании коротком, одноразовом (а следовательно... однофразовом)» [Вежбицка, 1997, с. 101]; «“речевой акт” может представляться маленькой разнотипной единицей, более близкой по

характеру традиционным объектам лингвистических исследований» [Вежбицка, 1997, с. 102].

Так, термин *речевой акт* применяют по отношению к элементарным, простым, коротким высказываниям. М.Н. Кожина, предполагая возможность рассмотрения РЖ и РА «с чисто количественной стороны – объёма (размера) единиц», называет описываемые понятия разными явлениями: «РА – это (действие) отдельная реплика в диалоге, наделенная определенной иллокутивной силой и вызывающая, предполагающая определенный перлокутивный эффект. Это может быть и диалог – в смысле единства двух реплик собеседников (адресата и адресанта). Иначе говоря, это элементарная единица речи (одна из элементарных, если учесть высказывание)» [Кожина, 1999, с. 61–62]. Под термином *речевой жанр* понимаются сложные единицы, состоящие из нескольких высказываний: «Речевой же жанр – особенно если учесть вторичные РЖ – это более развернутое и сложное речевое построение, состоящее из нескольких речевых актов. Вторичные же РЖ могут быть представлены как множество (цепь) речевых актов с видоизменяющимися конкретными целями» [Там же, с. 62].

В.П. Москвин, применяя предлагаемые основания для разведения РА и РЖ по количественному аспекту, отмечает, что критерий «краткости» РА неоспорим, в то время как для РЖ этот признак неактуален: «... если принять критерий “краткости” и “однофразовости” РА безоговорочно, то придется лишить жанрового статуса такие, к примеру, малые (“краткие”) РЖ, как пословица, поговорка, эпитафия, моностих и др.; при наличии же оговорок типа “обычно”, “прежде всего” и “может быть” данный параметр лишается дифференцирующей силы» [Москвин, 2005, с. 66]. Мы соглашаемся с мнением В.П. Москвина и считаем учёт критерия краткости при изучении РЖ необоснованным.

Вопрос о соотношении РЖ и РА заставляет вновь обратиться к работам М.М. Бахтина, в которых РЖ делятся на первичные и вторичные. К первичным РЖ М.М. Бахтин относит «сложившиеся в условиях

непосредственного речевого общения» и представленные в том числе элементарными высказываниями [Бахтин, 1997, с. 161]. Вторичные РЖ – «сложные» устойчивые РЖ: «романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п.» [Там же], которые «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения: художественного, научного, общественно-политического и т.п.» [Там же].

Е.С. Шейгал пишет, что такое «разграничение первичных и вторичных жанров верно применительно к генезису человеческой коммуникации в целом» [Шейгал, 2000, с. 321]. Анализ работ, посвящённых институциональной коммуникации, показывает смену позиций, когда первичными становятся сложные жанры, составляющие основу статусно ориентированной деятельности. К вторичным исследователи [Шейгал, 2000; Фахрутдинова, 2008; Уланов, 2014а] относят элементарные жанры бытового общения.

Мы разделяем мнение исследователей о первичности сложных жанров в деловом военном дискурсе и относим к таким РЖ императивного (директива, приказ, устав, наставление, положение, инструкция) и информативного типов (отчёт, доклад, донесение, рапорт). Вторичными жанрами в деловом ВД являются приказание, инструктаж, доклад.

М.Н. Кожина отмечает несомненное сходство между первичными РЖ М.М. Бахтина и РА. Исследователь приходит к выводам о том, что из нескольких РА могут состоять только вторичные РЖ (по М.М. Бахтину): «Вторичный РЖ понимается как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает первичный РЖ (РА). РЖ обычно принимается как системно-структурный феномен, представляющий собой сложную совокупность многих РА, выбранных и соединённых по соображениям некой особой целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно, а через РЖ в целом» [Кожина, 1999, с. 55]. Что касается первичных РЖ (по М.М. Бахтину), то М.Н. Кожина

склонна с оговорками отождествлять их с РА: «... положение о том, что РЖ отечественный аналог РА, лишь в какой-то мере справедливо, по нашему мнению, относительно первичных РЖ (но не вторичных)...» [Кожина, 1999, с. 59]. Этой же точки зрения придерживается В.В. Дементьев, который «понимает вторичный РЖ как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает первичный РЖ (речевой акт)» [Дементьев, 1999б, с. 38].

В.П. Москвин в статье «К соотношению понятий “речевой жанр”, “текст” и “речевой акт”» указывает на «зависимый характер» РА «как звена речевой цепи» [Москвин, 2005, с. 69]. Если принимать РА за структурный элемент РЖ, то можно сделать вывод о том, что, в соответствии с точкой зрения В.П. Москвина, РА, составляющие РЖ, зависят друг от друга и предопределяют появление того или иного РА в определённом РЖ.

Мы соглашаемся с мнениями учёных и принимаем следующие положения: РА осуществляется с помощью только одного высказывания; элементарный РЖ совпадает с РА; сложный РЖ представлен набором зависимых, предопределяющих появление друг друга, РА.

Принимая тождество РА и первичного РЖ (по М.М. Бахтину), а также указание на то, что последние сложились «в условиях непосредственного речевого общения» [Бахтин, 1997, с. 161], мы приходим к пониманию сферы бытования РА, которую Т.В. Шмелёва называет сферой действий. Так, РА, минимальная единица речевой деятельности, – высказывание, «порождаемое и **произносимое** (выделено нами. – А.О.) с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального (как правило, адресованного) действия с помощью такого инструмента как язык / речь» [Формановская, 2002, с. 111]. Мысль Н.И. Формановской определяет устную речь сферой бытования РА, в то время как РЖ обращены к текстовой сфере: «Теория речевых актов обращена к сфере действий, тогда как учение о речевом жанре – к сфере текстов, высказываний как результатов действий» [Шмелёва, 1995, с. 59]. На этом

основании исследование РЖ военного дискурса мы осуществляем на материале текстов боевых документов и художественных произведений.

Существенным недостатком ТРА в преломлении к ТРЖ мы, вслед за В.В. Дементьевым, считаем недостаточный учёт роли адресата, определение в коммуникативной ситуации главенствующей позиции адресанта речи. В нашей работе мы, по требованию В.В. Дементьева, уделяем «внимание всем аспектам взаимодействия адресата и адресанта, всем передаваемым и принимаемым коммуникативным смыслам, а не только тем, которые сознательно намеревался передать адресант» [Дементьев, 2010, с. 53]. Этой целью обусловлен наш выбор и преимущество ТРЖ перед ТРА.

Таким образом, уточним дифференциальные характеристики РА и РЖ:

1. РА – целенаправленное речевое воздействие говорящего на адресата, РЖ – форма социального взаимодействия (так реализуется принцип диалогичности).

2. РА всегда соотнесён с лицом говорящего; РЖ направлен на учёт специфики и адресанта, и адресата речи.

3. РА представлен одним высказыванием, краткий, однофразовый; РЖ состоит из одного (первичный РЖ) или множества РА (вторичный РЖ), объединённых одной иллокутивной целью.

4. Количество РА исчисляется количеством глаголов, называющих РА; количество РЖ не ограничено, а обусловлено сферой деятельности и типичными для неё коммуникативными ситуациями.

5. При возможности учёта мнения М.Я. Гловинской об ограничении числа РА количеством глаголов речи, мы могли бы утверждать существование РЖ, не содержащих ни одного РА. Но поскольку эта идея не находит своего подтверждения в ТРА, мы отрицаем существование названных РЖ и признаём обязательность привязки РА, объединённых одной иллокутивной целью, к соответствующему РЖ.

6. РА обращены к сфере действий и существуют только в устной речи; РЖ обращены к сфере текстов. Возможность анализа зафиксированных

результатов речевого взаимодействия обусловила специфику нашего дальнейшего исследования.

2.4. Устные и письменные речевые жанры

М.М. Бахтин пишет, что «богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы» [Бахтин, 1997, с. 159]. Так, любая сфера человеческой деятельности, в том числе военная, сопровождается речевой деятельностью, которая представлена **неограниченным** количеством реализующих её форм – жанров речи. Несмотря на это, спецификой делового военного дискурса является предельность числа РЖ.

Так, в Инструкции по делопроизводству в Вооружённых Силах Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. находим перечень основных видов служебных документов, которые соотносятся с РЖ как формой этих письменных речевых произведений. В настоящее время известно 24 РЖ делового военного дискурса: приказ, приказание⁶, директива, указание, постановление, положение, руководство, наставление, инструкция, устав, регламент, представление, отчёт, доклад, донесение, договор (соглашение, контракт), план, рапорт, перечень, протокол, акт, справка, служебное письмо (телеграмма, телефонограмма, факсограмма) [Инструкция, 2000, с. 46–50], сводка (этот частотный жанр мы обнаруживаем в процессе изучения боевых документов периода Великой Отечественной войны). Пополнение военной речевой среды новыми жанровыми разновидностями в текущий момент

⁶Здесь под *приказанием* понимается распорядительный служебный документ, издаваемый начальником штаба (заместителем командира воинской части) от имени командира (начальника) воинской части, помощником начальника гарнизона по организации гарнизонной караульной службы от имени начальника гарнизона [Инструкция, 48]. Документные тексты приказаний в настоящем исследовании не используются в качестве эмпирического материала. Не путать с РЖ *приказание*, который определяется нами, вслед за И.В. Уткиной [Уткина, 2006а], как устный деловой РЖ, соотносимый с письменным императивным РЖ *приказ*.

времени не предполагается. Наиболее регулярно в сборниках боевых документов периода Великой Отечественной войны представлены тексты директив, приказов, указаний, инструкций, докладов, донесений и сводок.

Указание на письменную форму перечисленных РЖ ведёт к необходимости решения вопроса о существовании устных РЖ военного институционального дискурса, наиболее частотными среди которых являются РЖ *приказание, инструктаж* и *доклад*, на что указывает И.В. Уткина в своём диссертационном исследовании [Уткина, 2006а].

Обращение к проблеме деления жанров поставлена в работе М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров». Называя РЖ «относительно устойчивыми типами высказываний» [Бахтин, 1997, с. 159], учёный указывает в первую очередь на то, что форма их использования может быть устной и письменной. По этой причине мы совершенно обоснованно все РЖ военного дискурса будем делить на жанры устной и жанры письменной речи. В основании этой классификации – форма речи, используемая коммуникантами для фиксации текста как продукта речевого взаимодействия. Поиску ответа на вопрос о том, как соотносятся жанры, реализованные в разных формах, способствует рассмотрение основных психолингвистических особенностей устной и письменной речи, о чём мы скажем ниже.

Подробная характеристика устной и письменной речи представлена в работе А.Р. Лурия «Язык и сознание» [Лурия, 1979]. Учёный называет две основные формы развернутой устной речи: форму диалогической речи (ответы на вопросы, разговор) и форму монологической речи (самостоятельное высказывание, исходящее из внутреннего замысла, повествование, рассказ). Анализируя их грамматическое строение, А.Р. Лурия приходит к выводу о сходствах и различиях обусловленных ситуацией общения грамматических структур.

Так, диалогическая речь отличается от монологической речи возможностью отсутствия внутреннего мотива, что связано с разделением

процесса высказывания между коммуникантами (спрашивающим и отвечающим): «Во время диалога мотив, побуждающий к высказыванию, заключен не во внутреннем замысле самого субъекта, а в вопросе спрашивающего, в то время как ответ на этот вопрос исходит из заданного собеседником вопроса. Следовательно, в этом случае говорящий может обходиться и без собственного мотива высказывания» [Лурия, 1979, с. 204]. Специфика устной монологической речи заключается в необходимости присутствия «как мотива высказывания, так и общего замысла, создаваемого говорящим» [Там же, с. 207].

Важными при этом являются задачи говорящего и вид конкретной деятельности, в которую включён устный монолог.

Вторая особенность диалогической речи – обусловленность речевого диалогического высказывания речевой ситуацией. Знание коммуникантами общей темы и содержания разговора облегчает процесс общения и определяет содержание речетворческого продукта.

Третьей чертой устной диалогической речи А.Р. Лурия называет включение в нее как языковых, так и внеязыковых компонентов (мимика, жесты, средства интонации, паузы). Наличие симпрактических компонентов средств в монологе характеризует устную монологическую речь и составляет её основное отличие от речи письменной [Там же, с. 209].

Обозначенные учёным особенности устной речи определяют специфику её структуры. Так, характерной чертой устной диалогической речи А.Р. Лурия называет грамматическую неполноту, когда отдельные части развёрнутого высказывания пропускаются или подменяются либо ситуацией, либо невербальными средствами общения [Там же, с. 204]. Монологическая речь может характеризоваться признаком грамматической неполноты только в том случае, «если рассказ идет об увиденном или пережитом и этот рассказ адресован собеседнику, который достаточно хорошо знает общую ситуацию и разделяет мотивы говорящего» [Там же, с. 207]. В иных ситуациях, требующих последовательного и логичного изложения фактов, структура

монологической устной речи развернутая, многокомпонентная, целостная, замкнутая.

Согласимся с мнением А.Р. Лурия о том, что устная диалогическая и монологическая речь всегда обращены к «живому собеседнику» [Лурия, 1979, с. 209], реакции которого позволяют говорящему быстро корректировать своё высказывание. На этом основании устная монологическая речь может переходить в скрытую форму диалогической речи [Там же, с. 209].

Интересным является рассуждение учёного об отношении устной монологической речи к практическому действию. Задаче воспроизведения реальной ситуации общения, обусловившей появление сообщения, служит речь, которая включает жесты, интонацию, воспроизводящие передаваемые события действия. Такую монологическую речь А.Р. Лурия называет драматизирующей и говорит о её сближении с диалогом. Способность приобретать «характер специального речевого действия, получающего полную независимость от практического действия» [Там же, с. 209–210] является признаком эпической речи. Её спецификой является отсутствие выразительных средств, прямых форм, внеязыковых маркеров, грамматических сокращений, диалоговых структур. Напротив, в эпической речи «используются грамматически полные развернутые формы, приемы косвенной речи, сложные формы управления» [Там же, с. 210], что сближает её с письменной речью.

Рассмотрим особенности письменной речи, обозначенные А.Р. Лурия.

Письменная речь, по словам учёного, – это речь без собеседника, мотивируемая, контролируемая и корректируемая самим пишущим. Мысленно продуцент может иметь адресата речи (если её мотивом является контакт или требование) или не иметь его (если письменная речь направлена на уточнение понятия). Речь характеризуется практически полным отсутствием симпрактических (внеязыковых) средств, не предполагает знания ситуации адресатом, поэтому информация опирается лишь

на использование развернутых грамматических языковых средств [Лурия, 1979, с. 211].

Принципиальное отличие письменной речи от устной заключается в необходимости сделать содержание первой понятной без использования внеязыковых элементов, таких как мимика, жесты, интонация. Из этого следует, что средства грамматической неполноты, используемые в устной речи, неприменимы в письменной, спецификой которой является функционирование полных, развернутых, сложных грамматических структур, отвечающих требованию полноты и понятности высказывания. Эту же мысль высказывает А.А. Леонтьев, утверждая «большую структурную сложность письменной речи по сравнению с устной» [Леонтьев, 1974, с. 254]. Кроме этого, исследователь отмечает такой существенный признак письменной речи, как её произвольность: «здесь мы можем производить не просто выбор и приспособление, а последовательный сознательный перебор и сознательную оценку речевых средств, возможных не только в данной “точке” высказывания, но уже “пройденных”, возвращаясь к ним, что в устной речи невозможно» [Там же].

Таким образом, устная и письменная речь порождаются и строятся по различным психолингвистическим правилам.

Лингвистический интерес к проблеме соотношения устной и письменной речи восходит к идеям И.А. Бодуэна де Куртенэ (1912), указывающего на различие указанных форм и называющего их разными видами речевой деятельности: «... письмо и язык, взятые в отвлечении, как две разнородные группы явлений внешнего, внечеловеческого мира, представляют из себя чуждые друг другу, несоизмеримые величины» [Бодуэн де Куртенэ, 2019, с. 11]. Учёный в своих рассуждениях доказывает, что взаимодействие рассматриваемых форм речи обеспечивает психический механизм: «Действительная связь между письмом и языком может быть связью единственно психической. При такой постановке вопроса как письмо и его элементы, так и язык и его элементы превращаются в психические

величины, в психические ценности» [Бодуэн де Куртенэ, 2019, с. 11–12]. Бодуэн де Куртенэ подчёркивает главенствующую роль устной формы речи (языка), поскольку слухо-произносительные процессы формируют языковое мышление представителей всех «главных групп людей», к которым учёный относит кандидатов в говорящие, говорящих и грамотных (т. е. обладающих навыками чтения и письма). Позже эти идеи отражаются в работах отечественных психологов, психолингвистов, посвященных проблемам происхождения и соотношения устной и письменной речи [Будагов, 2004; Лурия, 1979; Леонтьев, 1974].

Р.А. Будагов в рамках стилистического подхода к описанию языковой системы говорит об устной и письменной формах речи, выделяя разговорный и письменный стили [Будагов, 2004, с. 76]. Исследователь называет две группы причин дифференциации стилей, обусловленных синхроническим и историческим подходами к описанию функционирования системы языка: влияние диалектов на развитие письменного стиля (в диахроническом аспекте) и влияние диалектов на развитие письменного стиля посредством разговорного – в синхроническом [Там же, с. 82–83]. В исследовании Р.А. Будагова подчёркивается зависимость стилей как форм литературного языка от диалектов, которые, можно сделать вывод, являются в понимании учёного первичной формой существования языка. Поскольку нелитературные формы представлены только в устном исполнении, установим, что устная форма речи является первичной; письменная, организованная на базе разговорных форм, является вторичной: «Устная речь – речь звучащая, произносимая, первичная форма существования языка, более ранняя по времени возникновения, нежели письменная речь» [Жеребило, 2010, с. 426].

Деление РЖ делового военного дискурса на устные и письменные соотносится с лингвистическим описанием соответствующих форм речи. Однако вопрос о корреляции этих типов в оппозиции первичность / вторичность не может идти по традиционной схеме

закрепления за устными жанрами статуса первичных, а за письменными – вторичных. По словам И.В. Уткиной, устные жанры деловой речи являются вторичными по отношению к их письменному корреляту: «Как известно, одна из важнейших черт специфики деловой речи заключается в перевернутости отношения “устная – письменная речь”: в отличие от других разновидностей литературного языка деловая речь исторически возникла, сформировалась и функционирует как первично письменная» [Уткина, 2006а, с. 74].

Возвращаясь к исследованию М.М. Бахтина о первичных и вторичных РЖ и к нашим выводам о смене их позиций в военном деловом дискурсе, ещё раз уточним, что жанры произведений, отражённых в текстах как письменных продуктах речетворчества, мы будем называть сложными, а жанры высказываний как результатов устной речевой деятельности – элементарными.

Элементарные речевые жанры в военном дискурсе формируются на основе сложных, тщательно отбирают, перерабатывают и трансформируют их с целью указать на их непосредственное отношение к реальной действительности, превращают их в коммуникативное событие. Способы осуществления и результаты этого процесса нам предстоит выяснить в ходе исследования.

Изучение исследования И.В. Уткиной позволяет нам сделать вывод о том, что не все письменные жанры реализуются в устной форме, но большинство устных жанров возникает под влиянием его письменного коррелята. Так, соотносятся устные и письменные жанры *приказание* и *приказ*; *инструктаж* и *инструкция*; *доклад* и *рапорт*, *докладная* [Уткина, 2006б, с. 13]. И.В. Уткина утверждает существование жанра *беседы* только в его устной форме [Уткина, 2006а, с. 73–74]. Однако определение беседы как жанра речи можно поставить под сомнение. Скорее, это то, что учёные [Борисова, 2001; Гольдин, 1997; Колтунова, 2002; Шейгал, 2000 и др.]

называют речевым событием, каким в ВД является, например, обсуждение плана военных действий.

Согласимся с И.В. Уткиной в том, что устный РЖ в военном (деловом) дискурсе формируется на основе письменного, но обладает своими специфическими чертами. Для подтверждения или опровержения этой мысли необходимо описать частотные письменные и устные РЖ, функционирующие соответственно в военном деловом и художественном дискурсах.

Материалом исследования устных РЖ в нашей работе являются тексты художественных произведений о войне. Под художественным текстом мы понимаем коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, определяемой талантом автора / адресанта и не зависящей от читателя / адресата, но выявляемой им в процессе восприятия / чтения; этот вид текста, в отличие от остальных (научного, делового и др.), сохраняет значительную долю «активного бессознательного», которое часто рушит принятые языковые нормы и влияет на характер построения высказываний. Л.Н. Мурзин и А.С. Штерн полагают, что художник слова «пользуется общим языком, но для описания ситуации, посредством которой он выражает свою философию, свое понимание мира. Именно ситуация играет роль языка, выражающего некоторые общие идеи и представления автора о мире. Главное – в этой “двухэтажности” художественного текста» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 18–19].

Материалом исследования письменных РЖ в настоящем исследовании являются документные тексты военного делового дискурса.

Термин *документный текст* (далее – ДТ) введён С.П. Кушнеруком и описан им как «функционально, содержательно, структурно и нормативно завершённое речевое единство, являющееся основным коммуникативным компонентом документа, скреплённое модальностью, являющейся производной от функционально-нормативных условий документной

коммуникации, и соответствующее унифицирующим или стандартизирующим правилам» [Кушнерук, 2008б, с. 31].

М.В. Косова развивает идеи С.П. Кушнерука и говорит, что специфику ДТ определяют «внеязыковые, а точнее, социальные, условия документной коммуникации, <...> которая заключается в организации, выборе и комбинации компонентов, в особенностях их лингвистической реализации» [Косова, 2012, с. 8]. На этом основании лингвист понимает ДТ как «единицу письменной речи, речевое произведение, обладающее смысловой и грамматической связностью и реализующее социальную задачу автора с помощью системы реквизитов» [Там же].

Вслед за учёными мы признаем речевую природу описываемого феномена, испытывающего в процессе создания и функционирования воздействие как языковых, лингвистических, так и неязыковых факторов. В настоящем исследовании под термином *ДТ* мы понимаем «письменно-речевой объект, составляющий знаковую основу документа» [Там же, с. 9], специфику которого обуславливает набор характеризующих его реквизитов. Их функцию, по мнению М.В. Косовой, выполняют элементы, рассматриваемые исследователем в качестве «маркёров параметров жанра» [Косова, 2020, с. 49]. Обращение к проблеме жанровых характеристик ДТ ведёт к необходимости соотнесения этого понятия с явлением, обозначенным термином *речевой жанр*.

В.Е. Гольдин пишет, что «жанры принципиально письменной деловой речи воплощаются в сверхстрогой текстовой форме, но имеют иное отношение к миру, совершенно иначе представляют субъектов общения, их действия, цели, другие компоненты коммуникативной ситуации, и в приложении к речевым произведениям деловой сферы общения термин *жанр* получает особое содержание» [Гольдин, 1997, с. 31]. По этой причине мы, вслед за В.Е. Гольдиным и О.Н. Дубровской, называем РЖ моделью организации речевой деятельности коммуникантов [Гольдин, Дубровская, 2002, с. 6], а ДТ – соответствующим этому речевому взаимодействию

речевым произведением, которое может быть представлено только в письменной форме.

Итак, спецификой делового военного дискурса является предельность числа организующих его РЖ. Нашему исследованию подлежат частотные тексты как продукты письменной и устной речевой деятельности военнослужащих. Способ фиксации текста и передачи информации лежит в основе деления РЖ военного дискурса на устные и письменные.

Деление РЖ делового военного дискурса на устные (элементарные) и письменные (сложные) соотносится с лингвистическим описанием соответствующих форм речи.

Устные жанры, как и речь, могут быть диалогическими и монологическими. В диалоге всегда функционирует РЖ *допрос*, часто – РЖ *рапорт-объяснение*, *рапорт-отчёт* и *приказание*. Их психолингвистической характеристикой считается возможность отсутствия внутреннего мотива речевого действия. Специфика устной монологической речи, заключающаяся в необходимости присутствия мотива высказывания, обуславливает существование РЖ *рапорт-донесение*, *инструктаж* и *рапорт-побуждение*. Выбор диалогической или монологической речи детерминирован видом деятельности, коммуникативной ситуацией и целью говорящего.

Спецификой устной речи является её направленность к непосредственному реальному собеседнику, чего лишена письменная речь как речь без собеседника, мотивируемая, контролируемая и корректируемая самим пишущим.

Устная речь характеризуется грамматической неполнотой и использованием внеязыковых средств, в то время как письменная опирается на использование развернутых грамматических средств языка.

Большинство (но не все) элементарных РЖ в военном дискурсе формируются на основе сложных, обладают специфическим арсеналом способов и средств их отбора, переработки и трансформации, описание которых возможно путём сопоставления параметров частотных письменных

и устных жанров, что и будет осуществлено нами на следующем этапе исследования.

2.5. Классификация речевых жанров делового военного дискурса. Модель *речевого жанра* Т.В. Шмелёвой

Вопрос классификации жанров военной речи интересует учёных, исследующих обозначенную сферу использования языка [Стрелковский, 1979; Уткина, 2006а; Шаталова, 2002]. Так, Г.М. Стрелковский, исходя из функционального предназначения и содержательной направленности военных текстов, различает тексты информационного содержания и тексты, регламентирующие жизнь и деятельность войск [Стрелковский, 1979]. К первой группе исследователь относит военно-научные, военно-технические, военно-информационные и военно-публицистические тексты. Ко второй группе – уставы и наставления и военно-деловые тексты [Там же, с. 101–103].

Поскольку в рамках нашего исследования – военно-деловые тексты, сошлемся на Г.М. Стрелковского, который таковыми считает: 1) боевые документы, предназначенные для подготовки, организации и управления боевыми действиями войск, а также для организации их передвижения, расположения на месте и снабжения; 2) различные инструкции, циркуляры, общие для всех войск директивы и приказы [Там же, с. 132] (такие деловые тексты Н.С. Шаталова называет служебными [Шаталова, 2002, с. 33]).

И.В. Уткина называет такую типологизацию разнородной и предлагает на прагматических основаниях (относя к ним функции языка и комплекс экстралингвистических факторов) выделять директивные, организационно-деловые и информационно-справочные военно-деловые речевые жанры [Уткина, 2006а, с. 71].

К директивным жанрам, предназначенным для повседневного руководства войсками, исследователь относит приказ, приказание,

распоряжение, указание, директиву; к организационно-деловым (посредством которых регулируется и регламентируется бытовая, учебная и профессиональная жизнь военнослужащих) – устав, наставление, инструкцию, руководство, положение, плановый документ, правила, распорядок дня; к информационно-справочным, содержащим информацию, способствующую принятию управленческих решений, – служебные письма (рапорт, доклад), акт, донесение, сводку, отчёт, рекомендацию, справку [Уткина, 2006а, с. 72–73].

Обращает на себя внимание тот факт, что в представленной классификации в одну группу определены как письменные, так и устные (разговорные) формы речевых жанров. Так, в первой группе директивных жанров выделяется письменный жанр *приказ* и устный жанр *приказание*, во второй – организационно-деловые РЖ *инструкция* и *инструктаж*, в третьей группе информационно-справочных жанров как письменный и устный соотносятся жанры *рапорт* и *доклад*.

Т.В. Шмелёва, в чей научный интерес входит выявление коммуникативно-прагматических параметров описания речевого жанра, предлагает свою классификацию, которую можно положить в основу дифференциации РЖ военного дискурса. Так, по коммуникативной цели Т.В. Шмелёва делит РЖ на 4 типа, выделяя информативные, императивные, этикетные и оценочные РЖ [Шмелёва, 1997]. Соотнося жанры военных текстов, описываемых И.В. Уткиной, с типологией Т.В. Шмелёвой, отметим, что директивные и организационно-деловые жанры относятся к императивному типу, имеют побудительный характер, их коммуникативная цель «устремлена в мир реальных действий», «сводится к указанию на характер осуществления неосуществлённых действий» [Шмелёва, 1990, с. 25]. Информационно-справочные военные жанры соответствуют обозначенному Т.В. Шмелёвой информативному типу, целью которого являются «различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение» [Шмелёва, 1997].

А.В. Уланов пишет, что ВД «имеет собственную жанровую структуру, выражающуюся в специфике военных сообщений, выполняющих распорядительную, предписывающую и информативную функции» [Уланов, 2014а, с. 56], что соотносится с типологией Т.В. Шмелёвой и коммуникативными стратегиями, которыми в военном институциональном дискурсе являются информативная (стратегия подчинённого), объясняющая и побуждающая (стратегии командира). На основании коммуникативной цели, стратегий и функций военных речевых произведений мы выделяем информативные РЖ, предназначенные для реализации информативной стратегии, и императивные РЖ, реализующие объясняющую и побуждающую стратегии.

Описание названных типов жанров мы считаем целесообразным при рассмотрении коммуникативно-прагматических параметров модели речевого жанра, предложенных Т.В. Шмелёвой [Шмелёва, 1990; 1995; 1997].

Модель речевого жанра Т.В. Шмелёвой

Т.В. Шмелёвой, создавая модель речевого жанра, посчитала необходимым включить в нее такие признаки, которые послужат, по мнению лингвиста, для опознания, характеристики и конструирования РЖ: 1) коммуникативная цель жанра; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) диктумное содержание; 5) фактор прошлого; 6) фактор будущего; 7) языковое воплощение [Шмелёва, 1997]. Кратко рассмотрим эти параметры.

1) Коммуникативная цель – это намерение, интенция, замысел, определяющий природу жанра. На её основе выделяются информативные, императивные, оценочные и этикетные типы РЖ.

2) Образ автора – концепция говорящего, информация «о нем как об участнике общения, которая “заложена” в типовой проект РЖ, обеспечивая ему успешное осуществление» замысла [Шмелёва, 1997]. Образ автора, по мысли исследователя, «проявляется в РЖ в таких параметрах, как

полномочия, авторитет, информированность, заинтересованность» [Шмелёва, 1990, с. 26].

3) Концепция адресата – образ того, на кого направлена речь адресанта, информация о слушателе. От *фактора адресата*, по словам Н.Д. Арутюновой, в существенной мере зависит толкование высказывания, поскольку «любое речевое образование рассчитано на определенную модель адресата» [Арутюнова, 1981, с. 358]. Говоря об образе автора, мы не можем не коснуться образа того, на кого эта речь направлена – на образ адресата, поэтому параллельно характеризуем и того, кому говорящий направляет своё высказывание.

4) Диктумное содержание (событийное содержание, диктум) – определённые события, под действием которых формируется иллокутивная сила РЖ. Это событийное содержание, по терминологии Т.В. Шмелёвой, или диктум, по терминологии Ш. Балли [Балли, 1955], который характеризуется такими факторами, как отнесённость / неотнесённость к личной сфере автора или адресата, временная перспектива, оценка и количество событий [Шмелёва, 1995, с. 61].

5) Фактор прошлого – события общения, которые предшествуют РЖ: «Образ прошлого различает РЖ инициальные, начинающие общение, и такие, которые могут появиться только после определённых РЖ» [Шмелёва, 1997, с. 94].

6) Фактор будущего – события общения, которые прогнозируют ответную реакцию на РЖ, «для которых предлагалось наименование “реактивные”»: все они являются реакциями на другие жанры. Образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий, воплощающееся в появлении других РЖ» [Там же].

7) Языковое воплощение РЖ – его языковые приметы, «спектр возможностей, лексических и грамматических ресурсов жанра» [Там же, с. 96].

Итак, в текущем параграфе мы лишь обозначили те параметры, по которым будем характеризовать интересующие нас РЖ делового военного дискурса. Несмотря на это, скажем, что модель Т.В. Шмелёвой, разработанная преимущественно для жанров устной сферы общения, не всегда приложима к анализу письменных жанров. Так, затруднения вызывает анализ диктума письменного текста как результата сложного (многофразового) РЖ. Поскольку событийное содержание раскрывается при исследовании семантики предложения, использовать предложенный Т.В. Шмелёвой подход к анализу событийных и логических пропозиций возможно лишь в процессе исследования элементарных РЖ. Относительно ДТ мы можем говорить только о том стандартном содержании, по которому опознаём жанр. Кроме того, в анкете Т.В. Шмелёвой не учитывается типичная композиция жанра, в то время как Т.В. Анисимова [Анисимова, 2000] считает её конкретным признаком речевого произведения, созданного по модели определённого жанра. Выбранная нами модель не учитывает и графико-пространственный параметр, выделенный Н.Б. Лебедевой [Лебедева, 2003] при работе с *жанрами естественной письменной речи*, что может быть существенным при анализе такого РЖ военного дискурса, как *план*. Несмотря на это, для настоящей работы этот параметр оказывается нерелевантным потому, что указанный РЖ не выбран нами в качестве предмета исследования.

Тем не менее именно модель Т.В. Шмелёвой мы считаем наиболее адекватной целям дискурсивного анализа и подхода к РЖ как к обусловленной сферой использования языка форме речи. Выбор модели из ряда других способов описания жанров речи [А. Вежбицка, 1997; Т.В. Анисимова, 2000; Н.Б. Лебедева, 2003 и др.] определён следующими факторами:

- 1) простота модели;
- 2) её непротиворечивость;

3) использование метода компонентного анализа, который позволяет охарактеризовать наиболее значимые составляющие РЖ, а также пошагово проследить, как РЖ делового дискурса ассимилируют в РЖ художественного дискурса.

Выводы

Рассматривая теоретические подходы к проблеме дефинирования речевого жанра, мы приходим к определению этого понятия: **речевой жанр – это динамичная, гибкая форма речи, обладающая обусловленным языковой сферой набором параметров и способная изменяться в пределах этого набора; реализующаяся в тексте как речевом произведении, продуцируемом в определённой ситуации и с соответствующей ей целью, которая обуславливает специфику речевого поведения коммуникантов.**

Соотнесение смежного понятия *жанр речи* с понятиями *тип текста* и *речевой акт* позволило расставить акценты на важных для их дифференциации моментах.

Так, *речевой жанр* является подвижной формой **речевой деятельности**, образцом поведения коммуникантов, используемым ими в момент порождения и восприятия речи. *Тип текста* – это форма **продукта этой речевой деятельности**, её результат, зафиксированный замысел автора, признаком которого является стабильность, т. е. его неспособность меняться во времени. Тексты представляют собой тот эмпирический материал, который позволяет изучить РЖ и понимать его как единицу более абстрактного уровня.

Сравнивая характеристики РЖ и РА, мы отмечаем следующие важные аспекты их дифференциации: РА – явление коммуникативное, оно направлено от адресанта к адресату и заканчивается тогда, когда говорящий прекращает элементарное устное речевое действие. РЖ характеризует

процесс коммуникативно-социального взаимодействия, это интерактивное явление, которое предполагает обязательный ответ-реакцию слушающего на речь говорящего. Это обуславливает обращение РЖ к сфере текстов: только зафиксированный конечный результат речевого взаимодействия (которым и является текст) позволяет оценить интеракцию, обозначить границы жанра и, соответственно, исследовать изучаемый нами феномен.

В настоящем исследовании описание РЖ в военном деловом и художественном дискурсах осуществляется на основе предложенной Т.В. Шмелёвой [Шмелёва, 1990; 1995; 1997] модели речевого жанра. Нами рассматривается реализация всех отмеченных исследователем жанрообразующих характеристик, таких как коммуникативная цель, образы автора и адресата, событийное содержание (диктум), факторы прошлого и будущего, средства языковой реализации. При описании письменных жанров, кроме указанных параметров, учитывается их композиция, которая отсутствует в модели Т.В. Шмелёвой, разработанной для РЖ устной сферы общения, однако обращение к ней решает вопросы интенционального и событийного содержания письменных жанров (*приказ, инструкция, доклад*), а также позволяет различать и идентифицировать типы устных РЖ (*рапорт-побуждение и рапорт-донесение, инструктаж и приказание*).

Говоря о способности РЖ изменяться в пределах набора образующих его параметров, мы оправдываем возможность трансформации жанра, обусловленной спецификой устной и письменной форм речи, причём элементарные (устные) РЖ в военном дискурсе детерминированы структурой и содержанием сложных (письменных) РЖ. Обе жанровые разновидности обладают как общими, так и частными средствами их реализации, выделение которых возможно путём компонентного анализа и сопоставления параметров частотных письменных и устных жанров императивного и информативного типов, что и будет осуществлено нами на следующем этапе исследования.

Глава 3. Директивные речевые жанры *приказ* и *приказание* в деловом военном и художественном дискурсах

Рассуждение о жанрах военного институционального дискурса предполагает обращение к вопросу классификации жанров военной речи и выделению критериев, положенных в основу их дифференциации.

А.В. Уланов пишет, что ВД «имеет собственную жанровую структуру, выражающуюся в специфике военных сообщений, выполняющих распорядительную, предписывающую и информативную функции» [Уланов, 2014а, с. 56]. На основании функций военных речевых произведений мы выделяем информативные речевые жанры, предназначенные для реализации информативной коммуникативной стратегии, и императивные речевые жанры, реализующие объясняющую и побуждающую стратегии взаимодействия.

В настоящей главе рассмотрим характеристики директивных РЖ императивного типа, предварительно обоснуем основания, на которых мы выделяем эту жанровую группу.

3.1. Основные характеристики императивных речевых жанров

РЖ императивного типа делятся на директивные и организационно-деловые. Объединяет названные виды речевых жанров коммуникативная цель, а внутри каждой группы РЖ дифференцируются согласно другим характеристикам, к которым И.В. Уткина относит интенцию: «Каждый жанр предполагает наличие набора интенций, расположенных в заданной последовательности и связанных между собой, объединённых общей интенцией, создающей специфику жанра» [Уткина, 2006а, с. 60].

Рассмотрим номинации этих жанров. К директивным И.В. Уткина относит приказ, распоряжение, указание, директиву; к организационно-деловым – устав, наставление, инструкцию, руководство, положение, плановый документ, правила, распорядок дня. В связи с тем, что задача

настоящего исследования заключается в выявлении специфики ассимиляции жанров делового дискурса в художественном тексте, мы подробно осветим только те из них, которые нашли отражение в художественном дискурсе.

Для выделения общей жанрообразующей интенции обратимся к словарям и рассмотрим дефиниции термина *директива*.

1. *Директива* – общее **руководящее указание**, распоряжение высшего органа, требующее от подчиненного органа или лица выполнения поставленной задачи [БАС, т. 3, ст. 798].

2. *Директива* – обязательное для исполнения **руководящее указание** вышестоящего органа. Директивный – являющийся директивой, содержащий **руководящие указания** [МАС, т. 1, с. 401].

3. *Директива* – письменный распорядительный боевой или служебный документ, содержащий **руководящие указания** по подготовке и ведению боевых действий, снабжению, обучению, штатной организации и другим вопросам жизни и деятельности войск [Плехов, 1988, с. 88].

Общим для всех определений становится словосочетание **руководящие указания**. В его значении выделим семы, обозначенные глаголом *руководить* и существительным *указание*: ‘руководить’ – ‘1. Направлять чью-либо деятельность, быть во главе чего-либо; побуждать или понуждать кого-либо к какому-либо действию, управлять чьими-либо действиями, поступками’ [БАС, т. 12, ст. 1548–1549]; ‘указание’ – ‘2. Наставление, разъяснение, что и как делать’ [БАС, т. 16, ст. 431]. Дефиниции первой лексической единицы позволяют осознать коммуникантов действия: адресанта, который занимает главенствующую позицию, является вышестоящим на иерархической лестнице, и адресата, подчинённого, обязанного выполнить требование адресанта в любом случае, даже если это совершается помимо воли исполнителя. Существительное *указание* предполагает, что в директивном документе должна формулироваться конкретная задача (что делать) и описываться алгоритм её выполнения (как делать). Таким образом, директивные жанры

предполагают лишение исполнителя ответственности за результат действия, он не имеет права выполнить задание иным путём, а также отменить или изменить волю адресанта.

Обратимся к определению организационно-деловых документов.

1. *Организовать* (организационный ← организация ← организовать) – 1. **Создать** (создавать), основать (основывать), учредить (учреждать) что-либо. 2. Подготовить (подготавливать) и осуществить (осуществлять), наладить (налаживать). 3. **Объединить** (объединять), **сплотить** (сплачивать) для какой-либо цели. 4. Внести (вносить) во что-либо известный порядок, планомерность, **упорядочить** (упорядочивать) [МАС, т. 2, с. 637].

2. *Организовать* – 1. Основывать, **создавать** что-либо путём привлечения общественных сил. 2. **Объединять, сплачивать** кого-либо для какой-нибудь цели. 3. **Упорядочивать**, придавать чему-либо планомерный, согласованный характер; устраивать по плану [БАС, т. 8, ст. 1005–1006].

Выделив общие семы ‘создать’, ‘объединять’, ‘упорядочивать’, мы можем утверждать, что целью организационно-деловых документов является описание порядка осуществления какой-либо общественно полезной деятельности путём привлечения всех участников коммуникации.

Таким образом, отличительными особенностями РЖ директивного и организационно-делового типа являются следующие:

1. В директивных документах ставится конкретная боевая или служебная задача (обусловленная местом и временем) и указывается порядок её выполнения. Так, например, в тексте *Приказа народного комиссара обороны Союза ССР «О введении в действие Наставления по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений Красной Армии» № 0130 от 20 июня 1940 г.* (см. рис. 1, с. 22) чётко поставлены задачи (*ввести в действие объявляемое Наставление, считать его одним из основных боевых уставов, знать Наставление, применять его в мобилизационной подготовке войск, отменить предыдущее Наставление*),

обозначено время вступления приказа в силу (20 июня 1940 г.) и место его действия (в войсковых частях, управлениях и учреждениях Красной Армии).

2. В организационно-деловых текстах описывается универсальный, вневременной и нелокальный алгоритм выполнения действий; в них не обозначены задачи, требующие немедленного выполнения. Здесь отражается перечень всех возможных проблем и предлагаются пути их решения. Так, текст Наставления (рис. 2) не содержит временных установок, поскольку его действие может

быть ограничено или отменено только в будущем. Документ подробно описывает функции абстрактных членов военного общества, в нём не используются фамилии и имена, субъект обозначен по виду выполняемой им деятельности (водители, представители), звания или называется объект действия по месту его службы (военкомат, войсковая часть).

3. Участники коммуникации чётко разграничиваются в директивных жанрах, когда адресант – вышестоящий, начальник (Маршал Советского Союза С. Тимошенко [Исаков, 2000, с. 7]) – приказывает, а адресат – нижестоящий, подчинённый – выполняет действие. Организационно-деловые документы регламентируют деятельность всех её участников независимо от их статуса.

4. Тексты организационно-деловых документов абстрактны и универсальны, директивные тексты более конкретны и локальны.

Итак, на поставленный выше вопрос о том, по какому принципу происходит деление императивных жанров на директивные и организационно-деловые, можем ответить, что общей жанрообразующей интенцией первой группы текстов является интенция *приказать*, целью

7. Комплектование мехтранспортом

89. По вопросам комплектования мехтранспортом на войсковые части возлагается:
- а) разработка совместно с военкоматом плана поставки мехтранспорта и приписки водителей;
 - б) количественный учет поставляемого в войсковую часть мехтранспорта и систематическая проверка реальности нарядов по хозяйствам;
 - в) прием мехтранспорта со сдаточных пунктов, организуемых военкоматами.
90. Работа войсковой части по разработке плана поставки мехтранспорта заключается:
- а) в определении совместно с райвоенкоматами сроков и пунктов поставки мехтранспорта при объявлении мобилизации;
 - б) в выделении своих представителей для осмотра машин в хозяйствах и для индивидуального отбора машин для поставки согласно числовому наряду военкомата;
 - в) в установлении типов машин, подлежащих поставке на замену недостающих, с учетом их использования и назначения.
91. Для обеспечения реальности поставки мехтранспорта из своего района комплектования войсковая часть обязана:
- а) совместно с военкоматом не менее двух раз в год проверять наличие и качественное состояние машин в хозяйствах и вносить отметки о результатах проверки в наряды;
 - б) проверять правильность замены машин самими хозяйствами при убытии предназначенных к поставке машин;

Рис. 2 – Наставление по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений Красной Армии [Исаков, 2000, с. 10]

документных текстов (далее – ДТ) второй группы является перечисление требований для того, чтобы подчинить всех участников коммуникации системе установленных правил, упорядочить их действия (интенция *регламентировать*). На основании этого РЖ императивного типа в деловом военном дискурсе мы делим на два вида: директивные и регламентирующие РЖ.

В области нашего научного интереса РЖ директивного типа, реализующиеся в высказываниях, доминирующей целью которых, по мнению О.С. Ахмановой, является обращение к слушающему, побуждение его к восприятию речи [Ахманова, 1966, с. 508].

Письменные директивные РЖ реализуются в ДТ директивы, приказа, приказания, распоряжения, постановления, указания (здесь нами принимается во внимание типология РЖ И.В. Уткиной (см.: [Уткина, 2006а, с. 71])). Наиболее широко в сборниках боевых документов Великой Отечественной войны представлены ДТ *приказ* и *директива*.

РЖ *приказание* мы, вслед за И.В. Уткиной, рассматриваем как разговорную форму письменного жанра *приказ*: «В силу того, что письменные жанры в военном деловом общении являются первичными, а устные – вторичными, интерес представляют жанры устные / письменные, так как устная форма языка в данной сфере испытывает сильное влияние письменной, но в то же время сохраняются специфические черты, позволяющие считать приказание ... устным жанром, а приказ ... – письменным» [Уткина, 2006а, с. 77]. Основываясь на этой мысли лингвиста, мы полагаем, что необходимо выявить характерные для устной (разговорной) и письменной форм речи коммуникативно-прагматических черты и сопоставить их актуализацию в РЖ директивного типа.

И.В. Уткина указывает на возможность соотнесения РЖ *приказ* и *приказание*. Описание письменного жанра *приказ*, воплощающегося в ДТ директивы, решает вопросы о выявлении типов текстов, реализующих РЖ

приказ; об установлении истинных (а не гипотетических) его черт, лежащих в основе идентификации этого РЖ.

Предпримем анализ жанрообразующих параметров *приказа*, *директивы* и *приказания*, целью которого станет выделение общих и специфических для них черт.

3.2. Целевая установка речевых жанров *приказ* и *приказание*

Приказ – «письменное или устное распоряжение начальника, обязательное для исполнения подчиненными, основной акт военного управления. Приказами доводятся боевые задачи до войск, ими регламентируются жизнь и повседневная деятельность войск (сил), учреждений, военно-учебных заведений» [Плехов, 1988, с. 227]. В соответствии с этим определением мы говорим о приказе как о РЖ директивного типа.

Дефиниция позволяет выделить особенности РЖ *приказ*, к которым Т.В. Шмелёва относит коммуникативную цель (*управление*) (здесь и далее выделено нами. – А.О.), адресата (*подчинённые*) и адресанта речи (*начальник*) [Шмелёва, 1990; 1997], а также определить, что событийная основа высказывания обусловлена сферой военно-профессиональных действий, бытовой и учебной жизни военнослужащих.

Функцией РЖ *приказ* является побуждение адресата к выполнению **конкретных** действий, имеющих объективную значимость, обусловленных военным, социальным долгом адресата перед обществом и совершаемых в его (общества) интересах. Так, в *Приказе Командующего войсками Западного фронта командующему 16-й армией на овладение г. Вязьма и содействие выходу из окружения 19, 20 и 24-й армий от 8 октября 1941 г.* поставлена ближайшая боевая задача: *Решительным ударом по противнику, занявшему район Вязьма, овладеть Вязьмой и содействовать выходу частей 19, 20 и 24-й армий на рубеж: 19 А – Сивалиха, Нов. Село; 20 А – Шимоново,*

ст. Узрюмово [РА, 1997, с. 95]. В тексте документа даётся указание на способы достижения поставленной цели: *Разгружающуюся на ст. Уварово 18 тбр подчинить себе с задачей очищения от противника района Вязьма и содействия прорыву 19, 20 и 24-й армий* [Там же].

Рассмотрим другой пример: *29-й армии (174, 252, 243, 246 сд, 46 д), обороняясь на правом фланге в районе Старица, Акишево, продолжать форсировать р. Волга в ночь с 20 на 21.10 на участке Избрижье, Даниловское и 21.10 решительно наступать в общем направлении Даниловское. К исходу дня овладеть Некрасово, Даниловское, отрезать противнику пути отхода на юг и юго-запад, установить взаимодействие с 21 тбр в районе Неготино. В районе Высокое иметь в армейском резерве одну стрелковую дивизию. Кавдивизию использовать по тылам противника и [для] развития успеха в направлении Покровское* [Там же, с. 113]. Здесь подробно описываются субъект (*29-й армии (174, 252, 243, 246 сд, 46 д)*) и объект действия (*Некрасово, Даниловское, одну стрелковую дивизию* и др.), указывается точное место военной операции (*на участке Избрижье, Даниловское*), конкретное время ведения боя (*в ночь с 20 на 21.10*), способ действия (*продолжать форсировать р. Волга*).

Коммуникативная цель *директивы* сформулирована в следующем определении: «*Директива* – письменный распорядительный боевой или служебный документ, содержащий **руководящие указания** (выделено нами. – *А.О.*) по подготовке и ведению боевых действий, снабжению, обучению, штатной организации и другим вопросам жизни и деятельности войск» [Плехов, 1988, с. 88]. Перечислим характеристики, важные для понимания цели этого РЖ:

1. Письменная форма, которая позволяет довести информацию до большего числа адресатов, чем непосредственный подчинённый, а также препятствует искажению первичной информации в процессе её обработки и передачи коммуникантам последующих уровней.

2. Руководящий, распорядительный документ (об императивности такого ДТ сказано выше). Согласимся с М.А. Ширинкиной, которая указывает на дополнительный семантический признак, заложенный в лексеме *руководящий*: «директива всегда исходит от вышестоящего субъекта», поэтому «автор находится по отношению к адресату в вышестоящей позиции и имеет полномочия предписывать ему определенный тип поведения» [Ширинкина, 2017, с. 62].

3. *Боевой* документ, содержащий указания по организации деятельности военнослужащих в момент выполнения ими боевых операций, или *служебный* документ – официальный документ, используемый в текущей деятельности организации [ГОСТ-98, 1999, с. 3]. Термин *служебный* указывает на функционирование РЖ *директива* и в момент отсутствия военных действий.

В данном определении не представлено важное для понимания цели директивы указание на её неконкретный, самый общий характер, когда даётся только направление деятельности, а реализующие её действия не описываются. Так, в *Директиве Ставки ВГК Командующему войсками Западного фронта № 001805 от 10 сентября 1941 г.* даны указания на результат, который должны достичь войска в процессе боевых действий. Подробной информации о порядке и способах действий в документе нет: *Ставка приказывает прекратить дальнейшие атаки противника, перейти к обороне, прочно закопаться в землю и за счет второстепенных направлений и прочной обороны вывести в резерв шесть-семь дивизий, чтобы создать мощную маневренную группировку для наступления в будущем* [РА, 1997, с. 66]. В тексте *Директивы Ставки ВГК командующему войсками резервного фронта № 002633 от 5 октября 1941 г.* представлены указания на субъект, время и место выполнения приказа: *Резервному фронту в составе 24, 43 и 33 армий в ночь с 5 на 6.10 занять линию Ведерники, Хлысты, Митяжково, Шиловка, Лзинки, Городечня, Ключи, Глагольня, Мосальск, Серпейск, Хлуднева, с. Шахта, Жиздра, все пункты*

для Резервного фронта включительно [РА, 1997, с. 88]. Обращает на себя внимание то, что заданные директивой параметры (субъект, объект, место, время) носят общий, широкомасштабный характер.

Маркёрами семантики обобщённости в ДТ директивы являются:

– прилагательные *основной, общий* (см.: *основной* – ‘наиболее важный, наиболее существенный; главный’ [БАС, т. 8, ст. 1139]; *общий* – ‘3. Один и тот же для одного и другого (других), относящийся к одному и другому (другим)’ [Там же, ст. 540]): **Основные** направления для организации обороны – Почеп, Унеча и Погар, Стародуб [РА, 1997, с. 75]; ... нанести удар во фланг и тыл мариуполь-таганрогской группировки пр-ка **общем** направлении Федоровка... [Сборник 42, 1960, с. 100];

– *систематический* (*систематический* – ‘3. Постоянный, регулярный’ [БАС, т. 13, ст. 58]);

– *постоянный* (*постоянный* – ‘не прекращающийся, не меняющийся; непрерывный, неизменный’ [Там же, т. 10, ст. 1548]): Организовать **систематическую** как воздушную, так и наземную разведку противника, установив **постоянное** наблюдение за всеми передвижениями и изменениями в боевых порядках противника [РА, 1997, с. 74];

– наречие *широко* (*широко* от *широкий* – ‘7. перен. Охватывающий многих, распространяющийся на многих; массовый’ [БАС, т. 17, ст. 1415]): **Широко** используйте фоторазведку [РА, 1997, с. 73].

Таким образом, коммуникативной целью ДТ директивы является указание на непрерывное выполнение единой, общей для большого количества субъектов цели.

Итак, основным отличием коммуникативных целей *директивы* и *приказа* является степень её конкретности / абстрактности по таким параметрам, как субъект, объект, время и место действия.

В текстах приказов и директив излагаются факты, которые позволяют говорящему **убедить** (*убедить* – ‘привести к уверенности, вере во что-н.’ [РСС, т. 4, с. 251]) адресата в крайней необходимости и обязательности

выполнения указаний. Именно для этого в рассматриваемых ДТ излагаются обстоятельства, позволяющие говорящему аргументировать правильность своих требований: *Твердого порядка непосредственно на переднем крае нет; боевое охранение не выставлено; служба секретов, дозоров, засад не организована <...> ПРИКАЗЫВАЮ:*

1. До 16.3.43 организовать на всем фронте обороны службу боевого охранения; где это невозможно (близость противника), выставить парные секреты, засады, дозоры <...> [Сборник 9, 1948, с. 3–4].

Определив *приказание* разговорным жанром делового общения военнослужащих, его жанрообразующей интенцией И.В. Уткина называет интенцию *приказывать* (*приказывать* – ‘отдавать распоряжение, приказ; велеть, требовать’ [БАС, т. 11, с. 512]). Следовательно, жанрообразующим элементом РЖ *приказание* мы, вслед за исследователем, называем *императивную интенцию* [Уткина, 2006а, с. 84].

Под *приказанием* мы понимаем устное речевое произведение, основной функцией которого является изъявление воли говорящего относительно исполнения слушающим определённого действия, что, по мысли авторов «Теории функциональной грамматики», находит выражение в предложениях с семантикой повелительности: «...в повелительных предложениях выражается адресованное слушающему волеизъявление говорящего относительно исполнения действия» [Бондарко, 1990, с. 187].

В немецко-русском словаре речевого общения М.Д. Городниковой и Д.О. Добровольского выделяются такие типы директивных (побудительных) речевых действий, как просьба, ободрение, указание, требование / приказ, приглашение, предложение, совет, предупреждение, угроза, запрет, упрёк [Городникова, 1998, с. 51–93]. Все они определяются, по словам Т.С. Лариной, «как выражение волеизъявления говорящего, направленное на каузацию деятельности адресата, что означает, что в логической структуре директивного речевого акта есть компонент воли» [Ларина, 2018, с. 120]. Важным является их разграничение. Специфическими

признаками *приказа* исследователь называет категоричность его требований, обязательность исполнения; мотивированность; отсутствие сопротивления со стороны адресата; реализацию в официальной обстановке; употребление по отношению к лицам с более низким социальным статусом; наложение адресантом санкций за невыполнение приказа.

Таким образом, назовем признаки, в соответствии с которыми мы относим тот или иной художественный текст к продукту реализации РЖ *приказания*:

- объективность;
- категоричность;
- обязательность исполнения;
- ориентированность на лиц более низкого военного статуса.

Названные признаки являются общими и для письменных, и для устных директивных жанров *приказ / приказание*.

Отличие устного жанра от письменного заключается в стремлении первого к фрагментации, имплицитному дроблению приказа на множество объектов и реализации лишь одного, наиболее значимого в момент говорения замысла: – *Огонь!* [Некрасов, 1948, с. 34]; – *К бою!* <...> *Приготовиться к открытию огня!..* [Стаднюк, 1988, с. 158]. Такие фрагменты приказаний называются командами и используются в самые напряженные моменты боевых операций, упорядочивая их.

В художественном дискурсе зафиксированы тексты приказаний, которые по формальным признакам соответствуют РЖ *приказ*: *Товарищи! По данным нашей разведки, километрах в двадцати отсюда в северном направлении находятся немецкие танки. Нам приказано задержать их на этом рубеже, не позволить фашистам переправиться через Кубань. Сейчас из всех стоящих в строю будут сформированы подразделения. Скоро подвезут бутылки с горючей жидкостью. В борьбе с танками это не идеальное, конечно, оружие, но другого нет. Сражаться придется тем, что есть. А пока, не теряя времени, мои люди научат вас обращаться*

с этими бутылками. Сержант Фролов! – подозвал полковник рыжеволосого артиллериста. – Покажите летчикам, как надо действовать [Андрианов, 1983, с. 46].

В представленном фрагменте функционирует два императивных высказывания: к массовому адресату обращено первое, которое существует в монологической форме речи и сближается с письменным ДТ *приказа* и по объёму, и за счёт использования в нём грамматически полных конструкций, а также лексических единиц и сочетаний, отражающих специфику официально-делового стиля речи (*в северном направлении, по данным разведки, задержать на рубеже, в борьбе с танками*). В тексте зафиксировано несколько задач, подлежащих обязательному выполнению (*задержать, не позволить переправиться, сформировать подразделения, сражаться, учить обращаться с бутылками*).

Второе приказание в описываемом фрагменте короткое, оно обращено к конкретному адресату (*сержант Фролов*) и реализует только одно волеизъявление (*покажите*).

В основе различий этих приказаний количественный аспект: массовый адресат получает многоцелевое приказание на выполнение большого числа действий, конкретный – на исполнение одного действия. Но было бы неверным предполагать, что одному адресату не может быть поставлено множество задач. Так, например, в приказании *Идите к себе и не выходите. И всем скажите, чтобы носа не смели показывать. И никому ни слова. Идите* [Васильев, 1994, т. 1, с. 380] перед подчинённым ставится несколько задач. Это связано с необходимостью командира заставить слушающего выполнить непонятные ему действия.

Спецификой этих приказаний является степень их конкретности: чем понятнее и проще задание, тем меньше указаний получают адресаты; для того, чтобы убедить подчинённых выполнить неконкретное, непонятное, лишённое указаний на способы выполнения операций задание, говорящему требуется привести доводы, которые меняют представление слушателя

о ситуации, её видение. Эта особенность письменного *приказа*, композиция которого предполагает выделение сначала аргументирующей части, а затем – побуждающей, становится спецификой устных *приказаний* как вторичных РЖ военного дискурса.

Итак, в основе отличия коммуникативных целей *приказа* и *приказания* лежит количественный и качественный аспект: РЖ *приказа* характеризуется многозадачностью и абстрактностью, которая заключается в неточных представлениях каждого исполнителя воли говорящего о том, что, как, где, когда и почему нужно делать. *Приказание* же максимально конкретно, критерий точности речи достигается за счёт использования минимального количества глаголов с конкретным значением (*покажите, идите, скажите*) или иных (неглагольных) конструкций со значением императивности (*За мной! Ма-арш!* [Бондарев, 1984, с. 71]) для реализации наиболее значимого в момент говорения действия.

3.3. Особенности проявления образа автора и образа адресата в императивных речевых жанрах директивного подтипа

Известно, что автором ДТ императивного типа является вышестоящий, начальник, имеющий «полномочия предписывать ... определенный тип поведения» [Ширинкина, 2017, с. 62], адресатом – нижестоящий, подчинённый, который «на статусно-ролевой лестнице находится ниже автора и потому обязан следовать закрепленным в документе предписаниям» [Там же]. На этом основании все директивные РЖ военного делового дискурса являются «неисполнительскими», т. е. такими, «с помощью которых автор побуждает к действию адресата или третьих лиц» [Шмелёва, 1990, с. 26].

Адресантом в директивных ДТ (как директивы, так и приказа) может являться как одно ответственное должностное лицо-волеизъявитель, так и группа лиц, отдающих приказ.

Чаще всего ДТ директивы представляет собой продукт коллективной коммуникации, поэтому адресантом речи является группа авторов, номинированная по названию управляющего органа (здесь и далее под *органом управления* мы будем понимать «наименование командования, штабов, управлений, отделов и других постоянных (штатных) и временно создаваемых (нештатных) органов, предназначенных для руководства войсками (силами) в различных звеньях» [Плехов, 1988, с. 189]) в начальной формуле текста: *Директива Военного совета Западного фронта* [РА, 1997, с. 72]; *Директива Ставки ВГК* [Там же, с. 73]. В ДТ приказа такой приём используется намного реже и не является частотным: *Приказ Ставки ВГК командирам 5-й стрелковой дивизии* [Там же, с. 89]. Указание на орган управления подчёркивает степень важности документа и усиливает побудительный эффект, поскольку в выполнении указаний заинтересован не один автор, а целая группа лиц, представляющих интересы всей страны.

Кроме того, автором директивы может выступать ответственное лицо, названное в начальной формуле документа по выполняемой им функции: *Директива Начальника Генерального штаба* [Там же, с. 73]. Обозначение в реквизитах ДТ приказа адресанта как руководителя органа власти высокочастотно: *Приказ заместителя командующего войсками Южного фронта по тылу № 0083 от 13 октября 1941 г.* [Сборник 42, 1960, с. 104].

Указание на адресанта содержится не только в начальной формуле директивы и приказа, но и в конечной, где основным средством его репрезентации является должность и фамилия автора: *Командующий войсками Брянского фронта Еременко, член Военного совета Мазепов, Начальник штаба Захаров* [РА, 1997, с. 76].

В основной части директивных ДТ находим указание на адресанта речи, где его образ проявляется с помощью перформативного глагола *приказываю*: *Приказываю: 1. Усилить бдительность и всеми видами разведки вскрыть группировку и направление ударов противника <...>* [РА, 1997, с. 72]. Глагол с императивной семантикой может использоваться

в форме 3-го лица настоящего и прошедшего времени: *В связи с тем, что, как выявилось в ходе боев с противником, наши войска еще не готовы к серьезным наступательным операциям, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. На всех участках фронта перейти к жесткой упорной обороне, <...>* [РА, 1997, с. 73–74]; *Верховный Главнокомандующий приказал: ...Переброску авиагруппы по воздуху произвести 27.8.41 г. на аэродромы, указанные командующим Брянским фронтом* [Сборник 43, 1960, с. 12]. Здесь функция говорящего – передача чужого волеизъявления: автор текста аккумулирует поступившую информацию и транслирует коллективные решения, принятые в результате совместного обсуждения проблемы всеми членами ответственного управляющего органа, которым чаще всего является Ставка Верховного Главнокомандования.

Указание на адресата речи в ДТ директивы находим в начальной формуле: *Директива командующего войсками Брянского фронта командующим 50, 3 и 13-й армиями и оперативной группой, генерал-майору А.Н. Ермакову* [РА, 1997, с. 74].

По словам Т.В. Шмелёвой, важной характеристикой коммуникации является такой параметр, как дипломатичность / категоричность автора. А.Е. Волкова пишет, что императивные жанры характеризуются «категоричностью выражения побудительности и отсутствием свободы выбора адресата» [Волкова, 2011]. Это свойственно всем РЖ императивного типа и связано со строгой соотнесённостью статуса коммуникантов и выполняемых ими функций. Так, в директивах и приказах императивность чаще всего выражается сочетанием перформативных глаголов *приказываю, назначаю, требую* с инфинитивами, либо инфинитивом с императивным значением (инфинитив часто является неполнозначным, его действие опознаётся только в сочетании с существительным): *передать, установить, устранить недочеты, принять меры, провести расследование, наносить удары* и др. Обозначенные глагольные конструкции выражают крайнюю

степень категоричности, жёсткое требование неукоснительного исполнения воли говорящего. Так, соблюдается принцип, который, по словам И.В. Уткиной, является специфической чертой военной деловой речи: «Частотным является использование инфинитивных форм глаголов (поощрить, доложить, подготовить, утвердить), ... остальные формы глагола используются по необходимости ...» [Уткина, 2006а, с. 69].

В текстах директив и приказов инфинитивные конструкции используются очень часто. Отметим, что в связи со сложной структурой этих текстов, инфинитивные конструкции с императивной семантикой характерны для второй, постановляющей части документа. В первой части наблюдается использование страдательной формы глагола и глагольных форм: *базируется, готовятся к открытию, подается автотранспортом, должны быть получены, установлено, поставлены задачи* и др. А.В. Бондарко пишет, что «пассивность – это такое представление действия, при котором субъект устраняется с указанной позиции и ее занимает объект» [Бондарко, 1990, с. 129]. Субъект лишается центрального положения для того, чтобы избежать акцентирования личности: *Доставляемое на фронт горючее расходуется бесконтрольно. Заправка машин производится без всякого учета <...>* [Исаков, 2000, с. 84]. Устраняя субъект действия, автор текста информирует адресата о произошедшем, подчёркивая значимость совершившегося действия, а не его исполнителей. Таким образом, цель директивного ДТ – дать указание, направить слушателя / читателя к действию, обозначить его цель – является ведущей, но при этом сочетается с необходимостью сообщить о факторах, послуживших причиной волеизъявления. Такое информирование, которое М.А. Ширинкина называет констатацией [Ширинкина, 2017, с. 62], имеет целью убедить адресата речи в правильности приказа и «смягчает» категоричность волеизъявления, делает его более дипломатичным. Необходимость дипломатичности, корректности высказывания связана с тем, что реципиенты, для которых составляется директивный документ, являются лицами высокого ранга, представителями

руководящего состава, цель которых – проанализировать описанную ситуацию и найти, в соответствии с общими указаниями, конкретный путь решения поставленной автором задачи.

Обратимся к передаче устной речи в художественных произведениях. Здесь так же, как и в письменных ДТ, адресантом приказа является командир, начальник – высшее должностное лицо:

Генерал оторвался от окуляров, поправил сбитую на затылок фуражку.

– Выдвинуть вперед, – сказал он. – Так, чтобы я моторы слышал. Струсил под занавес, разведчики? – Он насмешливо посмотрел на капитана покрасневшими от бессонницы глазами и легко прыгнул на бруствер. – Связь, не отставать!.. [Васильев, 1994, т. 1, с. 375].

Автором приказа в представленном фрагменте является *генерал*, императивные высказывания которого представлены конструкциями, выражающими как указание (*Выдвинуть вперед*), так и запрет (*Связь, не отставать!*). Подобные контексты реализации РЖ *приказание* можно считать образцовыми, поскольку они соответствуют указанным выше специфическим характеристиками РЖ *приказ* и являются высокочастотными.

Рассмотренная выше модель не единственная для РЖ *приказание*, функционирующего в текстах художественных произведений. Так, в повести В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» находим приказание, адресант которых скрыт: *Капитан является на рассвете. Дергает носом. Через пять минут будет полуторка – поедет на Тракторный.*

– На Тракторный? Зачем?

– Не знаю. Приказано.

– Кто приказал?

– Гольдишаб. Он тоже выезжает на Тракторный.

– А что там делать?

– Я сказал, что не знаю. Собирайте, говорит, свою группу и ждите машину [Некрасов, 1948, с. 72].

В примере говорящий не является автором волеизъявления, он лишь транслирует его. Однако для выполнения боевой операции важна личность автора побуждения: обозначенная в контексте, она несёт сигнал адресату речи о том, рассматривать данное высказывание как приказание или нет.

Обратимся к другим примерам.

1) *«Днем надо спать, а идти ночью...» – шептал ему полусонный бред. «Нет. Сейчас надо идти. Днём. И всегда идти!..» – «Но ведь ночь невыносимо холодна, и, в сущности, ты, сержант, не спал уже...» – «Нет! Я спал. А если засну сейчас, днем, я уже никогда не проснусь. Меня найдут немцы...» – «Ты боишься смерти? Вздор! Ты ее никогда не боялся».*

И он говорил сам себе, почти в бреду, во весь голос:

– Мне приказано не умирать. Нельзя мне умирать! Ни в коем случае... И спать нельзя! Надо идти [Иванов, 1960, с. 55].

2) *– Я должна идти. – Девушка поежилась и постояла еще секунду-другую, вслушиваясь. – Нужно идти, – взбадривая себя, прибавила она и стала карабкаться на бруствер траншеи [Астафьев, 1997, т. 3, с. 19–20].*

Особенностью речевых действий говорящих в представленных контекстах является то, что выраженное в них приказание направлено не на адресата волеизъявления, который вовсе отсутствует, а на адресанта, т. е. «приказ самому себе». Такое *автоприказание* невозможно в письменной коммуникации, однако характерно как для внешней (*Я должна идти*), так и для внутренней речи (*Сейчас надо идти. Днём. И всегда идти!..*). Иллокутивная сила приказания не теряет важного компонента объективной значимости, но при этом характер РЖ становится личным.

3) *Справа и слева, далеко и близко слышались нервно-торопливые, тревожно-громкие или приглушенные расстоянием команды:*

– Противник с фронта!..

– Приготовиться к бою!..

– *Занять окопы!.. К бою!..*

– *Минометчикам приготовиться к открытию огня!..* [Стаднюк, 1988, с. 155–156].

Указания на адресанта речи в представленных фрагментах текста нет по нескольким причинам: команды повторяются несколько раз (*справа и слева, далеко и близко*), следовательно, передающий её говорящий-ретранслятор не один; личность автора приказания установить невозможно, она неважна, поскольку цель речи – быстро привлечь внимание слушающих к ситуации; множество команд позволяет отметить наличие командиров на поле боя до начала военной операции и соотнести эффект этих фрагментов с тем, который создаётся автором художественного произведения при описании состояния военнослужащих после неравной схватки, когда люди либо растеряны, либо погибли:

– *Подайте кто-нибудь голос... – хрипло проговорил генерал Чумаков. – Всем собраться в двух... нет, в трех километрах... на запад.*

– *На-а за-а-пад? – с трудом переводя дыхание, переспросил Карпухин.*

– *Может, на восток? – недоумевал Жилов.*

– *На запад! – сердито повторил генерал. – На востоке перехватят!..*

Они теперь нас не оставят [Там же, с. 181].

Наличие приказаний – показатель того, что командир жив, следовательно, есть человек, который может принять правильное решение, сохранить жизни подчинённых. Команды активизируют деятельность бойцов; их наличие не разрушает типичность ситуации в целом: есть приказ – значит, есть командир. Это позволяет слушающим не выйти за рамки речевой ситуации, остаться в пределах дозволенного, руководствоваться привычными законами, продолжать осуществлять боевые действия настолько эффективно, насколько это позволяют внешние обстоятельства.

Таким образом, можно говорить о двух типах адресантов речи РЖ *приказание*: автор конкретный, эксплицитный, и скрытый, неизвестный автор.

Воинский приказ не абстрактен; императивное речевое действие, осуществляемое адресантом речи, всегда имеет адресата. Адресат приказа может быть обобщенным или конкретным, чаще всего его ролевой статус ниже, чем у адресанта речи. Здесь мы говорим *чаще всего*, потому что нижестоящий тоже может командовать неизвестным ему лицом, оказавшимся в результате командиром:

– *Стой! Пропуск!*

«*Вот оно...*» – *подумал Коля, с тяжким грохотом роняя чемодан.*

– *Добрый вечер, это я, Мирра. А лейтенант со мной. Он приезжий: вам не звонили с того КПП?*

– *Документы, товарищ лейтенант* [Васильев, 1994, т. 2, с. 184].

Исполнитель воли говорящего в контексте может быть не обозначен, особенно в ситуации выполнения боевых операций, когда приказание отдаётся не одному человеку, а большой группе военнослужащих (*Схоронить генерала, павшего на поле боя, со всеми воинскими почестями: домовину, салют и прочее* [Астафьев, 1997, т. 3, с. 64];

– *Ни шагу! Назад ни шагу!*

– *Приказ ротного – отойти за овраг! – крикнул Сашка. – А оттуда ни шагу!* [Кондратьев, 1985а, с. 172]).

Конкретный адресат речи лексически обозначается как типичными зафиксированными в Уставах внутренней службы [Устав, 1938; 2007] речевыми формулами, когда «начальники или старшие, обращаясь по вопросам службы к подчинённым и младшим, называют их по воинскому званию и фамилии или только по воинскому званию, добавляя в последнем случае перед воинским званием слово “товарищ”» [Устав, 2007, ст. 67] (*товарищ старшина, боец Гурвич, лейтенант Плужников*), так и неуставными вариантами обращений, т. е. всеми остальными,

не соответствующими описанным в Уставе формулам. Для устной речи характерным является номинирование группы адресатов существительным со значением 'вид подразделения': *Батар-рея!* – закричал он в трубку. – *Вспомогательная точка – Луна! Наводить в правый срез Луны-ы-ы!* [Владимов, 1998, с. 391].

Итак, адресат РЖ *приказание* может быть обобщённым (в таком случае он имплицитен, не выражен лексически: – *Не отставать, мать вашу... Подтянуться!* [Кондратьев, 1985б, с. 116]) или конкретным (для обозначения используются единицы, номинирующие его по имени или фамилии: *Колодяжный, решайте задачу маскировки* [Стаднюк, 1988, с. 180]). Ролевой статус обобщённого адресата всегда ниже, чем у автора, статус конкретного адресата может быть как ниже, так и равным статусу адресанта речи.

Сопоставление результатов анализа параметра *образ автора и образ адресата* в РЖ *приказ* и *приказание* позволяет обозначить следующие моменты:

1. Автор РЖ *приказ* может быть как конкретным, так и обобщённым, в то время как автор *приказания* всегда конкретен.

2. Адресант речи в РЖ *приказ* всегда эксплицитен, его должность обозначена в начальной формуле, а указание на имя и фамилию находим в конечной формуле ДТ; говорящий в РЖ *приказание* может быть скрыт.

3. Адресант *приказа* и *приказания* не всегда является автором императивной идеи, в таком случае его функция заключается в ретрансляции волеизъявления. В ДТ и текстах художественных произведений это выражено с помощью конструкций с глаголами в форме 3-го лица настоящего или прошедшего времени (*Верховный Главнокомандующий приказал* [Сборник 43, 1960, с. 12]; – *Кто приказал?* – *Гольдиштаб* [Некрасов, 1948, с. 72]). Спектр языковых средств в РЖ *приказание* шире. Кроме указанных глагольных конструкций, отсылка к автору идеи побуждения может быть выражена страдательным причастием, организующим безличное предложение (*Приказано* [Некрасов, 1948, с. 72]),

или существительным, называющим речевое действие (*Приказ ротного* [Кондратьев, 1985а, с. 172]).

4. В начальной и основной части ДТ находим информацию о конкретном адресанте речи, номинированном только по должности, и об обобщённом адресате, который получает свою номинацию по принципу отнесённости к крупным частям армии. Оба адресата выражаются именами существительными в дательном падеже.

Указание на адресата в текстах художественных произведений имеет несколько форм выражения:

1) для обозначения конкретного адресата используются уставные обращения, а также неуставные формы: имена, должности, гендерные характеристики, возрастные параметры;

2) обобщённые адресаты обозначаются неуставными формулами: именами существительными со значениями 'вид подразделения', 'отнесённость к определённому виду войск', 'специфика военной деятельности'; субстантивированным местоимением *все*.

Сравним:

РЖ *приказ*

РЖ *приказание*

Конкретный адресат

*Командирам корпусов
организовать огни
на важнейших направлениях
в полосе обороны корпуса...*
[Сборник 9, 1948, с. 26].

*Помкомвзвода!
товарища генерал-майора
к капитану!* [Воробьёв, 1985,
с. 48].

Обобщённый адресат

*Артиллерии быть готовой
к открытию огня немедленно*
[Сборник 9, 1948, с. 4].

Бат-таря-а! Выгружайсь!
[Бондарев, 1972, с. 45].

Приказ войскам 2-й ударной

На вокзал все! – приказал

армии № 0018
[Сборник 9, 1948, с. 3].

*Миремской. – По следу нашей
машины быстро на вокзал*
[Ляленков, 1979, с. 83].

Так, в устной речи при обозначении адресата используются начальные формы существительных и местоимений, тем самым активизируя слушателя, переводя его статус из пассивного в активный. В письменных текстах используются специализированные конструкции, где исполнитель обозначен формами существительных в дательном падеже, позволяющими превратить адресата в субъект действия. Таким образом, и в письменных, и в устных РЖ *приказ* и *приказание* при управляющей роли вышестоящего коммуниканта образ зависимого подчинённого не является пассивным: реализовать замысел говорящего приходится именно ему.

Исключительной особенностью устной речи является возможность появления автоприказания. Здесь позиция адресанта позволяет ему стать не просто активным адресатом, а превратиться в командира для самого себя. Подобного в документных текстах нет и быть не может: письменные приказы всегда направлены на внешний объект речи, не совпадающий с образом говорящего.

3.4. Событийное содержание *приказа* и *приказания*

Исходя из иллюкутивной силы, определяющей объективную значимость волеизъявления, отметим, что РЖ *приказ* в военном дискурсе носит неличный характер. Однако это замечание вступает в конфликт с тем пониманием явления, обозначенного термином «неличный характер», который вкладывает в него стилистика. Так, М.Н. Кожина называет его специфической чертой деловой речи, которая выражается в отсутствии «лица конкретного говорящего, пишущего», что «вызывает грамматическую ослабленность форм лица» [Кожина, 2016, с. 320]. В деловых текстах этот признак реализуется путем исключения форм глаголов 1-го и 2-го лица,

соответствующих личных местоимений, функционированием формы глагола 3-го лица в неопределённо-личном значении [Кожина, 2016, с. 320]. Эти особенности не свойственны директивному ДТ, в которых, как отмечалось ранее, функционируют перформативные глаголы (глаголы, обозначающие речевые действия и *равные* этому действию при условии, если такие глаголы употребляются в 1-м л. ед. или мн. числа настоящего времени изъявительного наклонения [Жеребило, 2010, с. 261]: *приказываю, требую, назначаю*). Грамматические признаки этих глагольных форм предполагают наличие конкретного говорящего. Однако в начальных формулах ДТ приказа и директивы образ автора обобщён, абстрактен, номинирован существительными, выражающими совокупное единство (*Штаб фронта, командующий войсками, Военный совет резервного фронта, Ставка Верховного Главнокомандования* и др.). Более конкретны указания на автора в конечной формуле, однако чаще всего документы подписаны несколькими лицами, что не позволяет точно определить субъекта речи.

Говоря о том, что РЖ *приказ* в военном дискурсе носит неличный характер, мы подчёркиваем ту объективную значимость волеизъявления, которая обусловлена социальным долгом адресанта и адресата перед обществом и совершаемых в его (общества) интересах. Ответственность за назначение императивного действия лежит на говорящем, на этом основании событие, предполагаемое РЖ, входит в сферу интересов адресанта, что объясняет присутствие перформативов.

Директивы и приказы нередко обладают сложной структурой, в составе текстов выделяются констатирующая и постановляющая части. Т.В. Шмелёва говорит, что события императивных РЖ «относятся к сфере человеческих поступков, действий, и они отнесены в будущее (РЖ с футуральной перспективой)» [Шмелёва, 1990, с. 29]. Этой спецификой характеризуются все побудительные части директивных ДТ, для выражения императивности в которых служат инфинитивы: *Ближайшая задача – 2.12 освободить из окружения группу войск генерала Захарова в районе*

Федоровка, Каменка. Дальнейшая задача – наступать в направлении Клин и во взаимодействии с 30-й армией справа и 20-й армией слева разбить клинско-солнечногорскую группу противника [РА, 1997, с. 163]. В будущее направлены тексты, в которых используются футуральные формы индикатива, которые, по словам В.С. Храковского и А.П. Володина, «обозначают действие, которое либо должно происходить, либо будет происходить после момента речи» [Храковский, 2002, с. 202]: *20-я армия наносит удар в направлении Химки, Солнечногорск* [РА, 1997, с. 163]; *Справа – 1-я ударная армия наступает в направлении Деденево, Клин* [Там же, с. 164].

В констатирующей части директивного ДТ (цели которой – информировать и убедить в необходимости волеизъявления) наблюдается использование страдательного залога глаголов и глагольных форм в целях «затушевывания ответственности участника, выступающего в роли агенса» [Кобозева, 2000, с. 248], о чём мы упоминали ранее при рассмотрении параметра коммуникативной цели ДТ директивы (см. § 3.2).

Констатирующие части директив содержат оценку произошедших в прошлом или происходящих в настоящем событий: *Частные атаки на разных направлениях, предпринятые войсками Калининского фронта 27-29.11, неэффективны* [РА, 1997, с. 163]. Выводы, к которым приходит адресант в процессе анализа поступившей информации, лежат в основе волеизъявления: *2. 24 А, продолжая обороняться на вост. Берегу р. Устром, уничтожает противника, прорвавшегося в полосе 19 сд, и восстанавливает положение.*

3. Приказываю:

а) прочно удерживать фронт на вост. берегу р. Устром и р. Стряна, восстановив положение в полосе 19 сд [Там же, с. 85].

Отсылка адресата речи к различным фактам прошлого и настоящего, создание футуральной перспективы позволяют говорить о полисобытийности директивных ДТ.

Рассмотрим событийное содержание РЖ *приказание*, содержание которого организуют элементарные тексты, совпадающие по объёму с РА как короткими однофразовыми высказываниями [Вежбицка, 1997, с. 100]. Подобные единицы по своим грамматическим характеристикам представляют собой предложение. Поэтому, говоря о событийном содержании РЖ *приказание*, мы будем опираться на представления В.Г. Гака [Гак, 1973], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1976] и Т.В. Шмелёвой [Шмелёва, 1988], рассматривающих семантику предложения. В центре внимания исследователей – «языковое воплощение некоего положения дел в действительности, ситуации» [Шмелёва, 1988, с. 9], т. е. пропозиция. Т.В. Шмелёва называет пропозицию инструментом изучения диктума, «общим знаменателем различных смысловых элементов, позволяющих их упорядочивать и дифференцировать» [Там же]. Опишем смысловое содержание РЖ *приказание* в военном дискурсе, принимая во внимание данные семантического синтаксиса о событийном и логическом типе пропозиций.

Событийный тип пропозиций отражает действительность, фиксирует события, происходящие с участниками коммуникации. Логические пропозиции «представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях» [Там же, с. 12]. Т.В. Шмелёва отмечает, что пропозиция выражается предикатом, но её тип определяет набор актантов и сирконстантов [Там же, с. 9–10]. Можно сказать, что предикат организует пропозицию, но её глубинный смысл невозможно понять без учёта семантики составляющих элементов.

Говоря о смысловом содержании предложений, составляющих высказывания элементарного РЖ *приказание*, отметим существенное доминирование событийных пропозиций над логическими.

Рассматриваемый РЖ располагает определённым репертуаром событийных пропозиций, представить которые можно в табл. 1 (см.: с. 115), учитывая разработанную Т.В. Шмелёвой типологию [Там же, с. 12–20].

Табл. 1 – Событийные пропозиции РЖ *приказание*

Сфера	Типы				
	существование	состояние	движение	действие	восприятие
Социальная	–	Заместителем на всё время операции назначаю младшего сержанта Осянину [Васильев, 1994, т. 1, с. 233]	–	Передайте Колымасову: в пять сорок атака [Васильев, 1994, т. 1, с. 378–379]	–
Ментальная	–	Ясна картина? [Некрасов, 1948, с. 10]	–	Колодежный, решайте задачу маскировки [Стаднюк, 1988, с. 180]	Слушай приказ [Стаднюк, 1988, с. 182]
Физическая	Вы свободны, товарищи командиры [Васильев, 1994, т. 2, с. 155]	–	Бегите до следующей воронки! [Васильев, 1994, т. 2, с. 228]	А ну, разбирай следи, товарищи бойцы [Васильев, 1994, т. 1, с. 228]	–
Психическая	–	Не психуй! [Астафьев, 1997, т. 3, с. 12]	–	Не реготать! [Васильев, 1994, т. 1, с. 225]	–

Опишем пропозицию движения физической сферы деятельности, которая, по нашим наблюдениям, реализуется в РЖ *приказание* наиболее часто. Т.В. Шмелёва описывает её как одноактантную, воплощённую двухкомпонентными предложениями, указывая, что движение «практически не описывается без указания на пространство, в котором оно осуществляется, т. е. предложения почти обязательно включают локатив» [Шмелёва, 1988, с. 17]. Это, несомненно, касается и предложений, бытующих в РЖ *приказание*: *Идём на Воль-озеро* [Васильев, 1994, т. 1, с. 222]; *Пошёл вперёд. До следующей воронки* [Там же, т. 2, с. 270]; *Идите к себе и не выходите* [Там же, т. 1, с. 380].

При этом обращает на себя внимание факт меньшей зависимости императивных высказываний военного дискурса от пространственных элементов. Именно поэтому здесь бытуют «чистые» предикатные приказания: *Бегите до следующей воронки!* [Васильев, 1994, т. 2, с. 228]; *Р-разойдись!* [Васильев, 1994, т. 1, с. 219]; *Стой!* [Там же, с. 248].

На совершение конкретного движения – подойти к командиру – указывает императивное обращение старшего по званию к младшему, когда первый называет фамилию адресата:

– *Разумовский!* – позвал командующий. Майор, руководящий погрузкой мертвого генерала, метнулся к саням.

– *Су-шусь, та-рищ-рал!* – как на параде громко рявкнул майор [Астафьев, 1997, т. 3, с. 63].

Подобные обращения реализуются имплицитной пропозицией движения (ср.: *Разумовский, подойдите ко мне*) и предполагают, во-первых, незамедлительное выполнение приказа слушающим, во-вторых – порождение нового приказа, представленного пропозицией действия:

Командующий с досадой шмыгнул носом и повелительно приказал:

– *Схоронить генерала, павшего на поле боя, со всеми воинскими почестями...* [Там же, с. 64].

Физическая сфера РЖ *приказание* широко представлена пропозицией действия: она чаще всего многоактантная, в ней присутствует объект (*Пошлите моё отделение* [Васильев, 1994, т. 1, с. 215]), адресат (*Всем собраться в двух... нет, в трех километрах... на запад* [Стаднюк, 1988, с. 181]), темпоратив (*Дашь крюк, но к началу занятий чтобы как штык!* [Астафьев, 1997, т. 3, с. 113]), инструмент (*Гранатами их, гадов!* [Стаднюк, 1988, с. 160]).

Т.В. Шмелёва называет разновидности пропозиции действия, различающиеся «по исходу осуществления события» [Шмелёва, 1988, с. 18]. Исследователь выделяет три типа воздействий:

- 1) «воздействие, обязательно предполагающее объект и изменение его состояния как результат осуществления ситуации»;
- 2) «креативное действие, предполагающее создание новых объектов»;
- 3) «деструктивное действие, предполагающее, напротив, уничтожение, разрушение объекта» [Шмелёва, 1988, с. 18].

Наблюдения за предложениями, реализующими пропозицию физического действия, позволяют трансформировать указанные Т.В. Шмелевой разновидности, преломив их к военной ситуации. Так, пропозиция первого типа номинируется нами как воздействие, предполагающее одушевлённый объект, деятельность которого меняется в результате осуществления приказа: *Передайте Колымасову: в пять сорок атака* [Васильев, 1994, т. 1, с. 378–379]; *Сейчас же на тот берег взвод разведчиков <...>. И приказ всем: приготовиться к выезду на командный пункт* [Стаднюк, 1988, с. 128]. Результат такого действия может быть имплицитен (*в пять сорок атака*), однако иллюкативная цель этого волеизъявления типична: указание на время действия подразумевает не только его непременно выполнение, но и осуществление всем личным составом подготовки к нему.

Пропозицию второго типа мы обозначим как воздействие одного (одушевлённого) объекта на другой (который может быть как живым, так и неживым): *А ну, разбирай слеги, товарищи бойцы* [Васильев, 1994, т. 1, с. 228]; *Раненых убери! Врача пошли* [Астафьев, 1997, т. 3, с. 24].

Третий тип – пропозиция деструктивного действия – в военном дискурсе предполагает прекращение деятельности одушевлённого объекта: *Довольно придуриваться! С нес-сней шагом ари на занятия!* [Там же, т. 10, с. 76]; *Отставить! Кому сказал – стой!* [Там же].

Следующая пропозиция менее частотна, она совпадает с пропозицией креативного действия второго типа (по Т.В. Шмелёвой): *Тогда пусть Артемьев и представит нам кандидатов на посты командующих армиями и начальников штабов* [Стаднюк, 1988, с. 706]. Такие приказания свойственны речи лиц, занимающих на иерархической лестнице в армии наиболее высокие ступени, адресатами речи являются командиры более низкого звена. Высказывание носит общий характер, чем напоминает ДТ директивы, функционирующий в деловом дискурсе. Минимальное количество подобных побуждений в художественном дискурсе связано с тем,

что приказание есть конкретное волеизъявление, не предполагающее коррективов со стороны адресата.

Социальная, ментальная и психическая сферы деятельности представлены в РЖ воинского приказания минимально. Они характеризуют комплексные действия (о чём говорит Т.В. Шмелёва), «которые располагаются как бы в нескольких сферах одновременно» [Шмелёва, 1988, с. 19]. Согласимся с исследователем, который важнейшим комплексным действием, представленным и физическим (произнесение), и психическим (воздействие на собеседника), и социальным (регулирование речевым действием отношений между людьми) аспектами, считает речевое действие, которое в военном дискурсе выражается высказываниями, часто содержащими глагол *приказать* и изредка другие глаголы речи или отглагольные существительные *приказ, команда: Приказываю* [Стаднюк, 1988, с. 98]; *Слушай боевой приказ* [Васильев, 1994, т. 1, с. 233].

Следующей особенностью императивных высказываний, презентующих РЖ *приказание* в военном дискурсе, мы считаем объём текста, который напрямую связан с его событийным содержанием. Так, побуждение может быть коротким и продолжительным, что связано с его темпоральной и локативной характеристикой. Приказания, отдающиеся во время проведения боевых операций, отличаются наибольшей краткостью, для их выражения используется минимальное количество лексических средств: *Не отставать!..* [Васильев, 1994, т. 1, с. 227]; *Гранаты к бою!* [Стаднюк, 1988, с. 160].

В текстах художественных произведений подобные одноактантные предикатные высказывания чаще всего называют командами: – *О-о-о-од! Приготовиться!* – крикнул Борис... и **команда** получилась невнятная [Астафьев, 1997, т. 3, с. 11–12]. Команды отдаются на поле боя, их выполнение не подлежит обдумыванию, оно немедленное, поэтому такие приказания можно назвать монособытийными.

Развёрнутый, подробный приказ отдаётся в более спокойной обстановке (*Колодяжный, решайте задачу маскировки* [Стаднюк, 1988, с. 180]), при нахождении на некотором расстоянии от линии фронта (*– Бабенко на месте – командовал он. – Остальным песельникам на снег и по-пластунски вперед!* [Астафьев, 1997, т. 10, с. 76]), перед проведением боевой операции (*Заместителем на всё время операции назначаю младшего сержанта Осянину* [Васильев, 1994, т. 1, с. 222–223]), когда у командующего есть достаточное время на обдумывание способов ведения боя и принятие ответственных решений. Такие высказывания бывают полисобытийными.

Таким образом, содержание РЖ *приказание* реализуется пропозициями движения и действия физической сферы деятельности, когда целью говорящего становится воздействие на адресата и изменение его состояния, указание на способы и инструменты выполнения воли вышестоящего лица, отмена или запрет выполняемого подчинённым действия. Эти же задачи решает РЖ *приказ*, который обуславливает поведение лишённого творческих функций адресата: он не может принимать самостоятельные решения. В художественном дискурсе самостоятельность адресата речи возможна только вследствие гибели командира или его некомпетентности.

Социальная, ментальная и психическая сферы деятельности, редко представленные в РЖ *приказание* по отдельности, реализуются комплексно и характеризуют речевые действия, обозначенные глаголом *приказать*, что типично и для РЖ *приказ*.

Приказания могут быть короткими, монособытийными, функционирующими в самый напряжённый момент боевых действий, и продолжительными, полисобытийными, предполагающими процесс обдумывания и принятия решения адресантом речи. *Приказы* всегда полисобытийны, поскольку воплощаются в связном тексте, который предполагает описание различных аспектов постановки задач (указание на место, время и способы операций). В них также можно выделить предложения, организованные всеми типами пропозиций действия,

различающиеся «по исходу осуществления события» [Шмелёва, 1988, с. 18]. Они существуют в едином тексте, в то время как в *приказании* каждый тип реализуется обособленно.

3.5. Объективация параметров «фактор прошлого» и «фактор будущего»

Директивные ДТ, автором которых является вышестоящий, начальник, реализуют императивную интенцию и являются инициативными, т. е., по словам Т.В. Шмелевой, «жанрами без прошлого» [Шмелёва, 1990, с. 29]. По нашим наблюдениям, утверждать эту мысль можно только в случае рассмотрения приказов и директив, в которых отсутствует констатирующая часть: *Верховный Главнокомандующий санкционировал отвести пятую армию и правый фланг тридцать седьмой армии на реку Десна на фронте Брусилово с обязательным удержанием фронта Воропаево, Тарасевичи и киевского плацдарма* [Сборник 40, 1960, с. 12].

В ином случае первые (констатирующие) части директивных ДТ содержат анализ и оценку информации, поступившей посредством докладов и донесений, а также базируются на распоряжениях, полученных от вышестоящего начальника: *Ставкой Верховного Главнокомандования перед войсками Западного и Калининского фронтов поставлена задача разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую группировку противника <...>* [РА, 1997, с. 297]. Такие ДТ являются реактивными: *По всем данным, противник, действующий против правой группировки Западного фронта, выдохся и без дополнительной подготовки продолжать общее наступление сейчас не может* [Там же, с. 167].

Лексические маркёры коммуникативного прошлого:

1) единицы, эксплицитно номинирующие РЖ, содержащий запрос, реакцией на который является директивный ДТ (*по докладу, просьба* кого-либо, *Вашим предположением, по предложению, по сообщению, из донесения*

и др.): *Просьбу* командующего Южным фронтом отвести 18 и 9 армии на рубеж Балки, Тимошевка, Мелитополь Ставка Верховного Главнокомандования считает преждевременной [Сборник 40, 1960, с. 13];

2) единицы, имплицитно отсылающие к иницилирующему РЖ, указывающие на способ получения информации, лежащей в основе приказа (по данным, по словам, в связи со сложившейся обстановкой): Директива Верховного Главнокомандования 001084 об обороне восточного берега р. Днепр, кроме района Днепропетровск, выполняется, **по имеющимся данным**, недостаточно четко [Там же, с. 10].

Грамматическим маркёром коммуникативного прошлого, позволяющим назвать директивный ДТ «жанром-реакцией» [Шмелёва, 1990, с. 29], является глагол *приказать* в форме прошедшего времени: *В связи с прорывом фронта 43 и 33 армий, Ставка Верховного Главнокомандования приказала* Западному фронту отойти на линию Осташков, Селижарово, Бекетово <...> [РА, 1997, с. 88].

ДТ директив и приказов лежат в основе распоряжений и боевых приказов (волеизъявления адресантов низшего уровня), т. е. описываемые речевые произведения являются базой для создания других текстов этого же типа. Кроме того, речевой реакцией на директивные РЖ становятся *донесения* (РЖ информативного типа), на что указывают формулировки, содержащиеся в заключительной части текстов директив и приказов: *получение и выполнение доносить, получение подтвердить, об отданных распоряжениях донести.*

РЖ *приказание*, как и *приказ*, могут быть и инициативными, и реактивными.

Императивное высказывание возникает, когда командиру (начальнику) нужно отреагировать на информацию, поступившую путём сообщений, донесений, а также когда сам командующий приходит к выводу о необходимости осуществления мер по предотвращению негативных последствий сложившейся ситуации.

В первом случае *приказание* будет реактивным, во втором – инициативным РЖ. Сравним примеры.

1) *Когда Жуков закончил доклад, Сталин некоторое время смотрел в его хмурое и измученное лицо, осмысливая услышанное, затем сказал:*

– *Надо немедленно пробить бреши к шестнадцатой и двадцатой армиям, усилить их подошедшими резервами и вышвырнуть фашистов из Смоленска!* [Стаднюк, 1988, с. 703];

2) *И вдруг весь этот гвалт перекрыла взвинченная и в то же время властная команда:*

– *Противник с тыла-а!.. Развернуть орудия!.. Картечью, заряжа-ай! Огонь по наблюдательному пункту-у!* [Там же, с. 556];

3) *Сталин, подойдя к расстеленной на зеленом сукне стола оперативной карте и не глядя на Жукова, спросил у него:*

– *Как будем прикрывать Москву?.. – Тут же сам и ответил: – Надо строить еще одну линию обороны. Примерно вот здесь <...>* [Там же, с. 704–705].

Первый фрагмент текста презентует реактивный РЖ *приказание*, поскольку в его контексте содержится указание на предшествующий коммуникации РЖ – *доклад*. Слова автора *осмысливая услышанное* обозначают аналитическую деятельность вышестоящего лица, предшествующую порождению приказа.

Во втором примере также реализуется реактивный приказ. Его отличием от первого высказывания является то, что *приказание* есть реакция говорящего на его же слова *противник с тыла*. Реализуясь в реплике адресанта, такое устное волеизъявление похоже по структуре на ДТ приказа, где выделяются констатирующая и побудительная части.

В третьем фрагменте мы наблюдаем функционирование инициативного РЖ, так как в художественном произведении нет указания на предшествующее конкретному приказанию коммуникативное событие.

Сталин приходит к решению, высказанному им в императивной форме, путём анализа ситуации, отражённой на оперативной карте.

То общее, что объединяет эти примеры, – аналитическая деятельность адресанта речи, который способен «“из общих соображений” оценить истинность или достоверность сообщаемого» [Шмелёва, 1990, с. 27]. Это заявление характерно для всех текстов, реализующих РЖ *приказание* в серьёзном [Горелов, Седов, 1997, с. 138], деловом регистре [Карасик, 2002, с. 193] военного дискурса (несерьёзный (игровой, юмористический) дискурс нами не рассматривается в настоящей работе). Чаще всего в художественных произведениях процесс анализа адресантом происходящего скрыт:

Я бегу вдоль траншеи. У пулемета Петров и еще кто-то. Заело. Не пролезает лента.

– Почему второй пулемет молчит?

Голубые детские глаза готовы заплакать.

– Ей-богу, не знаю. Пять минут тому назад...

– Гранаты! Давай гранаты! [Некрасов, 1948, с. 109].

Приказание Гранаты! Давай гранаты! является результатом не обозначенного автором текста анализа адресантом речи критической ситуации, когда выходит из строя боевое орудие *пулемет*. Решение, принятое командиром в ходе боя и озвученное им, мы относим к инициативному РЖ. Информация для порождения такого приказа поступает не только по речевому, но и по иным каналам связи, в данном примере – по слуховому (*второй пулемет молчит*), в описанных выше втором и третьем фрагменте – по зрительному (командир увидел, что *противник* движется *с тыла*; *Сталин* визуально оценил ситуацию, представленную на *оперативной карте*).

В боевых документах Великой Отечественной войны к текстам докладов, отчётов, донесений бывают приложены графические материалы (карты, схемы, таблицы), которые указывают на поступление информации адресату речи не только речевым, но и зрительным способом. Так, информация, полученная по речевому каналу связи, инициирует *реактивный*

приказ, в то время как информация, одновременно полученная посредством всех органов чувств, лежит в основе *инициативного приказания*.

Инициативное приказание может являться следствием выполнения ритуальных действий: *Всем строиться!... Командирам – на правый фланг!.. В четыре шеренги становись!..* [Стаднюк, 1988, с. 721]. Приказ *строиться* используется в армии для упорядочения действий военнослужащих, дисциплинирует их, поэтому зафиксирован в «Строевом уставе» [Строевой устав, 2008]. Там же указывается, что «построение подразделений производится по команде “СТАНОВИСЬ”, перед которой указывается порядок построения» [Там же, п. 23].

Традиционно реакцией на такое приказание является *рапорт-отчёт* адресанта приказания старшему по званию командиру, например: *Товарищ подполковник. Первая рота для строевого смотра построена. Командир роты капитан Петров* [Там же, п. 182]. В рассматриваемом нами примере такого отчёта нет, потому что адресантом и адресатом гипотетического доклада является один и тот же человек. Так, в художественном дискурсе говорящий и слушающий могут объединиться в одном лице. По этой причине утрачивается высказывание, которое должно было реализоваться в РЖ *устный доклад*, что противоречит требованиям военной ритуальной коммуникации.

В художественных произведениях находим множество текстов, соответствующих традиционной деловой схеме, когда после приказания старшего по званию следует доклад подчинённого, например:

– Будем принимать решения, – сказал уже спокойно, словно и не его глаза сверкали минуту назад угрожающей чернотой. – Сначала послушаем товарища Жукова о положении на других фронтах.

Но Жуков не был бы, наверное, Жуковым, если бы после столь трудного разговора точно последовал предложению Сталина. Объяснив обстановку на Северо-Западном фронте, он обратил внимание Государственного Комитета Обороны на неприкрытый стык Северо-

Западного с Западным фронтом, а затем с четкой обстоятельностью доложил о напористых действиях при поддержке авиации немецких танковых групп Гудериана и Гота на смоленском направлении, об их силе и маневренности и о недостаточной глубине нашей противотанковой обороны в стрелковых частях ввиду нехватки противотанковой артиллерии. Только потом перешел к Юго-Западному и Южному фронтам... [Стаднюк, 1988, с. 703].

В представленном фрагменте текста реакцией на инициативное приказание *Сталина* является обстоятельный и подробный *рапорт-отчёт Жукова*.

РЖ *приказание* может инициировать порождение иных текстов императивного типа, т. е. волеизъявление лежит в основе распоряжений и боевых приказов, адресантами которых являются командиры низшего звена. Эти приказания могут быть имплицитными, когда в тексте есть лишь указание на осуществление побудительного действия в будущем:

– *Тогда пусть Артемьев и представит нам кандидатов на посты командующих армиями и начальников штабов.*

– *Я передам приказ генералу Артемьеву* [Там же, с. 706].

В ситуации, представленной в высказывании, реакцией на приказание является *обещание* адресата выполнить роль посредника – *передать приказ* исполнителю волеизъявления. Традиционно приказы вышестоящего начальства распространяются нижестоящими командирами путём реактивных *распоряжений*, которых в данном примере нет, но предполагается, что они будут осуществлены в будущем. Обещание *я передам приказ генералу Артемьеву* соотносится с речевой формулой согласия *Так точно!*, зафиксированной в тексте Устава [Устав, 2007, п. 69]. Появление неуставной формы ответа в ВД инициировано косвенным побуждением, когда, по словам Н.Р. Добрушиной, «говорящий пытается самим фактом своего высказывания каузировать отсутствующего в ситуации общения участника совершить некоторое действие, способствовать

осуществлению некоторой ситуации» [Добрушина, 2016а, с. 179]. Грамматическим маркёром приказания является частица *пусть* с индикативом в форме 3-го лица *представит*. Такие конструкции Н.Р. Добрушина называет императивом 3-го лица (юссивом) [Там же, с. 161]. Они используются только в устном неофициальном РЖ *приказание*, что и обуславливает возможность появления не соответствующих требованиям институционального военного дискурса формулировок ответа (в нашем примере – согласия).

Маркёром приказания-реакции, основанным на императивном высказывании адресанта речи высшего звания, становится глагол *передать*, указывающий на процесс обмена информацией, который может быть отражён как в прямой речи героя, так и в словах автора произведения:

... *Дмитрий Михайлович **передал** открытым текстом:*

– *Доложите обстановку товарищу Фадееву Евгению Ильичу! Пусть командует всем своим хозяйствам “В ружье!” и выводит их на позиции!..* [Стаднюк, 1988, с. 639].

В примерах, кроме глаголов *передать*, *повторить*, *сдублировать* со значением ‘сообщить какие-н. сведения, обычно узнанные от других, или исполняя чьё-н. поручение’ [РСС, т. 4, с. 464], обязательно содержатся лексические единицы, номинирующие речевые действия с общим значением ‘волеизъявление, требование’ [РСС, т. 4, с. 294]: *приказ*, *команда*, *командовать* и др.:

– *Батарея, к бою! – испуганно выкрикнул дежуривший в окопе у телефона связист, получив **приказ** с наблюдательного пункта. – По местам!*

– *По местам! – картинно сдублировал **команду** Иванюта...* [Стаднюк, 1988, с. 457].

РЖ, инициируемый *приказанием*, – *согласие*. В «Уставе внутренней службы ВС РФ» указано, что приказы командира (начальника) выполняются «беспрекословно, точно и в срок. Военнослужащий, получив приказ,

отвечает: “Есть”, – и затем выполняет его» [Устав, 2007, п. 43]. Этому требованию соответствует фрагмент текста из романа И.Ф. Стаднюка «Война»:

– Внимание! Всем слушать мою команду! – протяжно-стелющимся и чужим для самого себя голосом приказал Колодяжный. – Пункту ГСМ под командованием военинженера Кучилова броском выйти из-под удара к переправе! И – за Днепр!..

– Есть за Днепр! – с торопливой готовностью откликнулся Кучилов...
[Стаднюк, 1988, с. 599].

В повести В.Л. Кондратьева «Сашка» находим диалог, который содержит элементы как делового, так и неофициального общения:

– Прекратить! Не ломайте комедии! – крикнул капитан и, размяв чуть дрожащими пальцами папиросу, уже спокойно добавил: – Выполняйте приказание.

– Вы мне, товарищ капитан? – упавшим голосом спросил Сашка, отпуская немца.

– Вам, – негромко сказал капитан, а Сашке показалось, будто гром с неба. – По исполнению доложить. Толик, пойдешь с ними, проверишь.

– Есть проверить! – вытянулся тот [Кондратьев, 1985б, с. 194].

Приказание капитана *Сашкой* не осмысливается как жёсткое требование, неофициальная реакция на волеизъявление *Вы мне, товарищ капитан?* характеризует эмоционально неустойчивое состояние подчинённого, ожидающего получить иной приказ. При этом неофициальное волеизъявление другому слушающему, *Толику*, находит отражение в деловой форме ответа *Есть проверить*. Так, согласие не зависит от уровня официальности иницирующего высказывания. Его тональность в текстах художественных произведений определяется эмоциональным состоянием коммуниканта, степенью его заинтересованности в содержании приказа.

Иная форма согласия в речи высокопоставленных лиц:

– *Надо немедленно пробить бреши к шестнадцатой и двадцатой армиям, усилить их подошедшими резервами и вышвырнуть фашистов из Смоленска!*

– *Сделаем все, товарищ Сталин, – заверил Жуков...* [Стаднюк, 1988, с. 703].

Здесь, вместо уставного *Есть*, функционирует совершенно иная формулировка *сделаем все*. Адекватность появления подобного высказывания обуславливается положением адресанта речи *Жукова* не как подчинённого, а как соратника адресата *Сталина*. Подобный ответ призван уравновесить статусные характеристики коммуникантов.

Согласие как перлокутивный эффект приказания может быть не выражено: *Поостывший Жилов <...> приказал Колодяжному:*

– *Возглавляй группу и действуй от имени командования. – Усевшись в эмку, добавил: – Постарайся добыть горючее. Любым путем!.. Но без применения силы.*

Вот и колесил Иван Колодяжный по ближней прифронтовой полосе, пока не оказался на этом железнодорожном разъезде [Там же, с. 588–589].

В представленном фрагменте реализован РЖ *приказание*, но ответа на него нет. Однако указания на действия адресата речи в будущем, соответствующие воле говорящего, позволяют выделить нулевой акт согласия.

Аномальным в военном дискурсе считается оспаривание приказа командира или возражение ему.

– *Проводите товарища майора в административную часть – пусть возьмут продаттестат и поставят его людей на довольствие.*

– *Успеется с этим, товарищ полковник! – с нетерпением возразил майор.*

– *Минуточку, – подняв ладонь, оборвал его Малышев. – Здесь я хозяин!* [Стаднюк, 1988, с. 672].

Подобная речевая ситуация, в которой адресат приказания возражает говорящему, является показателем неинституциональности военного дискурса, поскольку официальные деловые характеристики речевого общения военнослужащих требуют беспрекословного подчинения воле командира.

Другим нарушением в речевом поведении военных является подмена ролей:

– *Товарищ полковник, доставлены пленный и документы...*

– *Документы мне! – К сержанту подскочил Рукатов и решительно взял у него саквояж.*

– *Почему вам?! – протестующе спросил подполковник Дуйсенбиев. – Наш пленный, наши документы!*

– *А я чей, бабушкин? – Рукатов недобро засмеялся и с опаской взглянул на полкового комиссара Федулова [Стаднюк, 1988, с. 564].*

В представленном фрагменте приказание *Документы мне* продуцирует не адресат доклада *товарищ полковник*, а сторонний коммуникант *Рукатов*, появившийся в официальной ситуации, возмутивший её стандартное течение: происходит резкая смена делового регистра на игровой, официальное приказание *Документы мне!* инициирует недопустимый в военном институциональном общении РЖ *возражение Почему вам? <...> Наш пленный, наши документы!*

Таким образом, рассмотрение параметров *фактор прошлого* и *фактор будущего* позволяет сделать следующие выводы:

1) РЖ *приказ* и *приказание* могут быть как инициативными, так и реактивными. Оба типа являются следствием аналитической деятельности адресанта речи, различия заключаются в способах получения информации для осмысливания: прямые речевые сообщения – доклады подчинённых – способствуют появлению и реактивного *приказания*, и реактивного *приказа*, в то время как косвенные сообщения, полученные по нескольким каналам связи, порождают инициативный РЖ *приказание*, а информация,

зафиксированная на картах, схемах, в таблицах и отражённая в ДТ информативного типа, мотивирует продуцирование реактивного ДТ приказа.

2) *Фактором будущего и приказа, и приказания* являются следующие РЖ: РЖ информативного типа (доклад, донесение, отчёт, ритуальный рапорт-отчёт); РЖ императивного типа (приказание, команда, распоряжение). Реакцией на волеизъявление вышестоящего в художественном дискурсе могут быть оценочные жанры *согласие, отказ, возражение*, тональность которых определяется эмоциональным состоянием коммуниканта, степенью его заинтересованности в содержании приказания. *Согласие* как фактор будущего РЖ *приказание* позволяет уравнивать статусные характеристики коммуникантов.

3) Речевая реакция на РЖ *приказ* всегда эксплицитна – это текст, зафиксированный на материальном носителе. *Доклад* и *согласие* как результат *приказания* могут быть имплицитными, т. е., по определению Н.Д. Арутюновой, нулевыми РА [Арутюнова, 1994, с. 106].

4) Аномалии (оспаривание приказания, возражение, подмена коммуникантов, включение иных участников в коммуникацию) способны модифицировать, трансформировать РЖ, сменить регистр общения.

3.6. Языковое воплощение речевых жанров *приказ / приказание*

Обращение к ДТ директивы и приказа позволяет отметить высокую частотность использования глаголов в инфинитивной форме с императивным значением. Инфинитив как самостоятельно, так и в составе различных конструкций функционирует в каждом ДТ и выражает императивную семантику: *Резервному фронту в составе 24, 43 и 33 армий в ночь с 5 на 6.10 занять линию Ведерники, Хлысты, Митяжково, Шиловка, Лазинки, Городечня, Ключи, Глагольня <...>* [Сборник 43, 1960, с. 88]; *Группе полковника Колосова ударом на Конские Раздоры содействовать прорыву 18 А* [Сборник 42, 1960, с. 86]. По словам Л.И. Ушаковой, «вторгаясь в сферу

императива, инфинитив «делит» с ним выражение только одного частного значения – категорического приказания, обладающего более сильной экспрессией, чем соответствующие формы императива» [Ушакова, 1999, с. 166]. Мы соглашались с мнением исследователя, поскольку считаем, что именно инфинитивная форма глагола позволяет выразить крайнюю степень жёсткости, требовательности приказа и невозможность проявления несогласия со стороны адресата. Этому способствует и грамматическая специфика инфинитива – отсутствие морфологического лица, числа, рода создает эффект «обезличивания» говорящего, способствуя тем самым передаче наибольшей объективности и категоричности.

Итак, основным способом выражения императивности в документных текстах приказов и директив является инфинитив. К этой же группе примыкают прохибитивы, имеющие семантическое, но не грамматическое отличие от инфинитивов.

Способами выражения императивности в текстах военных директивных документов являются следующие:

1) Инфинитивные (и прохибитивные) конструкции: **Воспретить** производство залпов по отдельным огневым точкам и мелким группам противника (менее взвода) [Сборник 4, 1948, с. 30].

2) Конструкции с перформативными глаголами *приказываю, требую*: Для обеспечения выполнения этой задачи **приказываю**: Командующему Калининским фронтом: 1) В период с 21 по 25.2 силами 22, 30-й армий и частью сил 39-й армии провести частную операцию с целью уничтожения оленинской группы противника [РА, 1997, с. 298]; **Я требую**: 1. Каждую ненормальную потерю людей в 24 часа тщательно расследовать и по результатам расследования немедленно принимать решение, донося в высший штаб. Командиров, преступно бросивших части на неподавленную систему огня противника, привлекать к строжайшей ответственности и назначать на низшую должность [Мировые войны, 2002, с. 240–241].

Глагол *требовать* становится важным экспликатором личной заинтересованности высшего командования в исполнении волеизъявлений, которые направлены не только на повышение боевой эффективности войск, но и на сохранение «лица» Советской Армии, моральных качеств, таких как неприятие вандализма или предательства (см. пример выше).

3) Номинативные конструкции, основная цель которых – указать место, время, способ выполнения действия, субъект (ответственное лицо) или обозначить боевую задачу. Так, например, в тексте *Боевого приказа Штаба 4-го воздушно-десантного корпуса на десантирование от 26 января 1942 г.* функционирует императивное высказывание, в котором адресант указывает на способ осуществления действия: *Связь в тылу по радио, самолетами и лыжниками* [РА, 1997, с. 271]. В *Приказе войскам внутренней обороны г. Ленинграда № 0020 от 17 июня 1942 г.* в волеизъявлении говорящего обозначается конкретный исполнитель: *Начальник сектора – командир 1-й Промбригады войск НКВД подполковник Петренко* [Сборник 17, 1953, с. 92].

4) Конструкции со значением долженствования, выражающие деонтическую модальность, маркерами которой являются лексические единицы *необходимо, должен / должны, следует*: *Необходимо 356 сд (61 А) поставить задачу обеспечения правого фланга 3А* [РА, 1997, с. 316].

5) Возвратная форма глаголов: *Корпусному комиссару Степанову подчиняется вся авиация Западного фронта, и, кроме того, в распоряжение тов. Степанова даются четыре новых авиapolка* [РА, 1997, с. 93]). Отметим, что подобное явление чаще всего встречается в текстах директив, функцией которых, по словам С.Э. Зверева [Зверев, 2013, с. 20], являются «общие указания только на цели, которые необходимо <...> достигнуть в ходе боевых действий» [Там же, с. 336].

6) Конструкции с индикативами: <...> *Далее на север по р. Мста рубеж готовит Северо-Западный фронт* [РА, 1997, с. 147].

Использование глаголов в форме настоящего времени несовершенного вида в значении будущего, называемого А.В. Бондарко настоящим намеченного действия [Бондарко, 1971, с. 156], позволяет вывести адресата речи из временного пространства, ощущать будущее уже происходящим, активизировать способность анализировать поставленную задачу и принимать нужное решение здесь и сейчас, намечать стратегии и тактики, которые будут использоваться младшими командирами в процессе выполнения задач приказа.

7) Конструкции с индикативами *приказывает, требует*: *Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. Самым срочным и решительным образом покончить с группировкой противника в районе Шостка, Глухов, Путивль, Конотоп и соединиться с войсками Юго-Западного фронта...* [Сборник 43, 1960, с. 15].

8) Конструкции с глаголом *приказать* в форме прошедшего времени: *В связи с создавшейся обстановкой в целях сохранения армий Ставка Верховного командования приказала: 1. Войска Брянского фронта к 30.1.41 г. отвести на рубеж Богучарово, Павшино, Крапивна, Плавск, Нов. Покровское, Верховье, Ливны, Касторное* [Там же, с. 25].

9) Императивная форма глагола (наименее частотная): *В течение 27-30.09 организуйте разведку всех видов <...> Широко используйте фоторазведку* [РА, 1997, с. 73]; *При этом учитите опыт других соединений, что успех будет зависеть от стремительности и внезапности наступления и атаки на Холм <...> Донесите, какими силами занимается Нов. Русса.* [РА, 1997, с. 248].

10) Перформативы, которые редко становятся компонентом приказов: *Категорически запрещаю лобовые атаки укрепленных узлов сопротивления противника <...>* [Там же, с. 183]. Перформатив как РА, равноценный поступку, обозначает действие говорящего, в то время как апеллятивная функция речи предполагает воздействие на слушателя, чему служат указания на действия адресата, обозначаемые инфинитивами (группа способов 2).

Способы формальной организации РЖ *приказание* подробно описаны нами при рассмотрении особенностей ассимиляции языковых единиц официально-делового и разговорного стилей в художественном дискурсе (см.: Глава 1, § 1.4), поэтому здесь мы лишь обозначим основные выводы.

Представим в таблицах количество предъявлений обозначенных нами способов языкового выражения императивности в РЖ *приказ* (табл. 2) и *приказание* (табл. 3, с. 135–136). Всего нами проанализирован 421 ДТ приказов и директив и 452 контекста, реализующих РЖ *приказание*.

Табл. 2 – Количество текстов, репрезентирующих способы выражения императивности в РЖ *приказ* (на основе анализа ДТ приказов и директив)

Средство выражения императивности	Количество предъявлений (ДТ)
Независимый инфинитив	246 (58,43 %)
Конструкции с перформативными глаголами (в том числе перформативы <i>устанавливаю, возлагаю, предоставляю, объявляю, обращаю внимание, требую, запрещаю</i>)	231 (54,4 %)
Номинативные конструкции	120 (28,5 %)
Конструкции со значением долженствования и модальными словами <i>должен / должны, необходимо, надо, следует</i>	80 (19 %)
Страдательная форма глагола и глагольных форм	75 (17,8 %)
Индикатив в форме 3-го лица (кроме <i>приказать</i>)	71 (16,86 %)
Прохибитив	61 (14,49 %)
Индикатив глагола <i>приказать</i> с инфинитивом	53 (12,6 %)
Глагольный императив	16 (3,8 %)
Конструкции с глаголом <i>приказать</i> в форме прошедшего времени и инфинитивом	15 (3,6 %)

Основными способами выражения императивности в РЖ *приказ* являются: независимый инфинитив (так мы называем одиночный инфинитив, использующийся в ДТ самостоятельно, без его отнесённости к перформативному глаголу, глаголу *приказать* в форме 3-го лица и в форме прошедшего времени, или модальному слову); конструкции

с перформативным глаголом (чаще всего – *ПРИКАЗЫВАЮ*) и инфинитивом; номинативные конструкции; конструкции со значением долженствования; возвратные глаголы; индикатив в форме 3-го лица; конструкция индикатива *приказать* с инфинитивом.

Табл. 3 – **Количество текстов, репрезентирующих способы выражения императивности в РЖ *приказание* (на основе анализа устных императивных высказываний, представленных в текстах художественных произведений)**

Средство выражения императивности	Количество контекстов
Глагольный императив	400 (88,5 %)
Инфинитив	182 (40,26 %)
Номинативные конструкции	146 (32,3 %)
Наречия	113 (25 %)
Конструкции с перформативными глаголами <i>приказываю, назначаю, командую, прошу, попрошу, поручаю</i>	63 (13,9 %)
Глагольные формы повелительного наклонения с частицей <i>-ка</i>	52 (11,5 %)
Индикатив в прошедшем времени с частицей <i>чтоб / чтобы</i>	50 (11,06 %)
Прохибитив	34 (7,52 %)
Местоимения	29 (6,41 %)
Конструкции со значением долженствования и модальными словами <i>необходимо, должен / должны, следует, желательно, довольно, нечего, придется, надлежит</i>	28 (6,2 %)
Индикативы в форме 1-го лица множественного числа	26 (5,75 %)
Индикатив совершенного вида 2-го лица	25 (5,5 %)
Междометия	21 (4,64 %)
Индикатив в форме 3-го лица (в том числе с частицами <i>пусть / пускай, давай</i>)	18 (10,62 %)
Индикативные формы прошедшего времени	9 (1,99 %)

Средство выражения императивности	Количество контекстов
Категория состояния (<i>ясно, нельзя</i>)	9 (1,99 %)
Краткие имена прилагательные, страдательные причастия	8 (1,77 %)
Сочетание отрицательного предлога <i>без</i> с отглагольным существительным	8 (1,77 %)
Действительные причастия	5 (1,1 %)
Частица <i>всё</i>	4 (0,88 %)

Наиболее частотными способами выражения императивности в РЖ *приказание* являются глагольный императив (в том числе императив с частицей *-ка*), инфинитив, номинативные конструкции, наречия, индикатив в прошедшем времени с частицей *чтоб / чтобы*.

Выявление наиболее частотных способов реализации РЖ *приказ* и *приказание* позволило сравнить степень их отраженности в письменных и устных жанрах речи. Представим это на рис. 3 (см. с. 137).

В РЖ *приказание* императивность регулярно выражается в повелительных предложениях, отличительной чертой которых является использование императивных глаголов в форме второго лица единственного и множественного числа, когда адресант обращается к непосредственному адресату речи, а также инфинитива со значением побудительности, когда *приказание* более абстрактно. Обращает на себя внимание факт, что в документных текстах, репрезентирующих РЖ *приказ*, формы глагольного императива встречаются редко. С уверенностью можно сказать о том, что способом языкового воплощения директивных жанров *императивного* типа глагольный *императив* не является. В этом специфика письменного РЖ *приказ* в военном дискурсе.

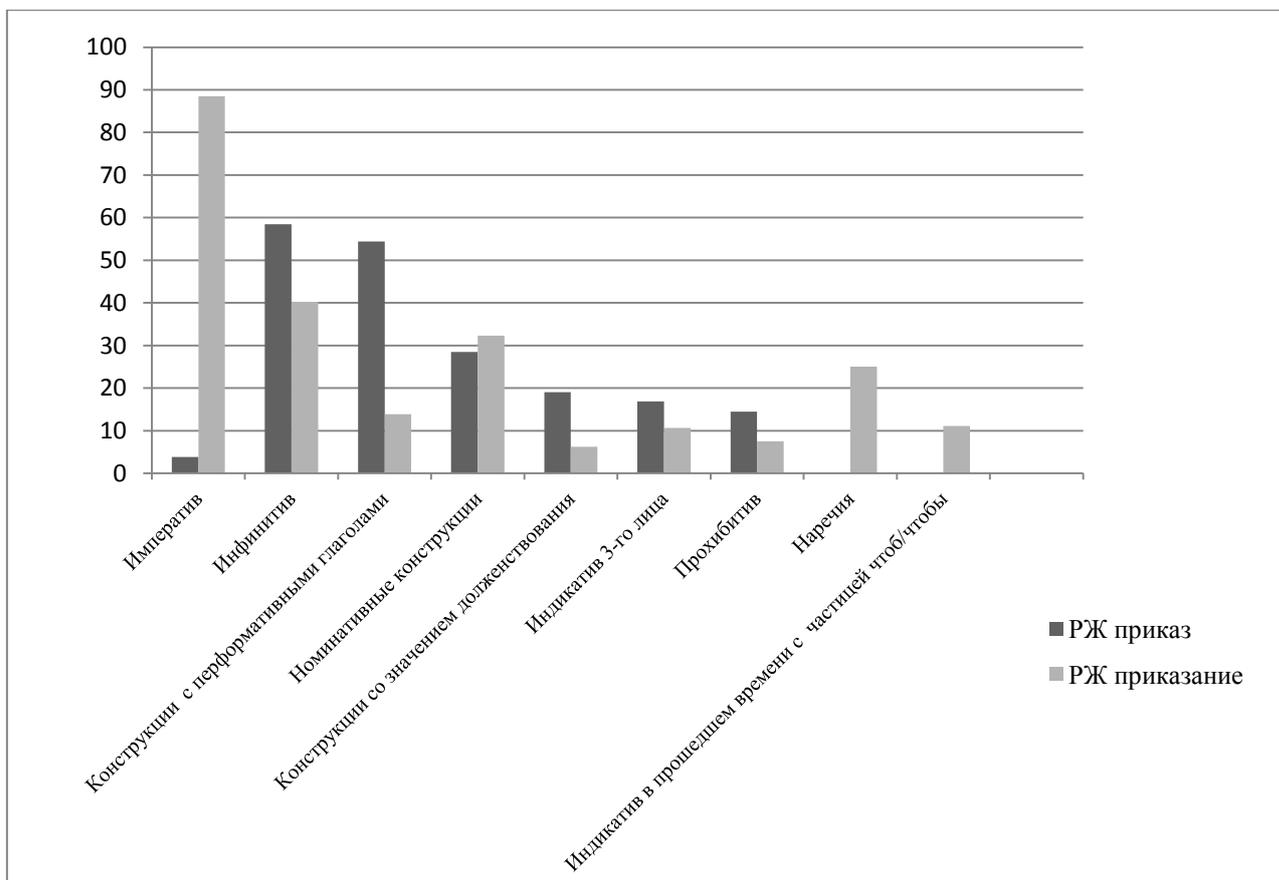

Рис. 3 – Сравнение количества предъявлений наиболее частотных способов реализации РЖ *приказ* и *приказание*

Независимый инфинитив регулярно используется в обеих формах РЖ императивного типа: и в письменной, и в устной. Однако, функционирование несвободных инфинитивных конструкций (с перформативным глаголом, с индикативом, в конструкциях со значением долженствования) характерно для письменного РЖ *приказ*, в то время как в устных высказываниях количество их предъявлений значительно меньше (см. рис. 3).

К группе высказываний с независимым инфинитивом в РЖ *приказ* можно было бы отнести прохибитивы, однако мы этого не сделали на том основании, что в текстах художественных произведений используются как конструкция «не+инфинитив», так и «не+глагольный императив». Так, отрицание действия в ДТ репрезентируется только по первой модели, в художественных текстах – по обеим схемам.

Односоставные инфинитивные предложения со значением долженствования являются способом языкового выражения императивности

и РЖ *приказ*, и РЖ *приказание* с тем лишь отличием, что количество их предъявлений в письменном жанре значительно выше, нежели в устном. Отметим, что основным модальным средством в этих конструкциях в приказе является слово *должен* (от *должный* = *обязанный* – ‘находящийся по отношению к кому-нибудь в положении должника’ [БАС, т. 8, ст. 585]), в то время как приказание тяготеет к слову *надо, нужно* (от *нужный* – ‘такой, в котором имеется потребность’ [Там же, т. 7, ст. 1447]). В значении первого слова функционирует сема ‘зависимость от внешних факторов’, во втором – ‘обусловленность внутренними потребностями’. Так, императивные высказывания художественных произведений передают значение личной заинтересованности коммуникантов в выполнении социального долга, в то время как предписывающий характер ДТ наделяет участников коммуникации характеристикой полной зависимости от внешних обстоятельств.

И для РЖ *приказ*, и для РЖ *приказание* присущи высказывания, императивная семантика в которых выражается формами глаголов изъявительного наклонения. В приказаниях они являются более экспрессивными по сравнению с контекстами, в которых бытуют формы повелительного наклонения. В РЖ *приказ* использование индикативов преследует цель осознания коммуникантами будущего уже происходящим, фактом, который не может измениться. Такой приказ, с одной стороны, лишён жёсткости и категоричности, с другой стороны, его содержание не подлежит никакому сомнению и не может быть изменено.

Специфику устного РЖ *приказание* составляют те способы выражения императивности, которые вообще не используются в письменных ДТ. К ним относим такие приглагольные и неглагольные морфологические средства, как частицы, союзы, сочетания отрицательного предлога *без* с отглагольным существительным, междометия и наречия. В приказаниях с перечисленными способами выражения побудительности степень эмоционального воздействия на адресата максимальна. Стоит отметить, что экспрессивная

окраска неглагольных средств не распространяется на всё высказывание, организует лишь одно действие, но также позволяет внести в приказание различные оттенки побуждения: пожелание, призыв к началу или завершению действия, указание на способ совершения действия, требование беспрекословного выполнения команды, требование незамедлительного ответа.

Отметим особенности использования конструкций с частицей *чтоб* / союзом *чтобы*. Как мы уже писали ранее, эта конструкция представляет экспрессивную форму устного приказания. Это не значит, что в ДТ не используются подобные императивные конструкции: *Потребовать от всех артиллерийских начальников, чтобы огонь по танкам орудиями прямой наводки открывался, как общее правило, с дальностей прямого выстрела системы* [Сборник 2, 1947, с. 79]. Однако наблюдаются значительные расхождения в принципах их применения: в устных жанрах это прямой приказ, содержащий указания адресанта на действия адресата (*Первый батальон остается на месте <...> И чтоб никаких отстающих* [Некрасов, 1948, с. 9]). Эти предложения целевые, ситуации, в которых они используются, мыслятся желательными: они не существуют в реальности, но оцениваются говорящим как положительные. В письменных жанрах конструкции с союзом *чтобы* выступают в придаточных дополнительных в роли сентенциального актанта при глаголе волеизъявления *потребовать* [Добрушина, 2016в, с. 285] и раскрывают содержание приказа, обозначенного в главной части сложноподчинённого предложения. Такой приказ ориентирован не на адресата, а на непосредственного исполнителя побуждения (в примере из ДТ приказа выше – *артиллерийские начальники*, которые в ДТ являются ответственными лицами, но не исполнителями действия *огонь открывался*). Слушатель здесь является организатором операции, он транслирует общую для всех задачу, но не выполняет её: открывают огонь по танкам лица, подчинённые адресату приказа.

Единственный неглагольный способ языкового воплощения РЖ, которым практически в равной мере характеризуются и устная, и письменная формы речи, – это использование номинативных конструкций, причём в обоих случаях их функции тождественны: они обозначают место, способы, задачи действия. Параметры *время* и *субъект действия* раскрываются только в письменном РЖ *приказ*.

Выводы

Итак, коммуникативно-прагматический подход к анализу речевых жанров *приказ* и *приказание* в военном деловом и художественном дискурсах позволил преодолеть границы, сформированные их стилевой закреплённостью, и выявить черты, которые устные высказывания унаследовали от письменных деловых текстов.

Общими для деловых устных и письменных директивных РЖ являются следующие характеристики:

1. Жанрообразующая интенция *приказать*.
2. **Ясность и точность приказа**, которая достигается за счёт развёрнутой аргументации и полноты речевых конструкций, в *приказании* – за счёт использования минимального количества организующих высказывание лексических единиц с конкретным императивным значением.
3. **Применение тактики убеждения** подчинённых в необходимости выполнения ими любого, даже лишённого значимости для адресата речи задания. В этом случае задача говорящего – подобрать такие средства речевого воздействия, которые обеспечат высокую результативность побуждения.
4. **Активный образ подчинённого**, который реализует замысел говорящего-вышестоящего коммуниканта, наделённого управляющей функцией.

5. **Расширение ролевого функционала адресанта речи**, который в директивных текстах и высказываниях может быть ретранслятором волеизъявления – говорящим, который не является автором императивной идеи.

6. **Лишение адресата речи качества самостоятельности.**

7. Основная сфера функционирования деловых РЖ – **физическая сфера деятельности.**

8. Темпоральные характеристики РЖ *приказа* и *приказания* указывают на актуализацию как **инициативной**, так и **реактивной формы их бытования**. В основе этих типов – аналитическая деятельность адресанта речи.

9. РЖ *приказ* и *приказание* инициируют появление РЖ информативного типа (доклад, донесение, отчёт, ритуальный рапорт-отчёт) и императивных текстов и высказываний (приказание, команда, распоряжение).

10. Средства выражения императивности в обеих формах императивных жанров: независимый инфинитив, номинативные конструкции, обозначающие место, способы и задачи действия.

В процессе ассимиляции устный жанр *приказание* обогатился и получил в художественном дискурсе следующие черты:

1. Трансформация объёма высказывания: стремление к фрагментации, быстрая, краткая реализация замысла, наиболее значимого в момент говорения.

2. Жанры-реакции на императивное действие: оценочные жанры *согласие*, *отказ*, *возражение*, тональность которых определяется эмоциональным состоянием коммуникантов, степенью их заинтересованности в содержании *приказания*.

3. Использование глагольного императива как основной способ языкового воплощения *приказания*, а также приглагольные и неглагольные морфологические средства, функцией которых является как максимальное

эмоциональное воздействие на адресата речи, так и принижение статуса адресата речи.

Перечисленные признаки императивных РЖ характеризуют институциональную (деловую) разновидность военного дискурса. Однако в текстах художественных произведений обнаруживаем такие атрибуты жанра, которые существуют только в неинституциональном дискурсе, являясь аномальными в сравнении с традиционными знаниями о деловом речевом общении. К ним мы относим:

1. Появление жанра *автоприказание*, когда говорящий превращается в командира для самого себя.

2. Самостоятельность адресата речи, которая возможна либо вследствие гибели командира, либо как результат некомпетентности вышестоящего лица.

3. Нулевые речевые жанры *доклад* и *согласие* как реакции на приказание.

4. Оспаривание приказания, возражение подчинённого адресанту речи, резкая передача коммуникативной роли адресанта новому участнику общения и включение его в коммуникацию.

Однако ассимиляция *приказа* и *приказания* является неполной: в художественном дискурсе отсутствуют важные для письменной коммуникации характеристики жанра. Во-первых, для художественного текста неспецифичным является использование средств выражения семантики обобщённости. Стремление говорящего к увеличению темпа говорения лишает его способности к порождению речи широкомасштабного, полисобытийного характера, в которой излагаются постоянные, системные общие требования к выполнению типичных действий. Во-вторых, устное волеизъявление стремится к субъективности, что указывает на утрату императивным РЖ требования объективной значимости речевого действия. На этом основании *приказание* тяготеет к зависимости от внутренних потребностей говорящего. Утрата обусловленности РЖ внешними

обстоятельствами ставит в центр дискурсивного события адресанта речи, в то время как в центре письменного жанра – само речевое действие, волеизъявление.

Глава 4. Регламентирующие речевые жанры *положение, инструкция* и *инструктаж* в деловом военном и художественном дискурсах

4.1. Базовые черты *положения, инструкции* и *инструктажа*

В данном разделе мы будем рассматривать регламентирующие РЖ, которые реализуются в ДТ устава, наставления, инструкции, руководства, положения, плана (см.: [Уткина, 2006а, с. 71]). И.В. Уткина называет эти жанры организационно-деловыми. Термины, именующие группу рассматриваемых нами жанров, можно считать синонимами. Однако, изучая военный дискурс, мы будем использовать термин *регламентирующий* на том основании, что его значение формирует семный комплекс ‘жестко воздействовать на адресата’, отсутствующая в семантике глагола *организовать* (ср.: *организовать* – ‘упорядочить что-н.’ [РСС, т. 4, с. 170] и *регламентировать* – ‘подчинить регламенту, строгим правилам, упорядочить’ [Там же, с. 171]). Апеллятивная направленность военного дискурса определяет преимущество выбранного нами термина.

Регламентирующие РЖ предназначены для организации и регулирования бытовой, учебно-профессиональной и боевой деятельности военнослужащих. По словам И.В. Уткиной, представляющие их «документы устанавливают порядок деятельности войск, военных организаций, подразделений, отдельных военнослужащих» [Уткина, 2006а, с. 72]. Исследователь подчёркивает основную выполняемую ими функцию, которую обозначил ещё Г.М. Стрелковский, – «регламентировать жизнь и деятельность войск в различных условиях повседневной жизни и боевой обстановки» [Стрелковский, 1979, с. 132].

В семантической структуре глагола *регламентировать* функционируют такие компоненты значения, как ‘порядок’ и ‘правило’. На основании этого документные тексты, основной целью которых является сообщение сведений (правил, норм), упорядочивающих военно-профессиональную деятельность, т. е. позволяющих её организовать,

регулировать и контролировать на всех этапах функционирования, мы называем регламентирующими. Их исследованию посвящены работы Н.А. Карабань [Карабань, 2008], С.А. Мурановой [Муранова, 2008], Л.В. Рехтина [Рехтин, 2005], О.В. Хорохординой [Хорохордина, 2017], М.А. Ширинкиной [Ширинкина, 2017; 2018] и др.

М.А. Ширинкина изучает жанры письменного дискурса исполнительной власти в аспекте категориально-текстового подхода и описывает такие категориальные признаки регламентирующих документов, как тональность [Ширинкина, 2017], тема, композиция [Там же, 2018], авторизация, адресация.

С.А. Муранова, анализируя жанр воинского устава в коммуникативно-прагматическом аспекте, называет его информативно-императивным [Муранова, 2008, с. 7], подчёркивая тем самым промежуточное положение между жанрами императивного и информативного типов, выделенными Т.В. Шмелёвой [Шмелёва 1990; 1995; 1997].

Интерес вызывает та часть диссертационной работы, в которой исследователь анализирует модальность, организующую текст. Понимая под модальностью «объемную семантико-синтаксическую категорию, образованную совокупностью значений, содержащих указания на субъективное отношение к действительности и имеющих внутренние различия в самих ее синтактико-семантических функциях» [Муранова, 2008, с. 9], С.А. Муранова называет модальность долженствования текстов «Общевоинских уставов ВС РФ» основной, способной изменяться за счёт дополнительных оттенков, тонов («обертонов») и проявляться в форме указания, рекомендации, предписания, инструктирования, требования, приказа [Там же, с. 9–10].

Рассуждения исследователя приводят к мысли о том, что именно степень категоричности побуждения является организующим параметром не только устава, но и иных регламентирующих ДТ. Кроме того, императивные жанрообразующие интенции организационно-деловых ДТ

подчинены модальности долженствования (*указать, рекомендовать, предписать, инструктировать, требовать, приказать*), но не реализуются в отрыве от основной информативной интенции *сообщить*. Это позволяет предположить, что регламентирующие ДТ организуются несколькими интенциями разных типов (императивной и информативной). Набор этих интенций в разных регламентирующих РЖ нам предстоит определить.

Внимания заслуживает работа О.В. Хорохординой [Хорохордина, 2017], посвящённая анализу формально-композиционного, структурно-смыслового и композиционно-содержательного аспектов лингвистического рассмотрения текстов инструкций. Исследователь указывает на существование узкого и широкого понимания термина, обозначающего РЖ, считает инструкцию особым типом текстов, наджанровым образованием, реализующимся, по словам И.Г. Овчинниковой, в «любом высказывании, призванном “выделить последовательность действий в пределах события, определить способ и правила” их осуществления» (цит. по: [Хорохордина, 2017, с. 263]) и «получающим речевую реализацию в конкретных речевых жанрах» [Там же, с. 300], к которым относит такие речевые произведения, как, например, назидание, поучение, наставление, наказ, завет [Там же, с. 299]. Важным утверждением исследователя является выделенный им ряд специфических признаков инструктивных текстов. Так, О.В. Хорохордина типовыми особенностями жанра называет интенцию *научить*; взаимодействие статического и динамического фреймов (первый представлен «совокупностью действий и соотнесенных с ним агентов, предметов, инструментов, адресатов» [Там же, с. 264]; второй является сценарием деятельности, цель которого – указать «последовательность операций-действий» [Там же, с. 264]); исполнение предписаний инструкции адресатом; типичные средства языкового воплощения.

Такой подход к анализу РЖ соотносится с методом Т.В. Шмелёвой [Шмелёва, 1995; 1997], лежащим в основе нашего исследования. Проведём анализ жанрообразующих параметров РЖ *инструкция* и *инструктаж*,

которые являются частотными в военном деловом и художественном дискурсах. Рассмотрим, как характеристики РЖ отражаются в регламентирующих ДТ *положений* и *инструкций* в военном деловом дискурсе и в текстах художественных произведений, репрезентирующих РЖ *инструктаж*. Отметим, что описание письменного жанра *положение*, реализующегося в соответствующих ДТ, позволяет выделить коммуникативно-прагматические особенности *инструкции*, лежащие в основе идентификации этого РЖ.

4.2. Коммуникативная цель и интенциональное содержание императивных речевых жанров регламентирующего подтипа

Прежде чем сформулировать целевую установку и выявить интенцию *положения*, *инструкции* и *инструктажа*, обратимся к лексикографическим источникам. *Положение* – 1) 8. Свод правил, законов по определённом вопросу [БАС, т. 10, ст. 1042]; 2) правовой акт (распорядительный служебный документ), устанавливающий *основные правила* организации и деятельности органа военного управления (подразделения воинской части) [Инструкция, 2000, с. 48]; 3) письменный официальный документ, детально регламентирующий правовой статус, организацию, порядок деятельности определённых государственных органов, учреждений и их взаимодействие с другими органами и учреждениями, а также гражданами [БЮС, 2002, с. 444].

Процедура ступенчатой идентификации лексического значения, разработанная Э.В. Кузнецовой, состоящая «в последовательном сведении слов через идентификаторы к словам с предельно обобщенным характером» [Кузнецова, 1989, с. 36], позволяет описать структуру лексического значения жанровой номинации *положение*, содержание которого представлено семами: 1) ‘объединение’ (свод, совокупность правил, норм); 2) ‘норма’ (правила, законы, регламент); 3) ‘порядок’ (упорядоченная, направленная

деятельность); 4) ‘управлять’ (руководящий документ); 5) ‘массовый’ (распространяющийся на всех членов процесса общения).

Инструкция – 1) руководящие указания, свод правил, устанавливающий порядок и способ осуществления чего-л. [МАС, т. 1, с. 670]; 2) 1. Руководящие указания; *наставление*; 2. Свод каких-либо правил [БАС, т. 5, ст. 380]; 3) документ, регламентирующий к.-л. сторону деятельности войск (сил) или содержащий указания по использованию и применению оружия (техники) [ВЭС, 1986, с. 291]; 4) императивный речевой жанр, целью которого является сообщение адресату порядка, способов, правил осуществления какого-либо действия с тем, чтобы каузировать его соответствующее поведение [Карабань, 2008, с. 96].

Инструкция входит в перечень основных видов служебных документов, используемых в делопроизводстве Вооружённых Сил Российской Федерации, основной целью которых является регламентация «организационной, научно-технической, хозяйственной, финансовой и иных специальных сторон деятельности воинских частей или содержащих указания по применению военной техники» [Инструкция, 2000, с. 49].

Анализ лексического значения жанровой номинации *инструкция* и сопоставление результатов со структурой содержания *положения* позволяет отметить их сходство вследствие функционирования в обоих названиях РЖ сем ‘объединение’, ‘норма’, ‘порядок’, ‘управлять’, ‘массовый’. Принципиальным отличием *инструкции* от *положения* является реализующееся в значении первой лексической единицы (для инструкции) *наставление* семы ‘научить’ (*научить* – ‘передать кому-л. какие-л. знания, навыки, умение, обучить’ [МАС, т. 2, с. 410]), которая позволяет смягчить категоричность императивного ДТ за счёт переноса большей доли ответственности за выполнение указаний с адресата речи на её адресанта. Идентификатором *положения* является лексическая единица *основные правила*, в содержании которой реализуется семный комплекс ‘наиболее важный, главный’ [Ожегов, 1995, с. 454]. В дефиниции *инструкции*, данной

Н.А. Карабань, находим указание на конкретность этого РЖ: «сообщение адресату порядка, способов, правил осуществления *какого-либо действия* (выделено нами. – А.О.)» [Карабань, 2008, с. 96]. Так, ДТ *инструкции* и *положения* отличаются степенью обобщённости / конкретности представленной информации.

Анализ семантики названий регламентирующих ДТ *положения* и *инструкции* позволяет выделить общие и частные семы, входящие в состав их значения. Общими являются семы ‘объединение’, ‘порядок’, ‘управлять’, ‘массовый’, частными – семный комплекс ‘наиболее важный’ для *положения*, ‘научить’ для *инструкции*. Эти компоненты семантики жанрообозначения во многом обуславливают интенциональное содержание соответствующего ДТ.

Коммуникативной целью регламентирующих ДТ является сообщение адресату требований о порядке и способах выполнения определённых действий, побуждение слушателей к осуществлению этих операций только описанными, установленными методами. Подтверждение этой мысли находим в *Положении о персональном учёте потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время* [Исаков, 2000, с. 32–35], где прописано, что обозначенный документ «*определяет систему* (здесь и далее выделено нами. – А.О.) персонального учета потерь на фронтах, *порядок* погребения погибших и *устанавливает правила* извещения населения страны о судьбе их родственников – военнослужащих действующей армии» [Исаков, 2000, с. 32].

Таким образом, основная коммуникативная цель описываемых ДТ заключается в констатации правил, обеспечивающих рациональную организацию жизнедеятельности военнослужащих. По этой причине основной жанрообразующей интенцией мы называем интенцию *регламентировать*.

Рассмотрим **интенциональное содержание** РЖ *положение*, в значении номинации которого функционирует семный комплекс ‘наиболее важный’.

Данные семантические компоненты позволяют говорить о *положении* как о ДТ общего, основополагающего характера, содержание которого предполагает и обуславливает появление иных императивных жанров, раскрывающих проблематику *положения* как стержневого регламентирующего жанра. Тексты, номинированные этим термином, не представлены среди боевых документов времён Великой Отечественной войны, однако высокочастотны в сборниках, характеризующих работу тыла Красной Армии этого же периода. В.И. Исаков относит положение к документам боевого управления, предназначенным для нормативного сопровождения процесса формирования и функционирования централизованной системы тылового обеспечения войск [Исаков, 2000, с. 2]. Связано это с целью *положения* как «правового акта, устанавливающего основные правила *организации и деятельности органа военного управления (подразделения воинской части)*» [Инструкция, 2000, с. 48]: *Положение о главном военно-санитарном управлении Красной Армии* [Исаков, 2000, с. 89]. Кроме того, описываемый документ определяет функции и организует деятельность субъекта, занимающего определённое должностное место: *Положение об армейском интенданте не отдельной армии, входящей в состав фронта, в военное время* [Там же, с. 70].

Основная жанрообразующая интенция ДТ *положения* – императивная интенция *предписать* (*предписать* – ‘предложить соблюдать что-н., велеть’ [РСС, т. 4, с. 294]).

Частотными средствами её реализации являются:

– глагол *возлагаться* (*возложить* – ‘сделать ответственным за что-либо’ [Там же, с. 32]): *На Управление оборонительного строительства Красной Армии возлагается: 1. Разработка по заданию Генерального штаба Красной Армии вопросов строительства новых укрепленных районов, а также достройка и оборудование существующих укрепленных районов <...>* [Комсостав, 2005, с. 66];

– глагол *ведать*, предназначенный для общего обозначения управленческой деятельности (*ведать* – ‘б. Управлять, руководить’ [РСС, т. 4, с. 687]): *Начальник тыла Красной Армии **ведает** организацией тыла и регулированием подвоза всех видов снабжения и пополнения к фронтам и эвакуацией в тыл военного имущества, больных и раненых военнослужащих* [Исаков, 2000, с. 74];

– сочетание *нести ответственность* (*ответственность* – ‘1. Обязанность, необходимость давать отчет в своих действиях, поступках и т.п. и отвечать за их возможные последствия, за результат чего-л.’ [МАС, т. 2, с. 668]): *При выполнении перевозок войсковых соединений и частей начальник передвижения **несет ответственность**: а) за составление плана погрузки воинских эшелонов <...>* [Исаков, 2000, с. 103];

– краткое страдательное причастие с императивным значением *обязан* (*обязать* – ‘1. приказать, предписать’ [РСС, т. 4, с. 304]): *Начальник военных сообщений фронта **обязан** своевременно извещать органы снабжения фронта о грузах, следующих в адрес распорядительных станций фронта <...>* [Исаков, 2000, с. 114].

Дополнительной интенцией ДТ *положения* является интенция *идентифицировать* (*идентифицировать* – ‘установить (устанавливать) полное совпадение, соответствие одного предмета, явления и т. д. другому’ [МАС, т. 1, с. 630]), которая в первую очередь реализуется в процессе дефинирования объекта речи, определения места управляющего органа в ряду подобных ему социальных, иерархически детерминированных структур: *Народный комиссариат обороны Союза ССР, в соответствии со ст. 77 Конституции Союза Советских Социалистических Республик, **является общесоюзным Народным комиссариатом Союза Советских Социалистических Республик*** [Комсостав, 2005, с. 28]; *Главное военно-санитарное управление Красной Армии **является центральным органом Народного комиссариата обороны Союза ССР по руководству санитарной службой Красной Армии*** [Исаков, 2000, с. 89]. Характеристика объекта речи

общесоюзный (*общий* – ‘относящийся ко всему, всем, распространяющийся на всех, все, охватывающий всех, все’ [МАС, т. 2, с. 577]), *центральный* (*центральный* – ‘главный, руководящий, связанный с центром’ (в 5 знач. *центр* – ‘высший орган (органы) управления какой-л. деятельностью’); ‘самый важный и существенный среди других; главный, основной’) [Там же, т. 4, с. 641]) содержит указание на специфическую позицию, определяющуюся значениями слов, занимаемую им по отношению к другим функционально тождественным объектам. Этой же функции подчинено использование в текстах документов описываемого РЖ сочетания лексической единицы *полномочный представитель* с наименованием органа управления, определяющего социальный статус объекта речи: *Начальник военных сообщений является полномочным представителем командования фронта на железнодорожных и водных путях сообщения* <...> [Исаков, 2000, с. 113].

Средством выражения интенции *идентифицировать* становится глагол-связка *являться*, которая реализуется во всех высказываниях, называющих сущностные характеристики объекта: *Автомобильное управление (отдел) фронта (армии) является органом военного совета фронта (армии) по снабжению, учету, распределению, перераспределению и контролю за состоянием и технической эксплуатацией автомобильного парка* <...> [Там же, с. 266].

Таким образом, основная коммуникативная цель ДТ *положения* раскрывается в процессе взаимодействия интенций *предписать* и *идентифицировать*. Отмеченный выше семный комплекс ‘наиболее важный’, определяющий семантику номинации *положения*, обуславливает функционирование названных интенций. Наиболее важная информация об объекте речи, позволяющая понять его сущность, определить место в ряду подобных ему единиц, реализуется интенцией *идентифицировать*, для обозначения основных закреплённых за носителем деятельности

функций служат конструкции, организованные предикатными словами с императивным значением.

Рассмотрим интенциональное содержание ДТ *инструкции*. Л.В. Рехтин пишет, что общей коммуникативной целью текстов РЖ *инструкция* являются «указания относительно осуществления какого-либо мероприятия» [Рехтин, 2005, с. 10]. И.С. Алексеева основным назначением инструкции считает необходимость «сообщить значимые объективные сведения и предписать связанные с ним необходимые действия, регламентировать действия человека» [Алексеева, 2008, с. 105]. Слова исследователя подтверждают мысль как о равнозначных ролях жанрообразующих информативной и императивной интенций в регламентирующих РЖ, так и о функционировании в военных деловых текстах различных, отличающихся степенью проявления категоричности побудительных интенций. Так, по мысли И.С. Алексеевой, РЖ *инструкция* организован информативной интенцией *сообщить* и императивной *предписать*.

В содержание глагола *предписать* (см.: *предписать* – ‘1. Приказать, предложить, распорядиться официально [РСС, т. 4, с. 690]. 2. Предложить соблюдать что-н., велеть’ [Там же, с. 294]) входит сема ‘предложить (*предложить* – ‘высказать кому-либо какое-либо желание, намерение с целью склонить к исполнению этого желания, намерения’ [БАС, т. 11, ст. 123]), которая за счёт реализации значения желательности ослабляет категоричность приказания, поскольку допускает появления условий, предполагающих неисполнение воли говорящего.

Цель деятельности, зафиксированная в военном деловом тексте *инструкции*, подлежит обязательному достижению. Послабления, которые допускает желательность, реализуются в понимании ситуации выбора адресатом речи конкретных способов и средств решения поставленных задач: *Войсковые части и соединения, выступающие на фронт, независимо от установленных для них сроков от мобилизации и отправки, должны привести свое хозяйство в состояние полной боевой готовности. Отправка*

на фронт производится либо походным порядком, либо по железной дороге (водным путем) или автомобильным транспортом [Исаков, 2000, с. 171]; *Захватив склад, надо немедленно приступить к его уничтожению путем поджога в различных местах (бутылками с горючим, широким обстрелом бензобаков и цистерн зажигательными пулями и другими способами)* [РА, 1997, с. 79]. В представленных контекстах адресант речи не категоричен, он предоставляет адресату некоторую самостоятельность при выборе способов и средств достижения цели.

Так, текст любой инструкции универсален, применим не к конкретной ситуации, а к модели некой возможной ситуации. Это набор шагов, которыми можно и нужно варьировать в зависимости от реальной обстановки. Неизменной остается конечная цель, на достижение которой направлены все действия. Сравним фрагменты текста *Инструкции штаба Ленинградского фронта № 6020 о несении войсками траншейной службы* (1944):

1. В каждой части должен быть разработан распорядок дня, утверждаемый командиром части <...>.

2. В ночное время 2/3 личного состава бодрствуют, а 1/3 отдыхает. Днем 1/3 личного состава несет службу охранения, а остальная часть занимается боевой подготовкой, работами и находится на отдыхе <...> [Сборник 9, 1948, с. 85].

В первом пункте инструкции указана конкретная задача *должен быть разработан распорядок дня*, ответственность за её содержание и результаты возлагается на *командира части* как на участника коммуникации. Задача сформулирована чётко, недвусмысленно, не допускает вариативности. Второй пункт отражает порядок организации деятельности военнослужащих. Описание того, что и как необходимо делать, носит приблизительный, неточный характер, поскольку в каждой конкретной ситуации указанные пропорции *2/3 личного состава, 1/3 личного состава* будут иметь единичные, не повторяющиеся в иных условиях числовые значения.

Предоставляя адресату речи возможность выбирать (см.: *выбирать* – ‘сравнивая, сопоставляя и оценивая лица, предметы, явления, выделять одно или несколько из них по какому-либо признаку для той или другой цели, назначения; избирать, отбирать’ [БАС, т. 2, ст. 948]) способ и порядок действий, используемых для решения поставленной задачи, инструкция выполняет образовательную функцию, что доказывает и указанная нами выше частная сема ‘научить’, характеризующая содержание номинации описываемого РЖ. Оценивая обстановку, субъект действия самостоятельно выбирает наиболее эффективные способы и средства достижения цели. В то же время, предлагая алгоритм проведения операции, инструкция облегчает и ускоряет процесс выполнения адресатом речи любой деятельности, в том числе военно-профессиональной. Так, инструкцию можно считать источником получения готовых, упорядоченных и универсальных знаний о способах действия в любой ситуации, модель которой фиксирует соответствующий регламентирующий ДТ. Вид практической деятельности (ситуация) указывается в начальной формуле документа: *Инструкция по организации и действиям партизанских отрядов и диверсионных групп* [РА, 1999, с. 76]; *Инструкция по маскировке войск и материальной части танковых соединений* [Сборник 15, 1952, с. 87].

Считаем необходимым указать на ещё одну общую для номинаций ДТ сему – ‘порядок’. В Русском семантическом словаре находим: *порядок* – ‘последовательный ход чего-нибудь’ [РСС, т. 3, с. 31]. Лексическая единица относится к группе слов с общим значением ‘собственно ход бытия, его движение, ритм, стадии его превращения’ [Там же, с. 30], что позволяет отметить динамичный характер текста, в номинацию которого входит рассматриваемая сема. Сочетание её с семой ‘научить’ (в значении слова *инструкция*) формирует футуральную перспективу: инструктирующий ДТ содержит некий проект, замысел (*замысел* – ‘общее представление человека о достаточно сложном действии или объекте, которое он хочет воплотить,

для чего готов прилагать усилия' [Апресян, 2017, с. 597]), возможность реализации которого планируется или допускается в будущем: *Каждая батарея (рота) должна строить свой боевой порядок с расчетом возможности оказать помощь соседу при нападении на него воздушного и наземного противника* [Сборник 16, 1952, с. 85].

Итак, основная жанрообразующая интенция положений и инструкций выражается глаголом *регламентировать* и является сложной, возникшей под воздействием двух равнозначных целей: *сообщить* информацию для того, чтобы *предписать* выполнение какого-либо действия. Значение основной интенции составляют семы 'управлять', 'правило', 'порядок' [РСС, т. 4, с. 171]). Дополнительной, дифференцирующей интенцией *положения* является *идентифицировать, инструкции – научить*.

Рассмотрим интенциональное содержание РЖ *инструктаж*. И.В. Уткина пишет, что инструктаж – «жанр устного общения, содержащий наставления, нацеливание, предупреждение и порядок действий при выполнении поставленной задачи» [Уткина, 2006а, с. 95]. Представляя собой регламенты, правила, инструктажи в ВД функционируют в период подготовки и ведения боевых действий.

Коммуникативная цель *инструктажа* идентична цели *инструкции*: «указания относительно осуществления какого-либо мероприятия» [Рехтин, 2005, с. 10]. Наблюдение контекстов, реализующих РЖ *инструктаж* в художественных произведениях, позволяет выделить общую жанрообразующую интенцию *научить*, как необходимо действовать в той или иной ситуации: *Пулемет бросайте. Затвор выкиньте. Ленты, если останутся, забирайте* [Некрасов, 1948, с. 34].

Следующие друг за другом команды указывают на порядок осуществления действий в конкретной ситуации, наступающей в ближайшем будущем: *Держи за мной, Маргарита. Я стал – ты стала, я лег – ты легла* [Васильев, 1994, т. 1, с. 258]. Набор таких поучающих команд, объясняющих, *как надо делать*, отличает *инструктаж* от *приказания*.

Так, жанрообразующая интенция инструктажа (*научить*) реализуется в значении глагола *объяснять* (см.: *объяснять* – ‘растолковывая что-либо или рассказывая о чем-либо, делать ясным, понятным, известным’ [БАС, т. 8, ст. 569]). Однако инструктивная речь адресанта, которая в текстах художественных произведений может номинироваться *наставлением*, не всегда достигает цели понимания задачи адресатом:

– *Значит, главное – вперед. Вперед и вперед. За спину товарищей под берегом не спрятаться, ходу назад нету. Видел я тут заградотрядик с новыми крупнокалиберными пулеметами. У нас их еще и в помине нету, а им уже выдали – у них работа поважнее. И выходит, что спереду у нас вода, сзади беда. Среди нас много народу млекопитающего. Поясню, чтоб не обижались, – млеко питавшихся, но воды, да еще холодной, не хлебавших. Ворон ртом не ловить. Пулю ротом поймаете, глотайте, пока горяча, которая верткая, через жопу выйдет... Х-ха-ха-ха! – закатился сам собою довольный Герка-горный бедняк. – Ясно? Ничего вам не ясно. Делать все следом за мной. Ну, а... – Герка-горный бедняк почесал соломинкой переносье, бросил ее, пошарил в затылке. – Я тоже не заговоренный. Тюкнет меня, все одно вперед и вперед...*

И началось! [Астафьев, 1997, т. 3, с. 373].

Представленный фрагмент мы относим к *инструктажу*, поскольку в нём есть указание на способ выполнения задачи *Делать все следом за мной*. Однако перлокутивный эффект этого высказывания, выраженный фразой *И началось!*, позволяет читателю понять неэффективность подобного объяснения: отсутствие чётких целевых установок, указаний на порядок и правила выполнения операции ведёт к абсолютному отсутствию ясности в головах исполнителей воли адресанта: *Сотни раз уж было сказано: куда, кому, с кем, как плыть, но все это знание спуталось, смешалось, забылось, как только заговорили, ударили пушки и пулеметы* [Астафьев, 1997, т. 3, с. 374]. Итак, достижению положительного эффекта служит понятный,

конкретный инструктаж; рассуждения на отвлечённые темы, образная речь, шутки, остроты говорящего нарушают объяснение, делая его нерезультативным.

Признаком инструктажа является способность адресата речи *выбирать* оперативные тактики в зависимости от внешних постоянно меняющихся обстоятельств: *Снимешь копию своих записей для меня... Если при выходе из окружения со мной что случится, передашь в политотдел мой приказ: ни один подвиг не должен быть забыт!.. Ни один! Поможешь составить политдонесение, и надо будет проследить, чтобы поступили представления к наградам* [Стаднюк, 1988, с. 455]. Маркёром интенции *выбирать* являются конструкции со стилистически окрашенным устаревшим союзом *ежели*, с нейтральным союзом *если*, обозначающие гипотетические условия осуществления действий.

Предполагаемые условия призваны выражать официальные условные предлоги *в случае, при условии*: *Я решил встретить врага на основной позиции и, не открывая огня, предложить ему сдаться. **В случае** сопротивления одного убить, а второго все ж таки взять живым. На запасной позиции оставить все имущество под охраной бойца Четвертак. Боевые действия начинать только по моей команде* [Васильев, 1994, т. 1, с. 234].

Семантику условия в инструктивных текстах выражают бессоюзные полипредикативные конструкции: *Я стал – ты стала, я лег – ты легла* [Там же, с. 258]. Такая конструкция лаконична, экспрессивна, поэтому свойственна именно устной, разговорной речи. По словам О.Е. Пекелис, «порядок клауз в бессоюзных условных конструкциях всегда иконический: клауза, выражающая условие, предшествует клаузе, выражающей следствие» [Пекелис, 2017], поэтому адресат речи легко расшифровывает послание говорящего. Подобные условия становятся фактивными (терминология О.Е. Пекелис): описываемые адресантом речи обстоятельства не предполагаются, а оцениваются истинными. Их проявление – лишь вопрос

времени, поэтому условные фактивные конструкции эксплицируются временными отношениями:

– *Как стемнеет, пустишь разведку. У вас как будто ничего ребята, – слегка поворачивает голову в сторону майора.*

– *Боевые, товарищ полковник.*

– *Ну, так вот. Пустите разведку, как только стемнеет. Затем... луна когда встает?*

– *В начале первого.*

– *В начале первого. Хорошо. Часов в пол-одиннадцатого пустим «кукурузников». Чуйков обещал мне, если надо. В одиннадцать начнешь атаку. Понятно?*

– *Понятно, – тон у меня не очень уверенный.*

– *Никаких «ура». Без единого шороха. На брюхе все. Как пластуны. Только неожиданностью взять сможешь. Ты понимаешь меня? Матросы есть еще?*

– *Есть. Человек десять.*

– *Ну, тогда возьмишь [Некрасов, 1948, с. 150].*

Приведённый фрагмент мы относим к РЖ *инструктаж*, поскольку в нём даны указания на временные условия проведения операции, на порядок и способы осуществления конкретных действий.

И.В. Уткина пишет, что «инструктаж имеет намерение предупредить, рекомендовать, предостеречь, нацелить, довести до сведения» [Уткина, 2006а, с. 100]. С целью предостережения в инструктивной речи сержанта Васкова появляется предваряющая приказание *в уши вся влезь* фраза: *С немцем в хованки играть – почти как со смертью (С немцем в хованки играть – почти как со смертью, так что в уши вся влезь. В уши да в глаза [Васильев, 1994, т. 1, с. 258]).*

В текстах художественных произведений подобная предупредительность (в примере выделено жирным шрифтом) говорит

о душевной близости командира и его подчинённых: *С немцем хорошо издали воевать. Пока вы свою трехлинейку передернете, он из вас сито сделает. Поэтому категорически лежать приказываю. Лежать, пока лично «огонь!» не скомандую* [Васильев, 1994, т. 1, с. 234]. В предупреждении, служащем не простым информированием, а объяснением приказа, реализуется основная жанрообразующая интенция инструктажа *научить*.

В речи адресанта, не имеющего близкой связи с подчинёнными, предостережение отсутствует, однако в ситуациях боевых действий используются такие средства языка, «которые позволяют убедить адресата в необходимости следования именно данному алгоритму действий» [Уткина, 2006а, с. 101]:

– *Дорога каждая минута, – строго произнес Федор Ксенофонович, кратко изложив суть создавшейся ситуации. И обратился к Колодяжному: – Берите, старший лейтенант, отделение мотоциклистов, рацию, взрывчатку, противотанковые мины и – молнией по дороге вперед. Найдите эту проклятую просеку. Она подходит к дороге справа. Свернете на просеку навстречу немецким танкам. Задача: определить их местонахождение и доложить мне по радио. Если танки не прошли еще по гатям, взорвать хоть одну и расставить мины...* [Стаднюк, 1988, с. 420].

Инструктаж начинается фразой *Дорога каждая минута*, функция которой заключается в предъявлении доводов, меняющих «представление о ситуации, ее видение» [Кучинская, 2008, с. 134]. Так, предваряя ряд императивных высказываний, рассматриваемая нами первая фраза позволяет говорящему быстро и результативно убедить (см.: *убедить* – ‘привести к уверенности, вере во что-н.’ [РСС, т. 4, с. 251]) адресата в крайней необходимости и обязательности выполнения указаний. Воздействовать на психику слушающих говорящему позволяет оценочная лексика: в данном примере с этой целью функционирует краткое прилагательное *дорога*.

Итак, основная жанрообразующая интенция инструктажа выражается глаголом *научить*; дополнительными интенциями, детерминируемыми

стратегиями и тактиками речевого поведения говорящего, являются *объяснять, выбирать, предупреждать / убеждать*.

Сопоставим коммуникативную цель и интенциональное содержание РЖ *инструкция* и *инструктаж*, функционирующих в военном дискурсе.

Коммуникативные цели рассматриваемых РЖ одинаковы: сообщить требования к организации деятельности, направленной на выполнение боевой задачи.

Основная жанрообразующая интенция письменного жанра выражается глаголом *регламентировать*, идентифицирующая, отличающая *инструкцию* от *положения*, дополнительная интенция – глаголом *научить*. Основной жанрообразующей интенцией *инструктажа* является интенция *научить*, дополнительными – *объяснять, выбирать, предупреждать / убеждать*.

Так, организованный дополнительной интенцией письменного РЖ, *инструктаж* является производным от *инструкции* устным жанром. Если текст любой инструкции универсален, применим к модели некой возможной ситуации (что обуславливает необходимость констатации ряда правил, обеспечивающих эффективную организацию деятельности военнослужащих), то сфера бытования *инструктажа* ограничена областью решения конкретной боевой задачи (что позволяет говорящему применять подходящие данной ситуации тактики речевого поведения).

4.3. Актуализация образа автора и образа адресата в *положении, инструкции и инструктаже*

Говоря об адресанте инструктирующих текстов поучающего дискурса, О.А. Шутова указывает на имплицитность говорящего: «Адресант в РЖ инструкции скрыт, однако его позиция по отношению к адресату является приоритетной, т. к. наличие у него больших знаний в определенной области дает ему право инструктировать адресата» [Шутова, 2015, с. 69]. Так, по логике исследователя, описываемый РЖ должен относиться к обозначенным Т.В. Шмелёвой «неисполнительским» жанрам, т. е. таким,

«с помощью которых автор побуждает к действию адресата или третьих лиц» [Шмелёва, 1990, с. 26]. Однако мы считаем письменные регламентирующие жанры «совместительскими», «где предполагается исполнение действий всеми участниками коммуникации» [Там же, с. 26], поскольку побуждение к выполнению действий распространяется не только на реципиента, но и на самого создателя текста.

Изучая коммуникативно-прагматические особенности регламентирующих РЖ, отметим, что характеристика адресанто-адресатного параметра идентична в ДТ *инструкций* и *положений*. Так, автор ДТ описываемого типа в военном деловом дискурсе является как адресантом, так и адресатом речи. Именно поэтому в начальной формуле документа (документного текста) отсутствует указание на источник побуждения: *Инструкция о порядке отправки частей и соединений, убывающих на фронт* [Исаков, 2000, с. 171]; *Положение об Управлении оборонительного строительства Красной Армии* [Комсостав, 2005, с. 66].

Тем не менее позиция автора как положения, так и инструкции авторитарна, приоритетна, что обеспечивает восприятие его адресатом «как человека сведущего, учителя, наставника» [Шутова, 2015, с. 69], поскольку именно такая роль определена ей деловой конвенцией, одной из функций которой, по словам Л.В. Рехтина, является распределение полномочий коммуникантов [Рехтин, 2005, с. 60].

Степень заинтересованности адресанта военной речи в положительных результатах выполнения побудительного действия адресатом максимальна. Жёсткость и категоричность волеизъявления в ДТ *инструкции* реализуют глаголы в форме инфинитива с императивным значением: *1. Движение на восток в первый день боя категорически запретить*, за исключением раненых по просёлкам. *2. Не допускать* движения по дорогам в два ряда. *3. Не допускать* скопления транспорта в районе поста регулирования [Сборник 1, 1947, с. 76]. Смягчение жёсткого приказания формально выражено страдательным залогом глаголов со значением императивности

обозначается, организуется, определяется, пропускается и другими: *Остановки по техническим неисправностям боевых и транспортных машин и по обстановке разрешаются только вне дорог* [Сборник 1, 1947, с. 76].

В ДТ *положений* пассивные формы глаголов доминируют: *Подвижные ремонтные базы предназначаются для ремонта боевых и вспомогательных машин Красной Армии непосредственно в войсках действующих армий* [Исаков, 2000, с. 65].

А.Б. Летучий называет эти формы пассивом рекомендации [Летучий, 2016, с. 281], указывая тем самым на императивное значение организуемого ими высказывания. Кроме того, учёный называет подобные глаголы «пассивом с обобщённым субъектом» [Там же]. Конструкции с ними позволяют обезличить адресанта, вывести его в сферу адресата, сделав волеизъявителя исполнителем за счёт возвратного действия пассивного глагола. Степень абстракции участников коммуникации в ДТ *положений* предельна. Снизить её, обозначив более конкретного адресата речи, позволяет использование индикативов: *Оперативный центр руководит всей боевой и разведывательной деятельностью отрядов и групп, определяет их дислокацию, район действий и в соответствии с приказами Главнокомандующего и штаба партизанского движения ставит им конкретные задачи по срокам и объектам* [РА, 1999, с. 150]. Здесь побуждение выражено имплицитно: оно интерпретируется как *предписание* только в соответствующем прагматическом контексте, который Е.И. Беляева называет прескриптивным и характеризует набором таких значений, как облигаторность действия и приоритетность позиции говорящего [Беляева, 1993, с. 15].

Адресат регламентирующего РЖ чаще всего не называется ни в начальной, ни в конечной формуле ДТ, поскольку он, «как правило, массовый» [Карабань, 2008, с. 96], абстрактный. В основной части документа обнаруживаются приказания как единичным деятелям (*Командир роты, получив задачу на наступление, изучив систему обороны противника и его*

*оборонительную тактику, в соответствии с этим принимает решение [Сборник 1, 1947, с. 53]), так и целому коллективу, номинируемому по принципу его отнесённости к воинскому подразделению или виду применяемого им оружия (По занятии первой траншеи, по сигналу командира роты **артиллерия и минометы** ставят огонь по главной траншее с целью воспрепятствовать контратаке противника и морально его подавить [Там же]).*

Так, адресант письменных регламентирующих РЖ скрыт, адресатом является как сам автор речи, так и реципиент (единичный или массовый) при условии соответствия их статусных характеристик указанным в ДТ ролевым функциям.

Анализ контекстов, реализующих РЖ *инструктаж* в художественных произведениях, позволяет назвать его адресанта авторитетным лицом. И.В. Уткина говорит, что «в военной сфере авторитет адресанту придает воинское звание и занимаемая должность» [Уткина, 2006а, с. 98]. Инструктаж – императивный жанр, в котором волеизъявителем всегда является начальник, вышестоящий. Адресат не просто исполнитель. По словам И.В. Уткиной, он «сам заинтересован в точном следовании инструкции, так как действия, описанные в ней, выгодны для него» [Там же]. Мы согласны с мнением исследователя, но с той лишь разницей, что значимость требований инструктажа не только субъективна, когда говорящий предупреждает негативные последствия для адресата (*Пока вы свою трехлинейку передернете, он из вас сито сделает* [Васильев, 1994, т. 1, с. 234]), но и объективна, обусловлена социальным долгом слушающего перед обществом (*Нажимайте на окопы сейчас. Пока нет саперных лопат, выкручивайтесь пехотинскими, ничего не поделаешь. У тебя, Сеницын, больше, чем у остальных, я помню, и участок полегче. Отдашь половину Керженцеву. Все* [Некрасов, 1948, с. 125]).

Адресант речи в РЖ *инструктаж* эксплицитен, он всегда обозначен в тексте художественного произведения конкретной номинацией: *Федор*

Ксенофонович, Герка-горный бедняк, командир роты, товарищ полковник, я. Личное местоимение *Я* имеет важное значение: частотное номинирование адресанта данным знаком позволяет расценивать инструктаж как явление спонтанное, неподготовленное, возникающее в речи говорящего «здесь и сейчас». Способность быстро анализировать ситуацию и находить пути решения постоянно возникающих проблем – это компетентность руководящего лица. Так, инструктивная речь характеризует адресанта речи как компетентного, ответственного руководителя, в правильности и точности указаний которого можно не сомневаться.

Адресат инструктажа – конкретное заинтересованное лицо, ролевой статус которого всегда ниже, чем у адресанта речи. Побуждение к действию мы называем инструктажем «в том случае, если автор осознает, что адресат заинтересован в выполнении некоторого действия и нуждается в информации относительно этого действия» [Рехтин, 2005, с. 103].

Чаще всего тексты содержат в себе указания на непосредственного исполнителя требований инструкции. Так, в представленных выше примерах находим следующие обозначения адресатов речи: *Маргарита, Степан Степанович, Синицын, майор, старший лейтенант.* Грамматически выполняющие функцию обращений, указания на конкретного адресата речи позволяют назвать *инструктаж* максимально актуальным РЖ императивного типа, поскольку требования известного лица к строго определённым коммуникантам игнорировать невозможно.

Отметим, что подобная конкретизация возможна, в первую очередь, в ситуации наибольшей близости между участниками коммуникации. Для создания такой ситуации в произведениях художественной литературы широко используются просторечия. Например, в произведениях Б.Л. Васильева с целью характеристики собеседников, находящихся в отношениях равноправия, используется стилистически сниженная лексика: *Коли б что случилось, так вас бы уже архангелы на том свете встречали, –*

выговорил ей комендант. – Растопалась, понимаешь, как телушка. И хвост трубой [Васильев, 1994, т. 1, с. 224].

На близость участников коммуникации при сохранении неравноправных отношений указывает единственное число императивных глаголов:

*–<...>Часов в пол-одиннадцатого пустим «кукурузников». Чуйков обещал мне, если надо. В одиннадцать **начнешь** атаку. Понятно?*

– Понятно, – тон у меня не очень уверенный.

– Никаких «ура». Без единого шороха. На брюхе все. Как пластуны. Только неожиданностью взять сможешь <...> [Некрасов, 1948, с. 150].

В «Толково-комбинаторном словаре русского языка» названы события, в которых предпочтительно использование местоимения *ты*. К ним авторы словаря относят ситуации, складывающиеся в результате: а) интимных, дружеских отношений; б) пренебрежительного обращения говорящего к слушающему [Мельчук, 2016, с. 496]. В военном дискурсе в процессе инструктирования вышестоящим подчинённых развиваются ситуации первого типа, поскольку отношения между коммуникантами можно назвать дружескими или имитирующими их.

Тактика имитации дружеских отношений важна волеизъявителю: достижение того, что является значимым для адресанта речи, становится необходимым и важным для адресата. Чем доверительнее отношения между коммуникантами, тем результативнее выполняются приказания. Так, требование лейтенанта после инструктажа *Как вспыхнет ракета, смотри налево ... – от напряжения голос у меня слегка дрожит. – Увидишь бочку железную. Начнешь от нее ... И вправо метров на пятьдесят В три ряда ... В шахматном ...Как говорили* [Некрасов, 1948, с. 143] не только выполнено, но и изменено в целях более эффективного его исполнения:

– Товарищ лейтенант...

– Что?

– Я немножко выше возьму. А то замерзнет вода, и тогда...<...>

– *Хорошо.*

За минное поле я уже спокоен [Некрасов, 1948, с. 143].

Использование формы *вы* и соответствующего глагола отдаляет коммуникантов, делает общение сугубо деловым: *Вам, Степан Степанович, пока оставаться на месте и командовать левым клином. Соберите в кулак все, что можно, в случае опасности займите круговую оборону. Связь со мной – по радио и мотоциклистами. Непрерывно ведите разведку...* [Стаднюк, 1988, с. 421].

Если адресатом инструктажа является группа лиц, то для его обозначения используются конструкции с глаголами в форме множественного числа: – *Смотрите за речку в оба!* – приказал старшина. – ***В случае чего – шумните... И чтоб не дремать! За сон на посту в таких условиях под расстрел запросто можно угодить...***» [Там же, с. 489].

– *А ну, братцы, бежим!* – предложил своей тройке Сергей.

– *Как?*

– ***Подкатим валун к кустам, а там – врассыпную!..***

– *Побьют... День, видно...* [Воробьёв, 1985б, с. 98].

В данных примерах высказывания, реализующие РЖ *инструктаж*, выделены жирным шрифтом. Формы индикатива 1-го и 2-го лица множественного числа позволяют эксплицировать группового адресата речи, выраженного в данных текстах лишь грамматически. Лексическое обозначение исполнителей императивного действия мы находим в предшествующем *инструктажу* авторском повествовании (в 1-м примере) и РЖ *предложение* (во 2-м примере).

Адресат РЖ *инструктаж* может быть единичным (его номинации по имени или по званию) или групповым (в таком случае он лексически не выражен, опознать его позволяют глаголы в форме множественного числа).

Итак, сравнивая описание параметров *образ автора* и *образ адресата* в РЖ *инструкция* и *инструктаж*, подчеркнём, что адресант письменного

жанра имплицитен, в устном жанре он эксплицитен. Адресат *инструкции* абстрактный, что позволяет оценивать РЖ как совместительский, когда предписание распространяется не только на слушающего, но и на говорящего. Адресат *инструктажа* конкретный, императивное действие направлено на слушателя, поэтому устный РЖ является неисполнительским. Исключения представляют контексты, в которых глагол с императивным значением имеет значение совместного лица, что позволяет совместить образы волеизъявителя и исполнителя в один. В таких случаях РЖ *инструктаж* проявляет себя как совместительский.

4.4. Диктум императивных речевых жанров регламентирующего подтипа

Г.М. Стрелковский пишет о том, что важнейшими дифференцирующими жанровыми параметрами являются как их функциональное предназначение, так и содержательная направленность: «Основное отличие одного жанра от другого заключается не в его языковых особенностях, хотя для каждого из жанров характерно преобладание или, наоборот, отсутствие тех или иных языковых элементов, а в содержательной направленности текста и его функциональном предназначении. Именно содержание и предназначение текста определяют и выбор конкретных языковых средств, которые, в свою очередь, начинают характеризовать тот или иной жанр» [Стрелковский, 1979, с. 132]. Рассмотрение событийного содержания регламентирующих ДТ приводит к мысли о доминирующей дифференцирующей роли этого параметра, который позволяет назвать *положение* и *инструкцию* разными РЖ.

Композиционно тексты регламентирующих документов делятся на части. ДТ *положений* включают фрагменты:

1) идентифицирующие орган управления или цель деятельности: *Управление оборонительного строительства Красной Армии является*

центральным органом НКО по строительству укрепленных районов, их эксплуатации, а также по строительству крупных объектов ПВО в округах, где ведется строительство укрепленных районов [Комсостав, 2005, с. 66];

2) указывающие на иерархическую зависимость субъектов управления и подчинения: *Во главе Управления оборонительного строительства Красной Армии стоит начальник управления, которому в производственно-техническом отношении подчиняются окружные отделы оборонительного строительства в округах, ведущих строительство укрепленных районов [Там же];*

3) называющие функции органа управления: *На Управление оборонительного строительства Красной Армии возлагается: 1. Разработка по заданию Генерального штаба Красной Армии вопросов строительства новых укрепленных районов, а также достройка и оборудование существующих укрепленных районов <...> [Там же].*

Иллокутивную цель РЖ *положения* формируют знания автора об объекте высказывания (кто или что), о его функциях (за что несёт ответственность) и степени имеющейся у него власти (кому подчиняется, кем руководит). Содержание *положения* направлено в будущее. При этом тексты *положений* однородны: все его части выражают интенцию *регламентировать*. РЖ *положения* статичный, что обусловлено указанием «действий и соотнесенных с каждым из них агентов, предметов, инструментов, адресатов» [Хорохордина, 2017, с. 264].

Инструкции чаще всего состоят из фрагментов, которые направлены:

1) на идентификацию действия: *Десантная операция – один из сложных видов боя, так как связана с преодолением большого водного пространства и с высадкой войск на берег, обороняемый противником [Сборник 2, 1947, с. 103];*

2) на определение задач операции: *Сложность десантной операции обуславливается тем, что, помимо живой силы, способной к быстрой выгрузке, необходимо на берег, занимаемый противником, выгрузить*

артиллерию, минометы, боеприпасы, организовать бесперебойное питание войск, эвакуацию раненых и обеспечить через водное пространство связь действующего десанта с частями, поддерживающими его с своего берега [Сборник 2, 1947, с. 101];

3) на планирование операции, во время которого перечисляются конкретные действия, направленные на реализацию указанной в начальной формуле документа общей цели: *Не позднее как за три часа до погрузки десант побатальонно в порядке очередности сосредоточивается в исходном районе. Здесь производится пригонка снаряжения, проверка разбивки личного состава по десантным средствам и распределение между ними обязанностей (гребцы, рулевые, наблюдатели за противоположным берегом, сигнальщики, группа по заделке пробоин, группа по выгрузке боеприпасов, артиллерии и другого имущества) [Там же, с. 104–105];*

4) на определение функций и обязанностей субъектов действия:
Командир отделения обязан:

1. В период подготовки научить бойцов:

- тщательной пригонке обмундирования и снаряжения;*
- бесшумно и быстро занимать свои места на переправочных средствах (паромах, баржах, катерах);*
- иметь свое оружие в постоянной готовности для ведения огня;*
- вовремя и быстро оказать помощь своему товарищу [Там же, с. 106].*

Так, структурно-содержательная схема инструкции выстроена в соответствии с необходимостью адресанта обозначить общую цель действия (что), постановки конкретных задач (зачем), изложения плана операции (как), указания на исполнителей и выполняемые ими функции (кто за что несёт ответственность).

Выделить части текстов *инструкций* можно не только по принципу предназначения фрагментов, но и образующей их интенции. Поэтому те компоненты, в которых функционируют императивные – предписывающие или запрещающие – интенции, Н.А. Карабань называет

инструктирующими или прескриптивными, противопоставляя их описательным, дескриптивным фрагментам [Карабань, 2008, с. 97].

Известно, что ДТ, реализующие побудительные интенции, характеризуют будущее. А.В. Бондарко пишет: «Императивная функция по своему содержанию предполагает <...> футуральную перспективу по отношению к моменту речи» [Бондарко, 1990, с. 60–61]. Поэтому согласимся с мнением О.А. Шутовой, которая указывает на временную отнесённость *инструкции* к сфере будущего [Шутова, 2015, с. 69]: *Запретить в районах расположения на месте лишние передвижения танков, машин, личного состава* [Сборник 5, 1947, с. 87]; *При движении к ПТ рву использовать переползание по-пластунски, перебежки, но все это должно быть быстрым и решительным* [Сборник 1, 1947, с. 53].

Информативные части ДТ *инструкции* содержат отсылку к выводам, к которым ранее пришли авторы донесений, докладов, т. е. ДТ информативного типа: *Опыт проведенных боев показал, что как бы хорошо ни были разработаны планы перегруппировки, сосредоточения и занятия огневых позиций и наблюдательных пунктов, успешное осуществление этих мероприятий должно обеспечиваться принятием особых мер. Одной из таких мер является организация комендантской службы* [Сборник 4, 1947, с. 53].

Контекст, организуемый фрагментом высказывания *Опыт проведенных боев* или *опыт боевых действий* показывает, отсылает к прошлому, а грамматическая форма – к настоящему [Бондарко, 1990, с. 333]. Форма настоящего времени глагола актуализирует прошлое. Такое функционирование настоящего исторического в тексте инструкции позволяет скрыть адресанта речи. Так, А.В. Бондарко, обращаясь к теории двух планов высказывания Э. Бенвениста, пишет: «Исторический план <...> как бы устраняет личность говорящего. Здесь никто не говорит; кажется, что события происходят сами собой. 3-е лицо в этом плане не противопоставлено никакому другому лицу» [Бондарко, 1990, с. 334]. При этом, по словам

учёного, настоящее историческое используется как техническое средство передачи событий. Однако, по нашему мнению, факту прошлого, выраженному глаголом в форме настоящего времени, в ДТ инструкций придаётся принципиальное значение: «Он уже не рассматривается как прошедший, а как бы извлекается из прошлого и переносится в плоскость настоящего. Действие предлагается на рассмотрение, демонстрируется. Прошедшее событие переживается и оценивается в настоящем» [Бондарко, 1990, с. 334].

Обращения к фактам прошлого позволяют объяснить причины волеизъявлений, направленных на повышение эффективности будущих действий. Перенос действия из прошлого в настоящее, по словам А.В. Бондарко, позволяет придать ему «более общее, принципиальное значение» [Там же, с. 334], что достигается как посредством устранения личности говорящего, так и возможностью анализа извлечённого из прошлого факта действительности. О том, что настоящее не только актуализирует прошлое, но и служит средством эмоциональной оценки, говорят используемые в тексте единицы, выражающие, по мнению Е.М. Галкиной-Федорук, отношение говорящего к явлениям и фактам действительности [Галкина-Федорук, 1958, с. 105]: *успешное осуществление, главнейшим средством, действительные и надежные результаты, целесообразное и правильное использование, энергичными и храбрыми командирами, уверенно преодолевали*. Так, факт прошлого анализируется говорящим, «переживается им и передается в настоящем обобщенного характера» [Там же, с. 340]. Целью этого процесса является ориентация коммуникантов на положительный перлокутивный эффект.

Описательные, идентифицирующие фрагменты текстов инструкций и положений являются вневременными. Рассмотрим фрагмент *Инструкции о действиях частей 1-го штурмового авиакорпуса при форсировании р. Днепр от 25 сентября 1943 г.: 1. Форсирование рек является одним из сложных видов наступательного боя, что определяется:*

- *последовательным накапливанием сил и средств на захваченном с боем берегу противника;*
- *невозможностью массового ввода танков в первый этап боя;*
- *затруднительностью маневра из глубины, сложностью питания и эвакуации;*
- *уязвимостью переправ от огня всех видов, сложностью питания и эвакуации;*
- *уязвимостью переправ от огня всех видов, создающей угрозу срыва сообщения с тылом.*

2. При наличии превосходных сил и средств подавления (артиллерия и авиация) и достаточного количества переправочных средств форсирование реки производится днем или вечером (засветло) с тем, чтобы главные силы переправить ночью.

3. Наступление с форсированием реки состоит из:

- *подготовки наступления;*
- *форсирования реки первым эшелоном и захвата им плацдарма для обеспечения переправы главных сил;*
- *переправы главных сил;*
- *развития наступления [Сборник 7, 1948, с. 39].*

В примере даётся описание процесса *форсирование рек*: называются причины его характеристики как *сложного вида наступательного боя*, указываются время, условия и этапы его осуществления. Несмотря на то, что в контексте используются глаголы настоящего времени, локализация действия во времени не определена. В подобных высказываниях констатируется «существование, постоянная данность отношения, не связанного с временной протяженностью» [Грамматика-80, т. 1, с. 630]. Вневременная плоскость статична, признаки субъекта неизменны, его действия повторяются в одних и тех же условиях и осуществляются идентичными методами. Важно, что ДТ *положений* реализуются именно таким способом, когда нет грамматического указания на время и невозможно

определить сферу влияния информационной и императивной интенций: настоящее неактуальное, абстрактное [Бондарко, 1990, с. 275–277]. Функция дифференциации жанра принадлежит области семантики: императивность *положения* формируется значением глаголов *возлагаться, ведать*, конструкциями со значением долженствования (см. об этом выше).

Описательная часть в текстах инструкций может отсутствовать, в таком случае информативный компонент сопровождает основное предписание: *Первый эшелон, как правило, выбрасывается на лодках, подручных местных средствах, и лишь после переправы первого эшелона наводятся основные переправы – мосты* [Сборник 1, 1947, с. 99]. В представленном фрагменте маркёром отсылки к фактам прошлого является вводное сочетание *как правило*.

РЖ *инструкция* является динамичным – «указывающим последовательность операций-действий» [Хорохордина, 2017, с. 264]. Развитие события составляет содержание побудительной части, в которой формируется футуральная перспектива. На этом основании замысел, представленный в тексте инструкции, представляет собой перечень последовательных категоричных волеизъявлений, императивность которых выражается инфинитивами (*Запретить в районах расположения на месте лишние передвижения танков, машин, личного состава* [Сборник 5, 1947, с. 87]); конструкциями со значением долженствования, необходимости (*Наступление на обороняющегося противника должно проходить на узком фронте 500–1000 м* [Сборник 1, 1947, с. 21]); *Для достижения абсолютной внезапности на артиллерийскую подготовку нужно отводить* минимальное время и не более 15 мин. [Там же, с. 54]); пассивной формой глаголов (*Контратакующие группы немцев нередко поддерживаются танками группами по 5-6 машин или самоходными орудиями* [Там же, с. 21]); индикативами (*По сигналу пехота атакует передний край противника, артиллерия сопровождения переносит свой огонь по фланкирующим точкам противника* [Там же, с. 22]) – «настоящее намеченного действия,

в которых к значению запланированного действия присоединяется модальный оттенок побуждения, предписания [Бондарко, 1990, с. 342]; прохибитивами (*Не допускать скопления транспорта в районе поста регулирования* [Сборник 1, 1947, с. 76]).

Итак, событийное содержание регламентирующих ДТ может формировать как вневременной (постоянный) характер, порождая статичные жанры (положение и информативная часть инструкции), так и футуральную перспективу, создающую динамику, движение, дающую событиям возможность развиваться не только в тексте, но и за его пределами. Обращение к фактам прошлого позволяет оценить событие и стимулировать «интенсивность иллюкутивной силы <...> посредством искусственного вмешательства, а именно посредством добавления в иллюкуцию характеристик, обеспечивающих положительный перлюкутивный эффект» [Рехтин, 2005, с. 42].

Событийное содержание РЖ *инструктаж* раскрывается при исследовании семантики предложения путём анализа событийных и логических пропозиций.

Рассмотрим и представим в табл. 4 репертуар субъективных пропозиций, которым располагает РЖ *инструктаж*.

Табл. 4 – Событийные пропозиции РЖ *инструктаж*

Сфера	Типы				
	существование	состояние	движение	действие	восприятие
Социальная	–	–	–	–	–
Ментальная	–	–	–	<i>Помните, Фарбер, – говорю я ему, – участок у вас неважный. На артиллерию особенно не рассчитывайте.</i>	Как вспыхнет <i>ракета, смотри налево...</i> – от напряжения голос у меня слегка дрожит.

Сфера	Типы				
	существование	состояние	движение	действие	восприятие
				Все от пулеметов зависит. Не увлекайтесь фронтальным огнем <...> [Некрасов, 1948, с. 137]	– Увидишь бочку железную. Начнешь от нее... И вправо метров на пятьдесят... В три ряда... В шахматном... <i>Как говорили</i> [Некрасов, 1948, с. 143]
Физическая	–	–	Я стал – ты стала, я ле г– ты легла <...> [Васильев, 1994, т. 1, с. 258]	Только издали <i>не стреляй</i> . Через речку из винтовки <i>бей</i> , а автомат <i>прибереги</i> . Как форсировать начнут, он очень даже пригодится [Васильев, 1994, т. 1, с. 287]	–
Психическая	–	–	–	–	–

По нашим наблюдениям, наиболее часто в предложениях, актуализирующих РЖ *инструктажа*, реализуется пропозиция действия физической сферы деятельности: она многоактантная, в ней присутствует объект (*Вещмешок и шинельку здесь оставишь. За мной идти след в след и глядеть, что делаю* [Васильев, 1994, т. 1, с. 275]); адресат (*Вам, Степан Степанович, пока оставаться на месте и командовать левым клином. Соберите в кулак все, что можно, в случае опасности займите круговую оборону. Связь со мной – по радио и мотоциклистами* [Стаднюк, 1988, с. 421]); темпоратив (*Пока нет саперных лопат, выкручивайтесь пехотинскими, ничего не поделаешь* [Некрасов, 1948, с. 125]); инструмент (*Пока нет саперных лопат, выкручивайтесь пехотинскими, ничего не поделаешь* [Там же]).

Пропозиция действия представлена двумя разновидностями.

Первая разновидность – это указание на порядок действий: *Пулемет бросайте. Затвор выкиньте. Ленты, если останутся, забирайте* [Там же, с. 34]. Вторая – приказание, результат которого зависит от влияния внешних обстоятельств: *Одной батареей, если позволит время, все-таки приготовьтесь закупорить выход с просеки на дорогу* [Стаднюк, 1988, с. 421]; *Держите наготове ракетницы на случай встречи со своими* [Там же, с. 188]. Такой тип пропозиции в РЖ *инструктаж* несвободен: он не существует без сопутствующего ему указания на условия выполнения императивного действия. Сравните:

1) *Если собьют немцы нас с рубежа и расчленят, действуйте самостоятельно* [Стаднюк, 1988, с. 557].

2) *Как я утицей крикну, шумни чем-либо* [Васильев, 1994, т. 1, с. 264].

3) *Ленты, если останутся, забирайте* [Некрасов, 1948, с. 34].

Удаление из инструктивного высказывания той его части, которая указывает на условия выполнения действия, превращает его в категорический приказ, необходимость выполнения которого не подлежит сомнению. Условные предложения, характерные для РЖ *инструктаж*, указывают на вероятность наступления ситуации, обозначают возможные обстоятельства, гипотетические события [Падучева, 2016, с. 29].

Следует отметить разницу в способах выражения степени вероятности пропозиций в условном предложении. Придаточные условные с союзом *если* в примерах (1) и (3) фиксируют события, которые могут не состояться, поэтому приказание, являющееся следствием условия, не категорично и может быть не выполнено. Придаточное времени с союзом *как* в примере (2)

выражает реальное условие, предшествующее императивной ситуации, которая состоится с большей степенью вероятности: она не предполагается, а мыслится как неизбежная; неизвестным является лишь точное время её возникновения.

Кроме того, в РЖ *инструктаж* условие должно быть положительным, т. е. выполнение приказания обязательно, если условие выполнено. В противном случае инструктирование превращается в приказание: – *По моей команде бежим до... – Он запнулся, но продолжил: – До Кондакова. Там падаем, даже если немцы не откроют огня* [Васильев, 1994, т. 2, с. 196]. В представленном примере условие, при котором исполняется приказ командира, носит отрицательный характер: из контекста ясно, что подчинённым известна инструкция, в которой указано, что падать нужно тогда, когда враг открывает встречный огонь. При отсутствии этого обстоятельства необходимости падать нет. Изменение этого инструктивного положения возможно командиром в требующей того ситуации. Отсутствие в примере объяснения изменения тактики выполнения уже известного подчинённым действия никак не реализует необходимую для РЖ *инструктаж* интенцию *научить*. На этом основании предположим, что отрицание условия выполнения волеизъявления при отсутствии объяснения со стороны командира трансформирует инструкцию в РЖ *приказание*.

Так, обстоятельства выполнения требований говорящего отличаются большей или меньшей степенью вероятности (в первом случае экспликатором является логическая пропозиция временной соотнесённости, во втором – каузальная пропозиция положительной условности).

Пропозиции часто функционируют в комплексе, объединяясь в пределах одного высказывания: *Хорошо замаскируйтесь и приготовьтесь к стрельбе прямой наводкой по танкам. Одной батареей, если позволит время, все-таки приготовьтесь закупорить выход с просеки на дорогу...* [Стаднюк, 1988, с. 421]. В примере даны указания как на порядок действий (*замаскируйтесь, приготовьтесь к стрельбе*), так и на условие (*если*

позволит время), соблюдение которого обязывает адресата выполнить приказание командира (*приготовьтесь закупорить выход с просеки на дорогу*).

Пропозиция движения физической сферы деятельности пересекается с описанной выше пропозицией действия, реализуется в подобных ситуациях и при идентичных обстоятельствах. Отметим, что особенностью этого типа пропозиций является выражение условия «делай как я». При анализе подобных высказываний обращает на себя внимание функционирование логической пропозиции подобия, сходства действий разных объектов [Шмелёва, 1988, с. 23]. Данная пропозиция в РЖ *инструктаж* каузальная, она фиксирует «зависимость осуществления одного события от другого» [Там же]. Сравним:

4) *За мной идти след в след и
глядеть, что делаю* [Васильев,
1994, т. 1, с. 275].

5) *Я стал – ты стала, я лег –
ты легла* [Там же, с. 258].

Первое предложение функционирует в РЖ *приказание*, второе – в РЖ *инструктаж*. Этот вывод мы делаем на том основании, что волеизъявление в примере (4) категорично и безусловно; требования в примере (5) обусловлены, подразумевают появление некоторых внешних обстоятельств: *Если я стал, то ты тоже стала, если я лег, то ты тоже легла*.

В меньшей степени в РЖ *инструктаж* представлена ментальная сфера деятельности. В контексте *Помните, Фарбер, – говорю я ему, – участок у вас неважный. На артиллерию особенно не рассчитывайте. Все от пулеметов зависит. Не увлекайтесь фронтальным огнем. Кроме трескотни, никакого толку* [Некрасов, 1948, с. 137] реализуется основная жанрообразующая интенция *научить*. Объяснение тактики ведения боевых действий необходимо в момент инструктирования высшим по званию командира низшего: в примере лейтенант Керженцев даёт наставление командиру роты Фарберу, который, в свою очередь, должен будет отдавать команды своим подчинённым.

Сфера умственных действий находится в подчинении у физической, поскольку основная функция адресата речи в военной ситуации – правильно выполнить ряд предметных операций. Ментальные пропозиции существуют в комплексе с физическими: – *Как вспыхнет ракета, смотри налево... – от напряжения голос у меня слегка дрожит. – Увидишь бочку железную. Начнешь от нее... И вправо метров на пятьдесят... В три ряда... В шахматном... Как говорили* [Некрасов, 1948, с. 143]. При этом ментальные действия предваряют физические – положения инструкции должны быть проанализированы заинтересованным лицом, т. е. адресатом речи, сопоставлены с конкретной ситуацией и только после этого выполнены. Событийные ментальные и физические пропозиции логически объединены «специфическим для событий аспектом соотношения – временем» [Шмелёва, 1988, с. 24] в его конкретной разновидности следования, выраженной союзом *как* (*Как вспыхнет ракета*).

Итак, *инструктаж* – РЖ, который используется говорящим в момент подготовки к бою, соответственно его содержание должно быть достаточным для понимания адресатом речи изложенных в нём требований.

Размер высказывания не может быть минимально коротким: адресату речи необходимо правильно осмыслить новую поучающую информацию и принять побуждение адресанта. На этом основании считаем исследуемый нами РЖ полисобытийным.

Таким образом, содержание РЖ *инструктаж* в большинстве случаев реализуется пропозициями действия физической сферы деятельности, целью которых является указание на порядок операций и объяснение условий, при которых они релевантны. Достижению этой же цели служат побудительные части *инструкций*, в которых представлены задачи боевых действий и план организации деятельности военнослужащих.

РЖ *инструкция* предполагает чёткое выделение двух частей: информативной (обучающей) и императивной. Функционируют тексты, в которых отсутствует описательная часть, в таком случае информативный

компонент иллюстрирует основное предписание. В РЖ *инструктаж* чаще всего невозможно отделить сообщение (объяснение, предупреждение) от предписания: высказывание состоит из побудительных высказываний, которые сопровождаются информацией, объясняющей их необходимость и правильность. Однако встречаются примеры, в которых информативный компонент не только помогает реализовать обучающую функцию жанра, но и является единственным способом, позволяющим отличить *инструктаж* от *приказания*. Так, наличие или отсутствие информативной части в письменном РЖ не ведёт к его трансформации, в то время как для идентификации устного жанра имеет решающее значение.

Оба жанра – и *инструкция*, и *инструктаж* – являются полисобытийными. Они функционируют во время длительной подготовки к боевым действиям (*инструкция*) или в непосредственно предшествующий им момент (*инструктаж*).

4.5. Темпоральные параметры *положения, инструкции и инструктажа*

Инструкция – реактивный РЖ, жанр «с обязательным прошлым» [Шмелёва, 1995, с. 62]. Мы утверждаем это, основываясь на указанном нами ранее факте о том, что части регламентирующих ДТ, которые организованы интенцией *сообщить*, содержат отсылку к выводам и заключениям, представленным авторами ДТ информативного типа.

Обращение к донесениям и докладам как продуктам коммуникации, имевшим место в прошлом, гипотетично, поскольку прямых указаний на них в текстах инструкций нет. Однако понять основание зависимости *инструкции* от информативных РЖ, формирующих её коммуникативное прошлое, позволяют слова генерал-майора В.А. Небучинова: «В ходе Отечественной войны командующими фронтами, армиями, командирами соединений и частей отдавались войскам специальные указания и инструкции по подготовке и проведению наступления или по организации обороны.

Ценность этих материалов заключается в том, что они разрабатывались **на основе подробного изучения проведенных боев, сложившейся обстановки** (выделено нами. – *А.О.*) и определяли методы и приёмы, обеспечивающие успех предстоящих действий. Составленные в боевой обстановке, эти указания приобретали важное значение в деле успешной подготовки войск к новым боевым действиям» [Сборник 1, 1947, с. 4].

Итак, информативные части ДТ *инструкции* позволяют назвать рассматриваемый нами жанр реактивным. Маркёрами её обусловленности речевыми событиями предшествующей коммуникации являются бытующие в описательных фрагментах ДТ указательных конструкций: *опыт показывает, на основе опыта, отмечены факты, отмечены случаи, в таких случаях (Отмечены факты, когда немцы в целях создания видимости большого количества огневых средств применили на широком фронте микрофоны в качестве усилителей звука стрельбы* [Там же, с. 6]).

Указание на коммуникативное прошлое *инструкции* формируется вводным сочетанием *как правило*, указывающим на степень обычности (соответственно, типичности, повторяемости) сообщаемого [Остроумова, Фрамполь, 2009, с. 171]: *Все основные задачи самоходная артиллерия выполняет, как правило, прицельным огнем (прямой наводкой) отдельного орудия или группы орудий в составе батареи, полка в зависимости от обстановки* [Сборник 15, 1952, с. 98].

Действия, составляющие содержание описательных фрагментов инструкций, производятся до ситуации речи и рассматриваются либо как типичные, либо как результативные, формирующие положительный перлокутивный эффект, что доказывает функционирование высказываний, называемых В.А. Марьянчик оценочно окрашенными, т. е. такими, которые «включают оценочно маркированные средства, но предполагают реализацию иной функции – информативной, регулятивной и пр.» [Марьянчик, 2013, с. 78] (*Лучшие результаты по организации взаимодействия достигаются при базировании штурмовиков и истребителей на одном аэродроме,*

поэтому при наличии условий желательно подразделения истребителей, выделенные для взаимодействия со штурмовиками, перебазировать на аэродром штурмовиков [Сборник 7, 1948, с. 42]) и оценочными (*Успех наступательного современного боя, как и прежде, зависит от умелой организации внезапных и решительных действий войск, хорошего управления частями и подразделениями и налаженной связи, прочного и чёткого взаимодействия всех родов войск* [Сборник 1, 1947, с. 21]).

Побудительные части *инструкций* и *ДТ положений* являются инициативными: в них не содержится указаний на предшествующие им речевые события.

В *положении* как стержневом инициативном регламентирующем РЖ закрепляются функции объектов – органов управления (*Положение о Народном комиссариате обороны Союза ССР. Раздел I. Глава I. Народный комиссариат Союза ССР* [Комсостав, 2005, с. 28]; *Раздел II. Главный военный совет Красной Армии* [Там же, с. 31]) – и субъектов, организующих их работу (*Положение о Народном комиссариате обороны Союза ССР. Глава II. Народный комиссар Союза ССР* [Комсостав, 2005, с. 28]). В задачи объектов и субъектов управления входит разработка и издание как регламентирующих *ДТ* (уставов, инструкций, наставлений, проектов, планов), так и директивных (приказов, распоряжений): *На Управление оборонительного строительства Красной Армии возлагается: <...> 7. Разработка инструкций и наставлений по эксплуатации укрепленных районов с привлечением соответствующих управлений НКО* [Там же, с. 66].

Указания на обязанности субъектов и объектов управления позволяют понимать *ДТ*, которые издаются или будут издаваться, как инициативные, «жанры без прошлого» [Шмелёва, 1995, с. 62]. Запроса на создание подобного документа нет: вышестоящий адресант в соответствии с зафиксированными в *положении* функциональными обязанностями должен постоянно оценивать обстановку и управлять вверенной ему областью

деятельности, передавая волеизъявления посредством ДТ императивного типа. Реализуя идентифицирующую интенцию, РЖ *положение* является статичным жанром без коммуникативного прошлого и без коммуникативного будущего.

Однако, в *Докладе управления ПВО Западного фронта начальнику ПВО территории страны, начальнику оперативного управления Генерального штаба Красной Армии, начальнику Оперативного управления штаба Западного фронта о боевых действиях частей за январь 1942* находим фразу: «*Издать инструкцию (положение) о правах и обязанностях начальников отделов ПВО штабов армий*» [РА, 1997, с. 287]. Подобные контексты малочисленны, однако их существование позволяет сделать вывод о том, что ДТ *инструкций* и *положений* не только инициативные, но и реактивные РЖ, особенностью которых является отсутствие в текстах указаний на инициирующее речевое событие.

М.М. Бахтин пишет, что «высказывание с самого начала строится с учётом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается <...> Все высказывание строится как бы навстречу этому ответу» [Бахтин, 1997, с. 200]. ДТ – продукт письменной коммуникации – образование искусственное [Рехтин, 2005, с. 42]. Ответная реакция адресата *положения* и *инструкции* предполагает исполнение им указаний адресанта, однако эти действия не находят описания в письменных речевых произведениях, остаются на ментальном уровне (уровне мыслей). Редко в текстах документов директивного и информативного типов встречаются отсылки к регламентирующим ДТ, которые указывают на соответствие реально выполненного действия операциям, предписываемым инструкцией. Так, в *Отчете о парашютно-десантной операции, проведенной Штабом военно-воздушных сил Западного фронта в период с 17 по 22 января 1942 года* содержится информация об этапах боевой деятельности, ранее представленных в ДТ инструкции: *Выброской парашютного десанта захватывается и удерживается аэродром и прилегающий к нему район*

с целью подготовки и обеспечения приема посадочного десанта (*Инструкция для передового отряда по захвату аэродрома, приложение 2 и 3*) [РА, 1997, с. 258]. В Указаниях по подготовке артиллерии фронта к наступательной операции от 26 декабря 1944 г. находим приказание, содержащее отсылку к регламентирующему ДТ: *Хранение боеприпасов на складах организовать в соответствии с инструкцией ГАУ 1943 г.* [Сборник 2, 1947, с. 47].

И.В. Уткина пишет, что ответной реакцией на инструктирующее высказывание являются речевые выражения со значением согласия: «Есть», «Так точно» [Уткина, 2006а, с. 96]. Однако, разводя устные и письменные жанры, исследователь относит устные высказывания к сфере функционирования письменной коммуникации.

Как *положение*, так и *инструкция* не инициируют создание ответного документа, поскольку не содержат запрос, являясь конечным продуктом письменной коммуникации. Однако именно этот этап предполагает переход в иную плоскость – в область устного живого общения, жанры которого, в свою очередь, порождают обе формы коммуникации: *Начальник артиллерии стрелкового полка во всех видах боя докладывает командира стрелкового полка (после согласования с командующим артиллерией дивизии и командиром группы ПП) свои соображения по распределению и использованию артиллерийских и минометных подразделений полка. На основе принятого решения организует взаимодействие, управление и контролирует выполнение боевой задачи всеми подчиненными ему артиллерийскими и минометными подразделениями* [Сборник 4, 1948, с. 114].

Итак, *инструкция*, включающая дескриптивный компонент, является реактивным РЖ; реализующаяся только в побудительном контексте – инициативным. Инструкция не предполагает создание ответного документа, является конечным продуктом письменной деловой коммуникации в военном

дискурсе, вызывает устную реакцию адресата. *Положение* – инициативный РЖ (в большинстве случаев), не предполагающий коммуникативного ответа.

РЖ *инструктаж* – реактивный жанр, «жанр с прошлым» [Шмелёва, 1990, с. 29].

Высказывание возникает, когда командиру (начальнику) нужно объяснить приказание (в примере и далее выделено жирным шрифтом), дать более подробную информацию о его причинах и способах выполнения:

– ***Долго не засиживайтесь***, – говорит *Ширяев Игорю*. – ***Час – не больше. И за нами топайте. Строго на восток. На Кантемировку.***

Игорь молча кивает головой, раскачиваясь с ноги на ногу.

– ***Пулемет бросайте. Затвор выкиньте. Ленты, если останутся, забирайте.***

Через пять минут сарай пустеет. Я с Валегой тоже остаюсь, Ширяев уходит с четырнадцатью человеками. Из них четверо раненых, один тяжело. Его тащат на палатке [Некрасов, 1948, с. 34].

В данном примере способ выполнения приказания *И за нами топайте. Строго на восток. На Кантемировку* раскрывается в инструктивном высказывании *Пулемет бросайте. Затвор выкиньте. Ленты, если останутся, забирайте*, которое представляет собой набор команд, предупреждающих появление вопросов об организации военного похода.

Инструктаж чаще всего функционирует в одном высказывании с приказанием, формируя его инструктивную часть: – *Не теряйте бдительности!* – начальственно напомнил *Иванюта часовому*, расправляя под широким командирским ремнем гимнастерку. – *В такой туман враг может подползти* [Стаднюк, 1988, с. 258]. В данном примере инструктивное высказывание называет причину необходимости выполнения императивного действия: *Не теряйте бдительности*.

Говорящий может использовать специальные средства, обращающие внимание адресата речи на инструктаж. К ним относятся глаголы в форме повелительного наклонения с семантикой восприятия информации *слушай*,

смотри, запоминай, а также конструкция с модальным словом *вот*, употребляющейся при обобщениях, подведении итогов, выводов из чего-либо: ***Вот так*** – наконец сказал Бульбанюк. – *Орудия поставишь здесь. И высотку эту на заметку возьми. Там что-т. е.. В крайнем случае огнем накроешь. А орудия будешь переправлять последними. После рот. Вот так...* [Бондарев, 1984, с. 83].

Фактором будущего РЖ *инструктаж* является согласие или отрицание адресатом точки зрения говорящего. Поскольку адресат в армии – подчинённый, не имеющий права возражать вышестоящему командиру, чаще всего за инструктажем следует согласие, которое выражается в акте, содержащем оценку ситуации как ясной, доступной для понимания. Для этой цели используются предикативы *ясно, понятно*, конструкции с глаголом *понимать*:

– *Снимешь копию своих записей для меня... Если при выходе из окружения со мной что случится, передашь в политотдел мой приказ: ни один подвиг не должен быть забыт!.. Ни один! Поможешь составить политдонесение, и надо будет проследить, чтобы поступили представления к наградам.*

– ***Все понял, товарищ полковой комиссар...*** [Стаднюк, 1988, с. 455].

В текстах художественных произведений акт оценки понятности инструктажа может быть встроен в основное высказывание. В таком случае слова-стимулы, требующие ответной реакции исполнителя, появляются в речи инструктирующего: – <...> *Часов в пол-одиннадцатого пустим «кукурузников». Чуйков обещал мне, если надо. В одиннадцать начнешь атаку. Понятно?*

– ***Понятно, – тон у меня не очень уверенный.***

– *Никаких «ура». Без единого шороха. На брюхе все. Как пластуны. Только неожиданностью взять сможешь <...>* [Некрасов, 1948, с. 149–150].

После инструктажа, который оценён адресатом как понятный, следует речевой акт молчания: *Я совсем не могу понять, как я с тридцатью*

шестью, – нет, даже не с тридцатью шестью, а максимум с двадцатью бойцами, – смогу атаковать высоту, защищенную тремя основными, не считая вспомогательных, пулеметами и, наверное, еще заминированную. Я не говорю уже о том, что захватить – это еще полдела. Надо закрепить.

Но я стою – руки по швам – и молчу. Лучше провалиться сквозь землю, чем... [Некрасов, 1948, с. 150].

В словарях молчание толкуется как отсутствие говорения (ср.: *молчание* – ‘отсутствие речи, разговора’ [БАС, т. 2, ст. 1209]). Поэтому анализировать этот процесс, по мнению Е.С. Радионовой, можно только в коммуникативно-прагматическом контексте: «Нарушить (прервать) молчание можно только тогда, когда был прецедент говорения» (цит. по: [Копылова, 2014, с. 36]). Так, прагматика говорения характеризует, по словам Н.Д. Арутюновой, и его отсутствие: «Молчание адресовано, оно имеет мотив, а иногда и цель и может соотноситься с вполне определенным содержанием» [Арутюнова, 1994, с. 108].

Изучению молчания как РА посвящены фундаментальные работы Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1994], В.В. Богданова [Богданов, 2007], В.Г. Гака [Гак, 1998]. Руководствуясь их идеями, В.Н. Бабаян обобщает современные исследования молчания и выделяет «группы намерений», к которым относятся:

- 1) молчание как согласие;
- 2) молчание как незнание / избегание ответа, молчание как некомпетентность;
- 3) молчание как выражение негативных эмоций, а также аффективных состояний, психологически и физиологически парализующих речь;
- 4) молчание как потеря интереса к ситуации общения, к собеседнику;
- 5) молчание как вопрос;
- 6) молчание как стратегия защиты;
- 7) молчание как несогласие;
- 8) молчание как протест;

9) молчание как невмешательство [Бабаян, 2009].

Часто молчание адресата инструктажа является согласием с императивными действиями говорящего:

– *Коротко. Думаю так. Пока разведка окрест леса прощупает, малость передохнем. Нащупают немца или не нащупают, через часок двинем на север, во фланг немецкой обороне. Завяжем бой. Всё. Вопросы есть?*

Вопросов не было [Бондарев, 1984, с. 96].

Однако намерение молчать лейтенанта Керженцева – героя повести В.П. Некрасова – *Но я стою – руки по швам – и молчу. Лучше провалиться сквозь землю, чем...* [Некрасов, 1948, с. 150] заключается не в согласии с требованиями полковника, а в понимании безрезультативности и невозможности выполнения его указаний. Такой тип молчания обозначим как мнимое согласие, вызванное нежеланием спорить с командиром в целях сохранения его статусной характеристики как вышестоящего компетентного лица.

Согласие как перлокутивный эффект инструктажа может быть не выражено. Однако указания на действия адресата речи в будущем, соответствующие воле говорящего, позволяют выделить нулевой акт согласия (как и в приказании): *Как вспыхнет ракета, смотри налево... – от напряжения голос у меня слегка дрожит. – Увидишь бочку железную. Начнешь от нее... И вправо метров на пятьдесят... В три ряда... В шахматном... Как говорили* [Некрасов, 1948 с. 143]. Следующий за инструктажем фрагмент описывает действия подчинённого, который не только выполнил указания, но и проанализировал их, сопоставил с ситуацией и предложил более эффективное решение:

– *Товарищ лейтенант...*

– *Что?*

– *Я немножко выше возьму. А то замерзнет вода, и тогда...*

Опять ракета. Гаркуша наваливается прямо на меня. Вдавливаюсь лицом в землю. Стараюсь не дышать. Рот, нос, уши полны воды и грязи. Ракета гаснет. Я поднимаю голову и говорю:

– Хорошо [Некрасов, 1948, с. 143].

Так, рассмотрение параметров «фактор прошлого» и «фактор будущего» позволяет сделать следующие выводы:

1) РЖ *инструкция* является реактивным жанром в том случае, если включает дескриптивный компонент, реализация императивной интенции формирует инициативный РЖ. *Инструктаж* является реактивным жанром: в его основе лежит приказание; находясь в зависимом положении, *инструктаж* может быть частью приказания, организуя вместе с ним единое высказывание.

2) *Инструкция* не предполагает создание ответного документа, является конечным продуктом письменной деловой коммуникации в военном дискурсе, вызывает устную реакцию адресата (*есть, так точно*). «Фактором будущего» РЖ *инструктаж* является оценочный жанр *согласие*, который может быть как эксплицитным (в высказывании функционируют слова *ясно, понятно* и др.), так и имплицитным, нулевым, трансформируясь в РА *молчание*, который позволяет оценивать согласие адресата речи как настоящее и мнимое. Эксплицитное согласие как реакция на содержание *инструкции* не может быть мнимым: зафиксированные в письменном виде указания являются общепринятыми и объективными, что обуславливает невозможность их непринятия со стороны адресата. Субъективный *инструктаж* искажает реальность: внешние условия не соответствуют предписанным действиям. Мнимое согласие адресата речи с говорящим отражает трагизм ситуации.

4.6. Лингвальная специфика императивных речевых жанров регламентирующего подтипа

О.В. Хорохордина базовой интенцией регламентирующих ДТ называет прескриптивную и выделяет формально-семантические типы вербальных инструкций: собственно прескриптивный, ограничительно-прескриптивный, наглядно-прескриптивный и вопросительно-прескриптивный [Хорохордина, 2017, с. 265]. Они различаются степенью проявления директивной тональности: от категоричного волеизъявления до мягкой прескрипции. Согласимся с исследователем и отметим, что в письменной сфере военного делового дискурса функционируют два типа регламентирующих РЖ: собственно прескриптивный и ограничительно-прескриптивный.

Наиболее частотны конструкции второго типа, имеющие, по словам О.В. Хорохориной, «явно выраженную директивную тональность», уравновешенную «информативной нацеленностью текста» [Там же, с. 266].

Высказывания, которые утверждают нормативный статус действия, устанавливают правила поведения, организуют регламентирующие ДТ в военном деловом дискурсе. Они базируются на использовании конструкций:

1) с индикативными формами действительного залога: *В основном группы саперов-истребителей танков действуют ночью* [Сборник 3, 1947, с. 116];

2) с индикативными формами страдательного залога: *Проделанные в заграждениях противника проходы в ночь перед атакой обозначаются условными сигнальными знаками согласно разделу 1, пункт 6* [Сборник 3, 1947, с. 35];

3) со значением долженствования (маркёром являются лексические единицы *должен, обязан*): *Войска 29-й армии должны быть готовы из любого положения перейти в наступление с целью окружения и полного уничтожения противника* [Сборник 1, 1947, с. 8].

Сказуемые, которые организуют высказывания ограничительно-прескриптивного типа инструкций, выражают деонтическую модальность. А.А. Ивин и А.Л. Никифоров определяют её как «характеристику практического действия с точки зрения определенной системы норм» [Ивин, Никифоров, 1997, с. 80]. Учёные говорят, что модальность долженствования выражается понятиями *обязательно, разрешено, запрещено, (нормативно) безразлично*.

На этом основании к группе конструкции со значением долженствования отнесём конструкции:

– со значением необходимости (*следует, необходимо, нужно, надо*):
*Для достижения абсолютной внезапности на артиллерийскую подготовку **нужно** отводить минимальное время и не более 15 мин.* [Сборник 1, 1947, с. 21];

– со значением разрешения (*можно, может быть, допустимо*):
*В горных лесах с большим успехом **можно** применять перед наступлением высылку в тыл противника диверсионных групп, вооруженных автоматами и ВВ* [Сборник 3, 1947, с. 6];

– со значением «запрет», для выражения которого используются лексические единицы *нельзя, запрещено, воспрещено*: *В пути следования личному составу **воспрещается**: а) переходить со своих мест, б) курить и разговаривать, в) высовываться за борт, г) выполнять постороннюю работу, кроме своих обязанностей* [Сборник 2, 1947, с. 105].

Структуру некоторых нормативных высказываний организует понятие «желательность» (см: *желательно* – ‘полезно, хорошо, нужно’ [Ушаков, 2013, с. 852]), в значении которого отсутствует сема категорической обязательности: ***Желательно** для пропуска танков выбрать направления, не прикрытые противотанковыми минами. Проходы делать на основе тактического решения* [Сборник 3, 1947, с. 34]. Сюда относим инструктивные высказывания, в составе которых функционируют лексические единицы *целесообразнее, целесообразно, полезно,*

предпочтительно, лучше, выгодно, выгоднее, удобно: Для уточнения цели, по которой должна действовать авиация, полезно применять, по предварительной договоренности авиационного и наземного командования, артогонь дымовыми снарядами по целям или району цели [Сборник 3, 1947, с. 10].

А.А. Ивин и А.Л. Никифоров указывают, что «обязательность» объясняется через систему санкций: «действие обязательно, когда воздержание от него влечет за собой наказание» [Ивин, Никифоров, 1997, с. 82]. Неисполнение действия, организованного понятиями «желательность» и «разрешение», не предполагает карательных мер, его ценность выражается понятиями «хорошо», «плохо», «безразлично». Согласимся с учёными, которые пишут, что «нормы являются частным случаем оценок. Это дает основание определить “обязательно” через “хорошо”: действие обязательно, когда оно представляет собой позитивную ценность, и хорошо, что воздержание от него ведет к наказанию» [Там же]. Рассуждение А.А. Ивина и А.Л. Никифорова ведут к мысли о том, что взыскание за неисполнение желательного или разрешенного действия военнослужащие получают в том случае, если условия деятельности, указанные в ДТ, соответствуют реальной ситуации. Так, например, в контексте *Желательно для пропуска танков выбирать направления, не прикрытые противотанковыми минами* [Сборник 3, 1947, с. 34] условием успешного исполнения действия является отсутствие заминированных территорий. Если таковых не имеется, адресату речи необходимо выбрать иной способ решения поставленной задачи, в данном случае – проявить умение *делать проходы на основе тактического решения* [Там же, с. 10].

Ситуация выбора, в основе которой лежит интенция *научить*, описывается и с помощью синтаксических условных конструкций:

1) сочетаний отглагольных имен существительных с предлогом *при*: ***При подходе к берегу противника на 600-800 м буксиры разворачиваются от головного вправо и влево и продолжают движение с расчетом подхода***

к берегу на необходимом участке на расстоянии не менее 200 м друг от друга. **При нападении** катеров противника каждый понтон ведет борьбу самостоятельно, ведя огонь по ним из 45-мм орудий или станковых пулеметов [Сборник 3, 1947, с. 195];

2) сложноподчиненных предложений с придаточными условия: *Если проходы полностью сделать невозможно (близкое расположение минных полей от огневых точек противника и губительный огонь), то устройство проходов производится силами артиллерии или для устройства проходов привлекаются тралы непосредственно в момент атаки* [Там же, с. 35];

3) предложений, в которых функционируют предлоги *в случае, в случаях*: *В случаях, когда в оборонительном районе батальона имеется только одно наиболее вероятное танкоопасное направление, основные ПТ средства сосредоточиваются на этом направлении* [Сборник 3, 1947, с. 6].

Подобные высказывания описывают потенциально возможную ситуацию, глаголы в форме «настоящего обобщенного характера» [Бондарко, 1990, с. 340] организуют вневременной контекст, цель которого – указать на способы выполнения действий «только так, а не иначе» при соответствии реальных условий заданным.

Итак, отношения необходимости, долженствования, разрешения в ограничительно-прескриптивных конструкциях лексически выражаются при помощи регулярных средств: модальных глаголов *следовать, мочь*, форм кратких прилагательных и причастий *должен / должно, необходимо, обязан*, слов категории состояния *можно, нужно, надо*. Реже представлены конструкции со значением запрета или желательности. Условные синтаксические конструкции предназначены для описания ситуации выбора при реализации интенции *научить*.

Ограничительно-прескриптивному формально-семантическому типу соответствуют ДТ инструкций и положений.

Собственно прескриптивный тип менее частотен в военном деловом дискурсе. Ему соответствуют только ДТ инструкции. Характеристикой этого

типа О.В. Хорохордина называет максимальную степень императивности, что находит выражение в использовании следующих синтаксических конструкций:

1) с инфинитивами: *Командир штурмовой группы, разведав характер сооружений, принимает решение и ставит задачу: команде огневой, обеспечения, орудия, ружьям ПТР, снайперам, пулеметам занять указанные позиции и вести огонь по амбразурам и появляющейся из сооружений пехоте противника до сигнала <...>* [Сборник 3, 1947, с. 102];

2) номинативные конструкции, цель которых – указание способа осуществления действия или обозначение боевой задачи: *Средства передвижения – автомашины, лошади* [Сборник 4, 1948, с. 54];

3) с прохибитивами: *Не допускать никаких нарушений маскировки, пресекать на месте всякое нарушение требований скрытного движения и расположения войск на месте* [Сборник 6, 1947, с. 27].

Наблюдение за текстами регламентирующих ДТ позволяет прийти к выводу о том, что собственно прескриптивный, императивный компонент характеризует те фрагменты инструкции, которые определяют цели и задачи боевой деятельности и обусловлены базовой интенцией *предписать*.

Лингвистические портреты *инструкции* и *положения*, отличающие их друг от друга и организующие регламентирующие РЖ в отдельный тип, создают описанные выше средства реализации их жанрообразующих интенций.

О.В. Хорохордина пишет, что «инструктивный способ изложения – это набор вариантов типовых средств языкового выражения инструктивной содержательно-интенциональной основы» [Хорохордина, 2017, с. 301]. Согласимся с мнением исследователя и опишем регулярные средства выражения основной жанрообразующей интенции изучаемого РЖ *научить*, реализующейся в художественных текстах военного дискурса. Как и в письменных РЖ, так и в устных выделим собственно прескриптивный и ограничительно-прескриптивный типы РЖ *инструктаж*.

Инструктивные высказывания первого типа реализуются в следующих конструкциях:

1) Конструкции с глаголами в форме повелительного наклонения в единственном и множественном числе: – *Водолазов, ты заходи справа, а я – слева, – передал я по радио. <Возьмем эту машину в клещи. Бьешь по правому мотору, понял? Я врежу по кабине>* [Андрианов, 1983, с. 72]. Такая менее категоричная конструкция позволяет организовать, по словам О.В. Хорохординой, инструкцию-совет [Хорохордина, 2017, с. 269].

2) Инфинитивные конструкции, которые в инструктивном тексте, по словам авторов «Коммуникативной грамматики русского языка», означают «прямую направленность предписаний на читателя – потенциального исполнителя» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 351]: *Бросить стремя, руки в стороны, галопом на препятствие!* [Владимов, 1998, с. 343].

3) Конструкции с глаголами совершенного вида в форме 1-го лица множественного числа: *<Водолазов, ты заходи справа, а я – слева, – передал я по радио>. Возьмем эту машину в клещи. <Бьешь по правому мотору, понял? Я врежу по кабине>* [Андрианов, 1983, с. 72].

В пределах одного высказывания могут использоваться конструкции с разными глагольными формами: это позволяет установить порядок действий коммуникантов: глаголы *заходи, бьешь* в предыдущем примере указывают на первого исполнителя действия; *врежу* – на второго деятеля. Глагольная форма *возьмем* имеет значение совместного лица, позволяет совместить образы волеизъявителя и исполнителя в один. В таких контекстах жанр *инструктаж* проявляет себя как совместительский, предполагающий «исполнение действий всеми участниками коммуникации» [Шмелёва, 1990, с. 26], о чём мы говорили ранее (см. с. 173).

Перечисленные конструкции (1) – (3) используются в речевых ситуациях в момент, непосредственно предшествующий боевой операции.

4) Конструкции с глаголами совершенного вида в форме 2-го лица единственного или множественного числа – будущее время глагола: *Увидишь*

бочку железную. Начнешь от нее... И вправо метров на пятьдесят... В три ряда... В шахматном... [Некрасов, 1948, с. 143]. О.В. Хорохордина называет эту разновидность инструктажа инструкцией-планом [Хорохордина, 2017, с. 270], поскольку время исполнения волеизъявления смещено далеко в будущее. Эта конструкция (наряду с предыдущими тремя) позволяет организовать «перспективу следующих друг за другом объектно-направленных действий», целью высказывания становится «не результат, не переход от одной ситуации к другой, а точность осуществления самого процесса, соблюдение всех условий его исполнения» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 351].

5) Номинативные конструкции: *Индивидуальный пакет у меня в правом кармане гимнастерки, а большой пакет в брюках* [Аверичева, 1966, с. 200].

Инструктивные высказывания второго типа реализуются в конструкциях:

1) Конструкции со значением долженствования, необходимости, разрешения: *Так помните: в четыре вы должны быть здесь, иначе пехота пойдет в разведку боем и вы, если не вернетесь к этому времени, можете попасть в переплет, под огонь своих батарей* [Там же, с. 231].

2) Сложноподчиненные предложения с союзом *если / ежели*: *Если собьют немцы нас с рубежа и расчленят, действуйте самостоятельно. Сзади нас до самого Смоленска никого, кроме слабенького подвижного отряда из шестнадцатой армии, нет... В случае захвата врагом Смоленска будем пробиваться из окружения...* [Стаднюк, 1988, с. 557].

3) Сложные предложения с придаточным времени, средством соединения частей которого служат союзы *как, как только, когда, пока*, при помощи которых выражается значение непосредственного следования: интервал между событиями минимален либо вовсе отсутствует [Грамматика-80, т. 2, с. 549]: *Как стемнеет,пустишь разведку. <...> Пустите разведку, как только стемнеет. Затем... <...> Часов в пол-одиннадцатого пустим «кукурузников»* [Некрасов, 1948, с. 149].

4) Индикатив 3-го лица (глаголы как страдательного, так и действительного залога), функцией которого является установление правил поведения адресата: *Никакой очередности. И первая и вторая команды **подаются** во все цехи одновременно. Взрывать, значит, тоже одновременно. После взрыва соберетесь у пристани. Вы знаете, Львович, где. **Будет** моторка* [Некрасов, 1948, с. 81].

5) Простые предложения с предлогами *в случае (в крайнем случае, на всякий случай), при условии: Я решил встретить врага на основной позиции и, не открывая огня, предложить ему сдаться. **В случае** сопротивления одного убить, а второго все ж таки взять живым. На запасной позиции оставить все имущество под охраной бойца Четвертак. Боевые действия начинать только по моей команде* [Васильев, 1994, т. 1, с. 234].

6) Бессоюзные сложные предложения, первая часть которых содержит значение условия: – *Осторожней! Ноги лошадям не переломать! Расчеты од-держивай!* – *скомандовал Дроздовский, подъезжая на лошади к краю спуска. – Командиры взводов!.. **Погубим лошадей – на себе орудия покатым!** Одерживай! Медленней! Медленней!* [Бондарев, 1972, с. 57].

Высказывания второго типа (2), (3), (5), (6) выражают условные отношения, поэтому гипотетичны (с различной степенью вероятности возникновения ситуаций). Но именно они позволяют считать адресата речи не только исполнителем воли говорящего, но и аналитиком: он «должен сначала воспринять и осмыслить инструкцию и только потом действовать» [Хорохордина, 2017, с. 270].

Итак, функционирование двух разновидностей РЖ *инструктаж* позволяет реализовать все его функции: упорядочить действия, объяснить их необходимость и стимулировать исполнителя совершать правильный выбор из ряда гипотетических вариантов.

Сравним способы языкового воплощения РЖ *инструкция* и РЖ *инструктаж*. Представим в таблицах количество предъявлений

обозначенных нами способов языкового выражения императивности в РЖ *инструкция* (табл. 5) и *инструктаж* (табл. 6: с. 200). Подсчёт осуществлён на основании 20 ДТ инструкций (1689 предъявлений) и 71 контекста (269 предъявлений), реализующих РЖ *инструктаж*.

Табл. 5 – Способы языкового воплощения РЖ *инструкция* (на основе анализа ДТ *инструкций*)

Способы языкового воплощения	Количество предъявлений
Ограничительно-прескриптивный тип РЖ	
Конструкции со значением долженствования	409 (24,21 %)
Страдательный залог глаголов	384 (23,5 %)
Индикативная форма глаголов 3-го лица	359 (21,97%)
Сочетания отглагольных имен существительных с предлогами <i>при, в случае</i>	248 (14,68 %)
Сложноподчиненные предложения с придаточными условия	29 (1,77 %)
Собственно прескриптивный тип РЖ	
Инфинитивные конструкции	158 (9,67 %)
Номинативные конструкции	32 (1,96 %)
Прохибитивные конструкции	20 (1,22 %)

Так, наиболее частотными способами воплощения РЖ *инструкция* являются конструкции с индикативными формами страдательного и действительного залога (индикатив 3-го лица), конструкции со значением долженствования и необходимости, наиболее частотным способом отражения ситуации выбора являются сочетания отглагольных имён существительных с предлогом *при*.

Табл. 6 – Способы языкового воплощения РЖ *инструктаж*

Способы языкового воплощения	Количество предъявлений
Собственно прескриптивный тип РЖ	
Конструкции с глагольным императивом	76 (28,25 %)
Инфинитивные конструкции	40 (14,87 %)
Конструкции с глаголами совершенного вида в форме 2-го лица единственного или множественного числа	28 (10,4 %)
Конструкции с глаголами совершенного вида в форме 1-го лица множественного числа	24 (8,92 %)
Номинативные конструкции	24 (8,92 %)
Прохибитивные конструкции	15 (5,57 %)
Ограничительно-прескриптивный тип РЖ	
Конструкции со значением долженствования	25 (9,29 %)
Сложноподчиненные предложения с союзом <i>если / ежели</i>	15 (5,57 %)
Сложные предложения с придаточным времени, средством соединения частей которого служат союзы <i>как, как только, когда, пока</i>	15 (5,57 %)
Предложения с предлогами <i>в случае, при условии, в крайнем случае, на всякий случай</i>	10 (3,72 %)
Индикативная форма глаголов 3-го лица	7 (2,6 %)
Пассив	4 (1,5 %)
Бессоюзные сложные предложения, первая часть которых содержит значение условия	3 (1,12 %)

В рассмотренных нами художественных произведениях о войне чаще реализуется функция предписания: из 269 случаев 217 предъявлений – языковые средства, отнесённые нами к собственно прескриптивному типу РЖ *инструктаж*. Второй тип – ограничительно-прескриптивный – направлен на информирование адресата о возможности возникновения различных вариантов протекания ситуации, а также на описание тактик

осуществления действий исполнителем, выбираемых им в зависимости от внешних обстоятельств.

Важным становится наблюдение над преобладающими типами письменных и устных РЖ. Изучение РЖ *инструкция* позволило отметить доминирующую позицию ограничительно-прескриптивного типа жанра, в то время как в устной речи превалирует собственно ограничительный (см. рис. 4), что затрудняет процесс дифференциации таких РЖ императивного типа, как *инструктаж* и *приказание*.

Основными параметрами различия *инструктажа* и *приказания* мы считаем: интенцию (в *инструктаже* реализуется обучающая функция, в *приказании* только призыв к действию); время порождения речи

(*инструктаж* имеет достаточно длительную отсрочку от момента исполнения императивных действий, в то время как *приказание* исполняется незамедлительно); диктум (*инструктаж* полисобытийен, *приказание* же может быть монособытийным).

Сравним способы языковой реализации РЖ *инструкция* и *инструктаж*. Представим это в рис. 5 (см.: с. 202) и рис. 6 (см.: с. 203).

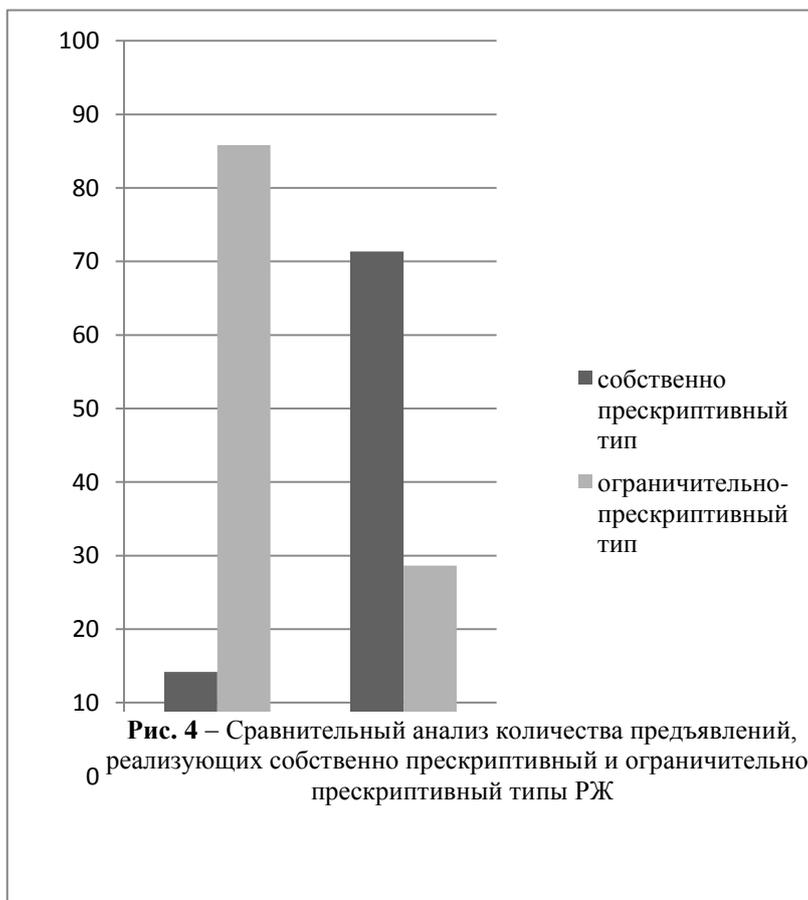

Рис. 4 – Сравнительный анализ количества предъявлений, реализующих собственно прескриптивный и ограничительно-прескриптивный типы РЖ

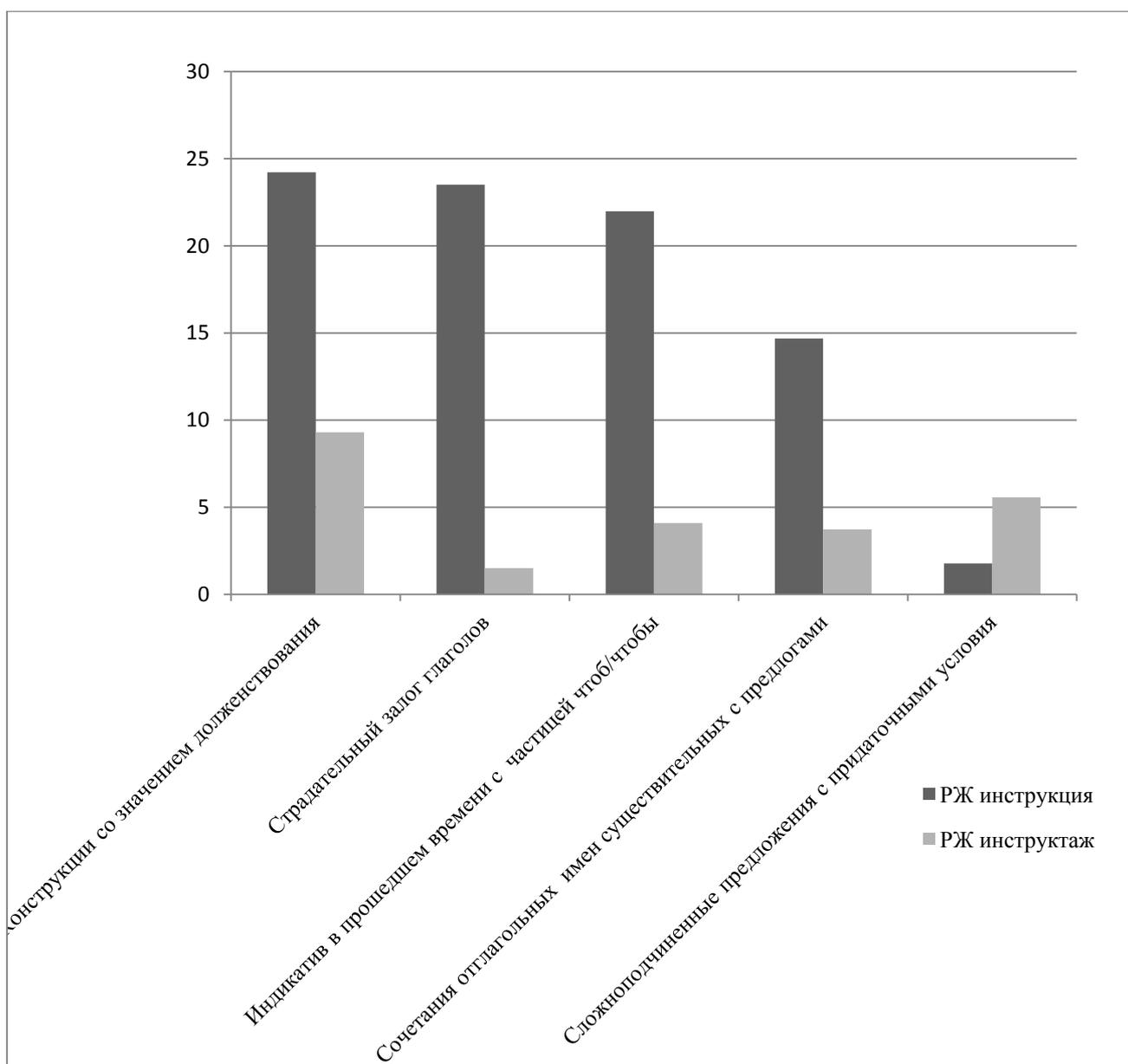

Рис. 5 – Сравнение количества предъявлений наиболее частотных способов реализации РЖ *инструкция* и *инструктаж* ограничительно-прескриптивного типа

Обращает на себя внимание значительное преобладание количества случаев реализации ограничительно-прескриптивного типа РЖ *инструкция*. Единственный способ, который используется чаще в устном жанре, – сложноподчиненные предложения с придаточными условия. Для письменной формы более характерным является выражение условных отношений с помощью отглагольных существительных с предлогами *при, в случае*, что является типичным признаком официально-делового стиля речи.

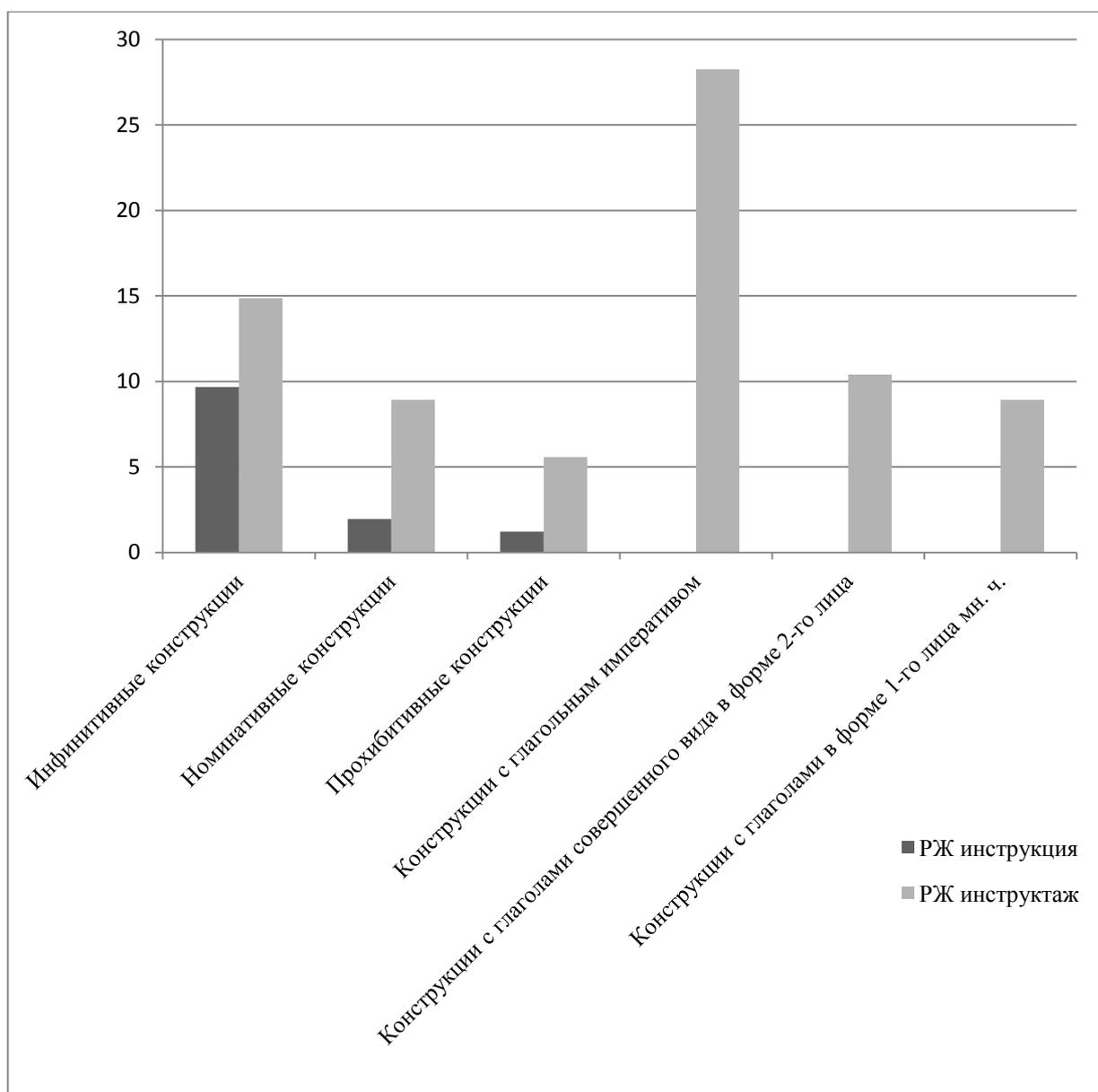

Рис. 6 – Сравнение количества предъявлений наиболее частотных способов реализации РЖ *инструкция* и *инструктаж* собственно прескриптивного типа

Характерным способом выражения предписания в устном жанре является императивная форма глагола, которая совершенно не используется в РЖ *инструкция*, как не используются частотные для *инструктажа* конструкции с глаголами будущего времени в форме 2-го лица и в форме 1-го лица множественного числа. Так, глагольные формы являются грамматическими средствами выражения лично ориентированной направленности инструктажа, отражают процесс воздействия говорящего на конкретного адресата. Иные конструкции репрезентируют ситуацию общения, адресат в котором абстрактен, не определён, поскольку автору речи

безразлично, кто будет выполнять действие, главным в таком случае является не исполнитель, а результат операции.

Автор инструктажа старается избегать конструкций, выражающих деонтическую модальность посредством использования лексических единиц *должен, необходимо, надо, следует, можно* и др. Это связано с тем, что содержание инструктивного высказывания формируется знаниями самого говорящего, единолично несущего ответственность за волеизъявление. Автор речи допускает возможность трансформации своего указания, если это обеспечит бóльшую эффективность действий при решении боевой задачи. Инструкция мотивирована массовыми фактами прошлого, опытом, который получают представители социальной общности на протяжении достаточно длительного временного периода. Знания агентов военной сферы деятельности фиксируются в документных текстах уставов, наставлений, указаний и становятся обязательными для выполнения их подчинёнными, креативный подход со стороны которых не приветствуется. На этом основании модальные слова становятся важнейшими экспликаторами прескриптивных действий, ограниченными не столько волей конкретного автора речи, сколько опытом массового регламентирующего агента.

Факты прошлого многочисленны, поэтому речевое действие инструктирующего предполагает перечисление всех (или самых частотных) тактик решения задачи и выбор исполнителем приёмов, наиболее адекватных реальной ситуации. Именно этим обусловлена информативная нацеленность ДТ инструкций. Инструктирующие высказывания текстов художественных произведений детерминированы необходимостью эффективного решения конкретной боевой задачи, директивная тональность инструктажа доминирует над его информативной функцией, что доказывают средства языковой реализации РЖ.

Выводы

В процессе коммуникативно-прагматического анализа императивных речевых жанров регламентирующего подтипа, функционирующих в военном деловом и художественном дискурсах, нами выявлены следующие особенности, общие для делового устного РЖ *инструктаж* и письменного РЖ *инструкция*:

1. Коммуникативные цели рассматриваемых РЖ заключаются в сообщении автором речи требований к организации деятельности, направленной на выполнение боевой задачи.

2. Функционирование интенции *научить*.

3. Возможность номинирования *инструкции* и *инструктажа* совместительскими жанрами, когда императивное действие направлено не только на адресата, но и на адресанта речи.

4. Полисобытийность жанров.

5. РЖ функционируют во время подготовки к боевым действиям, предшествуют им и определяют содержание приказаний, которые отдаются командирами непосредственно в момент протекания боевой операции.

6. Основная сфера функционирования регламентирующих РЖ *инструкция* и *инструктаж* – физическая сфера деятельности.

7. Темпоральные характеристики РЖ регламентирующего подтипа определяют реактивную форму их существования.

8. *Инструкция* и *инструктаж* инициируют устную реакцию адресата речи, которая порождает речевой жанр *согласие*. Кроме материально выраженной, согласие может иметь и имплицитную форму существования: в письменной коммуникации её признаком является отсутствие ответного документа, в устной – актуализация РА молчание. В основе скрытых реакций – исключение возможности невыполнения милитарными агентами предписаний *инструкции* и *инструктажа*.

9. Обе жанровые формы представлены собственно прескриптивным и ограничительно-прескриптивным формально-семантическими типами средств выражения императивной (директивной) тональности.

Специфическими характеристиками *инструктажа* становятся следующие черты:

1. Сфера распространения ограничена областью решения конкретной боевой задачи, для устного жанра характерно сужение темпорально-локативного пространства.

2. Участники устной коммуникации конкретны.

3. *Инструктаж* зависит от *приказания* и может быть его частью, что объясняет тяготение устного регламентирующего жанра к неисполнительской разновидности РЖ и преобладание таких языковых средств его воплощения, как императивная форма глаголов и иных собственно ограничительных конструкций.

4. *Инструктаж* имеет лично ориентированную направленность, отражает процесс воздействия говорящего на конкретного адресата. Его содержание формируется знаниями автора речи, единолично несущего ответственность за волеизъявление. РЖ сохраняет возможность трансформации императивного действия в том случае, если это обосновано повышением эффективности его результатов.

5. Директивная тональность *инструктажа* доминирует над его информативной функцией, что доказывают средства языковой реализации РЖ.

Перечисленные признаки РЖ характеризуют институциональную (деловую) разновидность военного дискурса. Признаком неинституциональной разновидности является перлокутивная характеристика *инструктажа*, инициирующая РЖ *мнимое согласие*. Его экспликатором является РА *молчание* подчинённого, статус которого не допускает возражения вышестоящему адресанту. Абсурдность

императивного действия говорящего является аномальной характеристикой военного дискурса и не позволяет согласию стать эксплицитным РЖ.

В процессе ассимиляции устных и письменных жанров регламентирующего типа *инструктаж* не принимает следующие черты *инструкции*:

1. Основную жанрообразующую интенцию *регламентировать*, которая в художественном дискурсе лишается функции нормирования.

2. Универсальность и объективность *инструкции*, апелляцию её содержания к модели гипотетической ситуации, связанную с этим абстрактность, имплицитность коммуникантов.

3. Направленность императивного действия на всех участников коммуникации.

4. Возможность композиционного членения текста.

5. Мотивированность опытом массового регламентирующего агента, информативность, стабильность предписаний, их неспособность к трансформации.

Глава 5. Речевые жанры информативного типа в военном дискурсе

5.1. Характеристики речевых жанров информативного типа

Целью жанров информативного типа Т.В. Шмелёва называет «различные операции с информацией: её предъявление или запрос, подтверждение или опровержение» [Шмелёва, 1997]. Под *РЖ информативного типа военного делового дискурса* нами понимается универсальная модель организации речевого произведения (зафиксированная в боевом или служебном ДТ), предназначенная для приёма, передачи или сохранения информации.

К продуктам реализации деловых РЖ информативного типа военного дискурса, реализующимся в письменной форме речи, мы, вслед за И.В. Уткиной, относим ДТ докладов, актов, донесений, сводок, отчётов, рекомендаций, справок [Уткина, 2006а, с. 72–73]. Анализируя материал сборников боевых документов Великой Отечественной войны, мы выявили наиболее распространённые типы информативных текстов: *сводку, донесение и доклад*. Их доминирование связано со спецификой боевой деятельности, основной целью которой являются подготовка и проведение наступления или организация обороны. Военная информация поступает из различных источников информирования, но в первую очередь – из документов информативного типа. Это обуславливает необходимость анализа таких ДТ, как сводка, донесение и доклад, реализующих письменный РЖ *доклад*.

Устным жанром речевого общения военнослужащих мы, вслед за И.В. Уткиной [Уткина, 2006а], считаем *доклад*, который не является проговариванием письменного ДТ доклада, а представляет собой совершенно иное образование. В нашем исследовании термин *устный доклад* мы будем считать тождественным термину *рапорт*. Необходимость закрепления различных названий за разными РЖ обусловлена стремлением к терминологической ясности и чёткости настоящего исследования.

И.В. Уткина основной функцией устного РЖ *доклад* называет сообщение какой-либо информации небольшого объёма и актуальной только на данный момент [Уткина, 2006а, с. 93]. Однако в сферу научного интереса И.В. Уткиной попадает только тот *доклад*, который является фиксированным и предусмотрен Уставом. Это обусловлено спецификой речевого общения военнослужащих в учебно-профессиональной сфере. Границы нашего исследования иные: мы рассматриваем деловые РЖ военного дискурса, которые функционируют на поле боя (и на смежных с ним территориях) в период подготовки или осуществления боевых операций. Специфика РЖ обусловлена этими временными и пространственными рамками. Сфера речевого общения предполагает бытование письменных РЖ *сводка*, *доклад* и *отчёт* и устного РЖ *рапорт*. Рассмотрим их коммуникативно-прагматические особенности.

5.2. Коммуникативная цель речевых жанров информативного типа

Коммуникативная цель РЖ информативного типа определена самим названием этой группы, поэтому основной интенцией описываемых жанров является *информировать, сообщить* (*информировать* – ‘сообщить, осведомить о состоянии чего-н., о положении дел’ [РСС, т. 4, с. 463]). Однако появление в составе группы разных видов ДТ указывает на различия в целевых установках. Рассмотрим определения терминов, номинирующих *сводку*, *донесение* и *доклад*.

Итак, *сводка* – это: 1) отчётно-информационный документ штаба соединений, объединений, штабов тыла, родов войск и служб, содержащий обобщённые данные о положении и действиях своих войск и противника обычно за сутки [ВЭС, 2001, т. 2, с. 527]; 2) объединённые, сведённые вместе данные, сведения о чём-либо [БАС, т. 13, ст. 419]; 3) документ, в котором подобраны и объединены какие-либо сведения, данные [МАС, т. 4, с. 54].

Определения *сводки* позволяют говорить о том, что представленная в тексте документа информация хоть и неоднородна, но объединена по неким признакам, которыми в военном дискурсе выступает локализация в пространстве и ограничение по времени. Так, например, в *оперативной сводке Штаба Брянского фронта № 01 к 8 часам 19.08.1941 г. о положении и боевых действиях* представлен перечень операций, осуществлённых за прошедшие сутки армиями фронта на картах **100 000 и 500 000** (выделено нами. – А.О.) [Сборник 43, 1960, с. 31].

Цель *сводки* – проинформировать о боевых действиях, произошедших на определённой территории за указанный промежуток времени. Особенностью текста становится его перечислительный характер, временная, пространственная и тематическая ограниченность. Отметим, что текст *сводки* носит обобщающий характер, его содержание представляет информация, поступившая к адресанту речи путём устных или письменных донесений.

Донесение – это 1) боевой или служебный отчётно-информационный документ, разрабатываемый штабом и другими органами управления в мирное и военное время с целью сообщения определённых сведений вышестоящему командиру (начальнику) или штабу [ВЭС, 2001, т. 1, с. 530]; 2) устное или письменное официальное сообщение каких-либо сведений руководителю, начальнику [МАС, т. 1, с. 428].

Основной целью *донесения*, как и *сводки*, является сообщение сведений определённого характера (ср.: *доносить* – ‘докладывать, сообщать, извещать’ [БАС, т. 3, ст. 980]). Текст *донесения* может иметь несколько компонентов. Функцией обязательной структурной части является информирование, констатация фактов. Маркёрами сообщения становятся глаголы *докладывать, доносить*: *Докладываю обстановку на фронте за истекший день 9.4.42.* [РА, 1997, с. 341]; *Болдин, Лукин, Ванеев донесли, что в ночь на 12.10.41 г. частями Лукина и Болдина совершен прорыв <...>* [Там же, с. 101].

Э. Миддельдорф пишет, что «доносящий должен воздерживаться от каких-либо собственных выводов. Его задача состоит лишь в том, чтобы заметить и доложить о замеченном, тогда как получающий донесение должен оценивать значение поступившей информации во взаимосвязи с общей обстановкой» [Миддельдорф, 1960, с. 45–46]. Тем не менее констатирующие части текстов донесений включают аналитическую информацию, в которой содержатся выводы (*Таким образом, 10 резервная армия не может надежно обеспечить Донбасс, которому сейчас создается непосредственная угроза* [Сборник 42, 1960, с. 72]). Маркёрами таких высказываний являются конструкции *можно сделать вывод, в результате, таким образом, все эти факты говорят о <...>, все эти примеры свидетельствуют о том, что <...>: Таким образом, в результате трехдневных боев 18 и 9 А нанесено поражение ГСК и кавкорпусу румын, оттянуты с крымского направления две пд немцев и значительная часть авиации* [Там же, с. 64].

Часто, кроме информативной части, тексты донесений содержат побудительный компонент, который реализует императивную интенцию *просить*. Маркёром волеизъявления является глагол *просить*: *Одновременно для перехода к активным действиям по уничтожению прорвавшихся частей бронегруппы Клейста Военный совет фронта **просит** выделить в его распоряжение: две-три сд, одну-две тбр и возможное количество авиации* [Там же, с. 64]; ***просим** санкционировать данную операцию* [Там же с. 161]. Смысл подобного донесения состоит не в информировании, а в реализации побудительной интенции, поскольку в тексте документа содержится не вся информация за данный период времени (как в сводке), а лишь та, которая обосновывает просьбу адресанта речи. Иллокутивной целью подобного донесения является попытка побудить адресата речи к определённому действию, обозначенному в заключительной части ДТ.

Реже высказывания, организующие побудительный компонент донесения, обладают большей степенью императивности, которая выражается наречиями со значением незамедлительности действия: *Считал*

бы необходимым из резерва Верховного Командования **немедленно** выдвинуть в Клин, Новопетровское, Кубинка, Красная Пахра и Подольск артиллерию ПТО и танковые части [РА, 1997, с. 106]. Смягчению жёсткого побуждения в тексте информативного документа служит предикат, выраженный глаголом в сослагательном наклонении *считал бы*, позволяющим реализовать рекомендательную интенцию *предлагать*.

Таким образом, в ДТ *донесений* реализуется несколько интенций: *сообщить, просить и предлагать*.

Термин *доклад* многозначен, поэтому считаем необходимым уточнить его значение в рамках настоящего исследования. Обращение к словарям и исследованиям позволило нам найти следующие определения данного термина.

Доклад (рапорт) – 1) официальное устное или письменное сообщение начальству, вышестоящему лицу о служебном деле [МАС, т. 1, с. 419]; 2) устное сообщение (секретаря, лакея и т.п.) о приходе гостя, посетителя [Горбачевич, 2008, с. 214]; 3) 3. устное сообщение человека А1 лицу А3, имеющему более высокий статус, об актуальных в момент речи событиях А2, о которых А3 обязан знать, а А1 обязан сообщать ему, или текст этого сообщения [А2 – какие-л. аспекты жизни социума]; 4. устное сообщение человека А1, которое А1 делает по обязанности человеку А2 с более высоким статусом, о приходе к А2 посетителя [обычно А1 – слуга или секретарь] [Апресян, 2017, с. 194]; 4) устное или письменное сообщение о служебном деле руководителю, начальнику, хозяину и т. п. [БАС, т. 3, ст. 912]; 5) служебный документ, содержащий сведения о выполнении планов, заданий, проведении мероприятий и другие сведения, представляемые вышестоящему командиру (начальнику) [Инструкция, 2000, с. 49].

Представленные толкования позволяют:

– назвать доклад жанром, обслуживающим официально-деловую сферу общения военнослужащих, что предусматривает определённые требования как к его структуре, так и к отбору языковых средств;

– выделить основную жанрообразующую интенцию *сообщить*, что позволяет отнести доклад к группе информативных РЖ (по типологии Т.В. Шмелёвой [Шмелёва, 1995, с. 61]);

– определить как письменную (*доклад*), так и устную (*рапорт*) форму бытования РЖ в дискурсе. Доклад функционирует в текстах художественных произведений военного дискурса и реализуется в устной форме делового речевого общения;

– обозначить участников статусно-маркированной речевой ситуации, в которой адресантом является подчинённый (нижестоящий), а адресатом – начальник (вышестоящий);

– выделить две разновидности устного жанра: целью первой является сообщение о служебном деле, целью второй – сообщение о приходе посетителя.

Сравнение определений терминов *доклад* и *донесение* (см. выше) указывает на их идентичность только при учёте первого значения слова *доклад*. Сходство дефиниций предполагает реализацию описываемыми РЖ одних и тех же интенций *сообщать*, *просить*, *предлагать*. Однако учёт иных дефиниций (донесение 1; доклад 5) позволяет отметить реализацию в них интенции *отчитаться* (см.: *отчитаться*– ‘сообщить о своих действиях, о том, что поручено, сделано’ [Ожегов, 1995, с. 474]). В ДТ донесений информативное действие обусловлено внутренней необходимостью адресанта речи сообщить о важных событиях (таких, как обнаружение противника или признаков инженерного укрепления местности, появление свежих сил противника и др. [Миддельдорф, 1960, с. 46]). Тексты подобных докладов и донесений мы относим к продуктам реализации РЖ *доклад*. В ДТ докладов отчёт инициирован требованиями к подчинённому представить информацию о выполнении заданий, данных вышестоящим командованием. Поэтому ДТ докладов, целью которых является сообщение сведений о ходе выполнения приказов начальства, мы будем относить к РЖ *отчёт*: *Во исполнение Вашего приказа об изменении района наступления 30-й армии*

докладываю: 1. Задача прорыва – разрезать ржевскую группировку прорыва противника и во взаимодействии с 22-й армией, наносящей удар на Оленино, соединиться с 39-й армией <...> [РА, 1997, с. 298–299]. В тексте представленного доклада содержится отсылка к иницирующему его приказу, что указывает на внешние обстоятельства, повлиявшие на возникновение данного информативного ДТ.

Толкование, представленное авторами «Активного словаря русского языка» [Апресян, 2017], соотносится с мнением Н.С. Шаталовой, описывающей РЖ *рапорт* и говорящей о том, что основной его функцией является «сообщение, осведомление об **актуальных** фактах, событиях, имеющих место в **настоящий временной момент**» (жирным шрифтом выделено нами. – А.О.) [Шаталова, 2018, с. 642]. На основании этого считаем, *рапорт* – это жанр устной речи, **коммуникативной целью** которого является сообщение подчинённого военнослужащего старшему по званию лицу о событиях, происходящих в момент говорения или совершённых ранее, но не утративших свою актуальность по причине обладания значимостью для хода дальнейших событий.

Так, типичными признаками, позволяющими отнести высказывание к устному РЖ доклад (*рапорт*), является интенция *сообщить*; актуальность описываемых событий; участники коммуникации, адресантом речи в которой является подчинённый, адресатом – военнослужащий с более высоким статусом. Рассмотрим примеры:

1) *К Родимцеву кинулся начальник штаба, закричал:*

– *Товарищ генерал, противник прорвался на ваш командный пункт!..*

[Гроссман, 1990, с. 36].

Представленный фрагмент текста можно назвать докладом в чистом виде: здесь реализуется единственная жанрообразующая интенция *сообщить*, что является показателем напряжённости момента, когда нет времени ни на объяснение ситуации, ни на анализ и выдвижение гипотез со стороны подчинённого. Такие сообщения фиксируют фазовые моменты

боевой ситуации: по ним адресат речи понимает, когда начинается, продолжается или заканчивается бой. Назовем такой жанр *рапорт-донесением*. Так, в следующем примере *рапорт-донесение* становится сигналом к началу боевой операции: *В небе висела сплошная облачная пелена. В любую секунду из нее могли вынырнуть «мессеры». И действительно, вскоре я услышал чей-то взволнованный голос:*

– *Командир! По мне стреляют!* [Андрианов, 1983, с. 32].

К этой же разновидности рапорта относится представление военнослужащего, цель которого – *сообщить* о себе, обозначить своё место и роль в войсках:

– *Младший политрук Иванюта!.. Представитель политотдела дивизии, в состав которой вливается ваше подразделение!..* [Стаднюк, 1988, с. 490].

Целью данного доклада является представление военнослужащего.

2) – *Товарищ майор! Лейтенант Зуева и младший лейтенант Петрова задание выполнили. В воздушном бою сбит самолет противника «Юнкерс-88»* [Андрианов, 1983, с. 20].

Фрагмент текста относится к РЖ *рапорт*, поскольку соответствует его типичным признакам: младший по званию военнослужащий (лейтенант) информирует командира (майора) о выполнении данного им важного боевого задания. Последнее замечание говорит о том, что содержание сообщения было ожидаемо адресатом речи: доклад не подробный, в нём содержится лишь указание на конечный результат: *В воздушном бою сбит самолет противника «Юнкерс-88»*. Так, жанрообразующую интенцию *сообщить* сопровождает дополнительная интенция *отчитаться*. Такой доклад мы называем *рапорт-отчёт*.

Подобные примеры отражают предусмотренную уставом форму доклада, который, по словам И.В. Уткиной, существует как «фиксированный образец устной речи» [Уткина, 2006а, с. 93].

3) – *Товарищ полковник, Максимов у окраины Белохатки. Встретили сильное сопротивление. Потери двенадцать человек и одно орудие. Танки. Есть опасность окружения. Готовятся к атаке. Ждите сигнала* [Бондарев, 1984, с. 112].

Здесь доклад подчинённого содержит точные сведения о положении дел батальона, которым командует капитан Максимов.

В тексте реализуется такая разновидность устного РЖ информативного типа, как *рапорт-побуждение*. Кроме интенции *сообщить*, в рапорте реализуются императивные интенции *приказать* (*Ждите сигнала*), *предлагать*: *Товарищ первый, докладывает второй. Максимов у Белохатки. Есть опасность окружения. С Бульбанюком связи нет! Полагаю, для связи надо послать людей* [Там же]. В последнем примере жёсткое побуждение смягчается за счёт указания на субъективное мнение говорящего (*полагаю*), которое можно при негативном его восприятии отклонить.

Кроме интенции *приказать* и *предлагать*, в рапорте-побуждении может быть реализована интенция *просить*: *Товарищ полковник! – закричал радист. – «Ромашка» пошла. Максимов пошел! Огня! Огня! Огня просит. По Белохатке огня!* [Там же].

Рассмотрим другой пример:

4)– *Это ты сейчас по мне стрелял?!*

<...>

– *Товарищ полковник, выслушайте меня! Никого я не расстреливал. Просто решил поугаать своего летчика Пряхина...*

– *Какого еще Пряхина? Ты что мне мозги крутишь!*

– *Я из-под Семилук его на Ут-2 выпустил, понимаете? Догнал в расчетном месте. Вижу – он летит, но не совсем туда. Пришлось загнать домой силой. т. е. я думал, что это Пряхин...* [Андрианов, 1983, с. 55].

В четвёртом фрагменте представлен *рапорт-объяснение*. Разговор между участниками ситуации спонтанный и неожиданный, основная функция говорящего – объяснить происшествие, в котором он виноват.

Таким образом, основную коммуникативную цель сообщения информации об актуальных событиях военной ситуации призваны достичь четыре разновидности устного РЖ *рапорт*: рапорт-донесение, рапорт-отчёт, рапорт-побуждение и рапорт-объяснение. Объединённые одной жанрообразующей интенцией *сообщить*, доклады специфичны тем, что первый тип реализует только основную интенцию; второй тип – интенцию *отчитаться* о том, что было поручено; третий предполагает императивное действие (интенции *приказать, предлагать, просить*); четвёртый носит негативный характер и возникает в момент необходимости *объяснить* причины неправильных действий подчинённого.

Сравнивая интенциональное содержание устных и письменных жанров, отметим, что РЖ, реализующими интенцию *сообщить*, являются *сводка, доклад* (реализуется в ДТ донесений, докладов) и *рапорт-донесение*. Сфера распространения устного жанра шире: его содержание представлено сведениями как об объекте, так и о субъекте действия (в представлении), чего лишены письменные ДТ.

ДТ доклада и донесения, которые реализуют кроме основной информативной интенции дополнительные *просить* и *предлагать*, соотносятся с устным РЖ *рапорт-побуждение*. Обращает на себя внимание степень выражения императивности в текстах и высказываниях РЖ *доклад* и *рапорт-побуждение*: в письменном РЖ побуждение всегда некатегорично, имеет характер просьбы или рекомендации. Этика адресанта речи сопряжена с необходимостью строго соблюдать субординацию, в то время как в устной речи волеизъявление может быть лишено мягкости, существует в более жёсткой форме приказания или категоричного предложения.

В военном дискурсе функционируют письменный РЖ *отчёт* и устный РЖ *рапорт-отчёт*. Интенциональное содержание этих жанров идентично и связано с необходимостью говорящего изложить информацию, отражающую результаты выполнения им заданий, поступивших от вышестоящего командования.

Бытующий в художественном дискурсе РЖ *рапорт-объяснение* не находит аналогов в перечне текстов боевых документов по той причине, что результатом существующего в деловом дискурсе жанра объяснительной записки является документ личного происхождения, в котором указываются субъективные причины нарушений в деятельности конкретного человека. Сообщения письменных ДТ характеризуются объективностью и масштабностью, что ограничивает возможность функционирования в них информации личного плана.

Так, в военном деловом дискурсе бытуют следующие РЖ информативного типа: письменные РЖ *сводка, доклад и отчёт*, устные РЖ *рапорт-донесение, рапорт-отчёт, рапорт-побуждение и рапорт-объяснение*.

5.3. Образ автора и образ адресата в письменных и устных речевых жанрах информативного типа

Адресантом речи в письменных РЖ информативного типа может являться как ответственное должностное лицо, так и группа лиц.

Чаще всего ДТ представляет собой продукт коллективной коммуникации, поэтому адресантом речи является группа авторов, номинированная по названию управляющего органа в начальной формуле текста: *Донесение штаба Западного фронта* [РА, 1997, с. 316]. Кроме того, автором ДТ информативного типа может выступать ответственное лицо, названное в начальной формуле документа по выполняемой им функции: *Боевое донесение командующего войсками 21-й армии* [Сборник 43, 1960, с. 342].

В конечной формуле ДТ содержится более подробное сообщение о лицах, ответственных за представленную информацию, поскольку включаются сведения о должности, звании, имени адресанта: *Начальник Генерального штаба Красной Армии Маршал Советского Союза Б. Шапошников* [Сборник 42, 1960, с. 103].

Указание на адресанта в основной части ДТ находим в донесениях и докладах, где образ автора проявляется с помощью перформативных глаголов *докладываю, доношу, прошу*: *Доношу о мероприятиях войск фронта на апрель 1942 года* [РА, 1997, с. 344]; *Прошу прислать несколько самолетов У-2 для установления связи* [Там же, с. 116]. Однако в основных текстах сводок образ автора имплицитен, что позволяет переложить ответственность за принятие решений на адресата речи.

В ДТ информативного типа указание на адресата содержится лишь в начальной формуле донесений и докладов, где основным средством его репрезентации является указание на должность: *Верховному Главнокомандующему и начальнику Генерального штаба Красной Армии* [Там же, с. 157]. В сводках сведений об адресате нет, поскольку содержащаяся в них информация предназначена для доведения до сведения *всех* участников коммуникации, способных проанализировать сообщение и принять правильное решение, обеспечивающее эффективную реализацию военно-профессиональных задач.

Известно, что авторами ДТ информативного типа являются подчинённые, нижестоящие [Уткина, 2006а], являющиеся более информированными в отличие от адресата-вышестоящего, на котором лежит ответственность за анализ и решение проблемных вопросов. На этом основании соглашаемся с Т.В. Шмелёвой, указывающей на адресата как на компетентное лицо, способное «оценить истинность или достоверность сообщаемого» [Шмелёва, 1990, с. 27].

Итак, адресант РЖ *сводка* абстрактный, массовый, адресат – абстрактный, массовый, имплицитный. Адресант РЖ *доклад* и *отчёт* может быть как массовым, так и единичным, адресат – конкретное вышестоящее лицо.

Адресантом речи в устном РЖ *рапорт* является подчинённый, младший по званию военнослужащий, адресатом – непосредственный командир или любое другое вышестоящее лицо:

– *Вот пополнение, товарищ генерал, – весело доложил Колодяжный, кивнув на Глинского* [Стаднюк, 1988, с. 201].

Инициатором речи в данном фрагменте является старший лейтенант Колодяжный, цель которого – сообщить генералу Чумакову о прибывших подчинённых. Указание на адресанта доклада содержится в косвенной речи, где обозначена фамилия говорящего. Узнать его звание можно посредством изучения текста всего художественного произведения, однако определить статусную характеристику как находящегося на позиции подчинённого позволяют несколько признаков: обращение к адресату *товарищ генерал*, обозначение автором текста речевого действия *доложил*, номинирование адресанта только по фамилии.

Рассмотрим еще один пример:

– *В чем дело, Нередка?*

Обычный этот вопрос был как раз тем самым, в котором нуждался Гнат Нередка. Если б Мирских попробовал, как всегда, объяснить то, что происходит, – Нередка по-прежнему дрожал бы и, может быть, дошел до того состояния ужаса, в котором портится самый лучший солдат. А сейчас, стряхнув с себя куски земли, он пришел в себя и ответил обычным, лихим, слегка сипловатым голосом:

– ***Минометами прекратили проческу, сейчас автоматами начнут, товарищ политрук. Прикажете наблюдать?***

– *Наблюдайте!* [Иванов, 1960б, с. 14].

Прочтение этого фрагмента не даёт нам знания о том, кем по званию является адресант выделенного в тексте доклада. Однако он признается читателем младшим по званию, поскольку уже в стимулирующей сообщении фразе *В чем дело, Нередка?* обозначен только по фамилии, что не соответствует уставным требованиям и часто встречается в речи командиров, начальников.

К адресату речи, статус которого выше, говорящий обращается по уставной форме, называя его по занимаемой им должности, добавляя

перед ней слово «товарищ» (*товарищ политрук, товарищ старший лейтенант*). Кроме этого, текст содержит указание на адресата речи как на носителя императивного действия (*Наблюдайте!*), что соответствует функциям старших по званию коммуникантов.

Важно отметить специфику речи военнослужащих в ситуации радиопереговоров: – *«Изумруд»! Я – Гридинский. В районе села Лысянка, в лесу, вижу большое скопление танков!* [Андрианов, 1983, с. 83]; *Товарищ первый, докладывает второй. Максимов у Белохатки. Есть опасность окружения. С Бульбанюком связи нет! Полагаю, для связи надо послать людей. Поздно? Почему поздно, товарищ первый? Да, да! Идут бои. Слышно. Что вы говорите? Отзывается? Кого? Всех? Меня? Не слышу, товарищ первый!* [Бондарев, 1984, с. 112].

Адресант сообщения может быть конкретным (*Гридинский*) или скрытым (*второй*); адресат – всегда имплицитен, для его номинирования используются позывные (*«Изумруд», «Волга», «Ромашка», товарищ второй*).

Цель доклада, коммуниканты которого скрыты, заключается в приёме и передаче важных оперативных данных. Однако конкретизация обращения *товарищ второй* раскрывает высокое статусное положение адресата, информация к которому поступает не только с целью простого информирования. От него ожидается реакция: принять решение по результатам анализа сообщения и указать, что делать войскам, к которым относится адресант.

Аномальным для РЖ считаем наделение участников речевой ситуации несвойственными им ролями:

– *Ты что среди ночи шляешься?* – *раздался грубый бас полицая.*

– *Боязно стало, вот и потянуло за хату,* – *нашёлся Вася.*

– *Никто тут не пробежал?*

– *Вон там что-то мелькнуло,* – *и Вася махнул рукой в сторону реки.* –

А за кем вы гонитесь?

Полицай ответил оплеухой, от которой мальчик покатился в траву
[Чумаков, 1981, с. 8–10].

В представленном фрагменте роль старшего отведена полицаяу, роль подчинённого – мальчику Васе, который должен отвечать и нести ответственность за свои слова, как это предписывает дисциплинарный воинский устав. Однако мальчик не является военнообязанным, поэтому его участие в формальном допросе нарушает РЖ *доклад*, в содержании которого функционирует вопрос *А за кем вы гонитесь?*, которого в классической ситуации быть не может. Вовлечение в военный дискурс немилитарного агента обуславливает негативные для докладывающего последствия: *Полицай ответил оплеухой, от которой мальчик покатился в траву*.

Итак, адресант речи (подчинённый) в РЖ *рапорт* конкретный, единичный, что отличает устный жанр информативного типа от письменных, где конкретный автор речи может быть обозначен по выполняемой им функции, абстрактный – по органу управления, к которому относится говорящий. Адресат речи (командир) в РЖ *рапорт* имеет обязательное обозначение, указание на должность или звание адресата речи прямое, включается в содержание доклада. Адресат письменных жанров *доклад* и *отчёт* также конкретен, однако в РЖ *сводка* он абстрактный, имплицитный.

Устная речь характеризуется возможностью появления речевого события радиопереговоров. Участники коммуникации в такой ситуации почти всегда имплицитны, при этом обращения включают компоненты, являющие экспликаторами статусной характеристики адресата.

Наделение коммуникантов не соответствующими их социальному положению ролями нарушает структуру РЖ, служит для выражения трагического в художественном произведении.

5.4. Событийное содержание письменных и устных речевых жанров информативного типа

Тексты, реализующие интенцию *сообщить*, представлены событиями прошлого (*Наша авиация бомбила скопление пехоты и танков противника в районах Таширова и Наро-Фоминск* [РА, 1997, с. 158]) и настоящего (*Каменское и Клово занимают 59 мп (20 тд)* [Там же, с. 159]. Чаще всего в информативных частях донесений и докладов функционируют конструкции с глаголами несовершенного вида в форме прошедшего времени (*вели бои, отходили, вышла, продолжал выдвигание, атаковали* и др.), которые не позволяют представить «действие как развёртывающийся процесс» [Бондарко, 2005, с. 287] и содержат «лишь самое общее указание на наличие или отсутствие действия в прошлом» [Там же, с. 287]. Эту же функцию в ДТ информативного типа выполняют краткие страдательные причастия (*закреплены, потеснены, усилены, организована, ограничено* и др.).

ДТ донесений и докладов, реализующие побудительные интенции, отнесены в будущее. Основным формальным средством выражения императивной интенции в анализируемых жанрах является инфинитив: *31-я армия – наступать на левом фланге на Зубцов* [РА, 1997, с. 248]. Эти инфинитивные конструкции обозначают событийную незавершённость, предполагают развитие речевого действия за пределами документа: *3-я ударная армия – подготовить атаку Холм в ночь с 2 на 3 марта* [Там же, с. 308]. Спецификой таких РЖ становится их динамичность.

Отсылка адресата речи к различным фактам прошлого и настоящего, а также создание футуральной перспективы позволяют говорить о полисобытийности ДТ информативного типа военного делового дискурса.

Рассмотрим и сравним диктум устного РЖ *рапорт* и письменных РЖ *доклад, сводка, отчёт* (табл. 7, с. 224–225), которые располагают репертуаром специфичных событийных пропозиций.

Табл. 7 – Событийные пропозиции РЖ *рапорт, доклад, сводка, отчёт*

Сфера		Типы				
		существование	состояние	движение	действие	восприятие
Социальная	письменные РЖ	–	–	–	–	–
	Устные РЖ	Майор Ильивский! Командир отдельного саперного батальона фронтового подчинения! [Стаднюк, 1988, с. 671]	–	–	Тааш стартенан! Вас – комбриг вызывает! Срочно! [Солженицын, 2007, с. 459]	–
Ментальная	Письменные РЖ	–	–	–	В создавшейся обстановке я принял следующее решение: выгрузившиеся части 307 и 282 сд выдвинуть на рубеж р. Десна на фронте разгранлинии армий для обеспечения сосредоточения прибывающих частей [Сборник 43, 1960, с. 35]	–
	Устные РЖ	«Задача ясна», – ответил Глинский, хотя понятия не имел, как будет выполнять задание [Стаднюк, 1988, с. 397]	Снаряд разорвался рядом, и я не знаю, сколько был без сознания [Стаднюк, 1988, с. 560]	–	Говорит: видели на ходу наш 3-й огневой дивизион, сюда близко перекачивает, ещё не стали [Солженицын, 2007, с. 448]	Проморгала разведка просеку!.. И чуть было не проморгали появление перед нами нового корпуса. А он уже заходит в тыл нашим главным силам [Стаднюк, 1988, с. 420]
Физическая	Письменные РЖ	–	Дороги размокли и трудно проходимы для авто- и гужтранспорта [Сборник 42, 1960, с. 143]	12 А в ночь на 23.10 выходила на рубеж Славянск, Михайловка (10 км юго-зап. Горловка) [Сборник 42, 1960, с. 142]	136 сд оборонялась на прежнем рубеже [Сборник 42, 1960, с. 93]	–

Сфера		Типы				
		существование	состояние	движение	действие	восприятие
	Устные РЖ	Товарищи Тимошенко и Жуков! [Стаднюк, 1988, с. 286]	...Товарищ маршал, ранен осколком генерал Белокосков! [Стаднюк, 1988, с. 541]	Идут [Стаднюк, 1988, с. 424]	Дивизии Шестнадцатой и Двадцатой армий ведут бои в районе Смоленска и в северной части города [Стаднюк, 1988, с. 702]	«Я ничего не слышу», – спокойно ответил Рукатов [Стаднюк, 1988, с. 560]
Психическая	Письменные РЖ	–	–	–	–	–
	Устные РЖ	–	–	–	–	–

В РЖ *рапорт, доклад, сводка, отчёт* наиболее часто реализуются пропозиции физической сферы деятельности. Основными пропозициями устного доклада являются существование, состояние и действие. Пропозиции письменных РЖ информативного типа – существование, состояние, действие, движение. Опишем их содержание.

Физическая сфера деятельности в ДТ сводок, докладов и донесений реализуется пропозициями существования: *Потери дивизии в первый день наступления выразились 278 около 100 человек, 299 более 100 человек, 258 сд – 15 человек* [Сборник 43, 1960, с. 372]; действия: *Основная группировка 3-й армии в составе 60, 137 сд, 79, 80 тбр и 287 сд выполняет прежнюю задачу согласно моему донесению № 0052* [РА, 1997, с. 307]; состояния: *В районе Каменка перерезана дорога Сураж – Велиж* [Там же, с. 308]; движения: *В результате прорыва пр-ка на Ново-Московск удалось с потерями отойти на восточный берег р. Самара лишь 15 сд. Из состава 261 сд до настоящего времени вышли лишь около 2 000 чел. и из 273 сд – около 300 чел.* [Сборник 42, 1960, с. 63]).

В письменных РЖ *сводка, доклад, отчёт* пропозиция существования организует предложения, в которых сообщается о месте дислокации военных

объектов: *Штадив – п. Косеват* [Сборник 43, 1960, с. 127]; даются знания об объектах и их характеристики: *Основными типами самолетов в феврале месяце явились: Ю-88, Ю-87, Ме-109, Хе-111, Хи-126...* [РА, 1997, с. 313]; описываются боевые задачи и недостатки в функционировании предметов и в работе лиц: *К основным недостаткам, влияющим на работу армейской системы ВНОС, следует отнести: 1. Имеющаяся до сих пор недооценка отдельными штабами важности службы ВНОС <...>* [Там же, с. 313].

Пропозиция состояния в письменных РЖ информативного типа отражает «эпизод из жизни субъекта, из репертуара естественных для него в разной степени состояний» [Шмелёва, 1988, с. 16]. Перефразируя высказывание Т.В. Шмелёвой, отметим, что в письменных РЖ информативного типа описанию подлежат только состояния неживых объектов – войсковых соединений (*В р-не М. Белозерка разбита 2 румынская бригада, которая оставила до 2 000 чел. убитыми, 300 пленными, 41 орудие разных систем, 21 пулемет, 2 танка и др. трофеи* [Сборник 42, 1960, с. 24]).

Пропозиция действия многоактантная, в ней присутствуют **субъект и объект** (*Из района леса северо-западнее Груздево противник произвел ряд сильных контратак и овладел Груздево* [РА, 1997, с. 309]), **темпоратив и локатив** (*На левом крыле фронта пр-ка с 23.9 производил перегруппировку, снимая немецкие части с нашего фронта для использования их на крымском направлении и заменяя их румынскими частями* [Сборник 42, 1960, с. 62]), **инструмент** (*За февраль месяц средствами ЗА и ЗПл фронта сбито 53 самолета противника...* [РА, 1997, с. 314]).

Выделим следующие группы пропозиций действия в письменных РЖ информативного типа:

1) действие, предполагающее изменение субъекта или объекта деятельности: *30 кд на участке Лиманское, Мирновка, Каменоватка вела бой с пр-ком, имея незначительные потери* [Сборник 42, 1960, с. 48];

2) взаимодействие подразделений, направленное на усиление оборонительных способностей войск: *95 погранотряд со сборными подразделениями 261 и 273 сд и местными истребительными отрядами обороняет рубеж зап. окр. Веселая, зап. окр. Синельниково* [Сборник 42, с. 31];

3) действия, предполагающие освоение новых территорий: *Части 9 А в ночь на 30.9 вели боевую разведку и закреплялись на занятых рубежах* [Там же, с. 32];

4) креативные действия, направленные на создание новых объектов: *Во вновь сформированных дивизиях приступлено к созданию штабов начартдивов* [Там же, с. 172];

5) деструктивные действия, предполагающие уничтожение объекта: *ВВС фронта днем 29.9 уничтожали пехоту и мотомехчасти пр-ка в р-не Ново-Московск, Синельниково, Павлоград, вели разведку и поддерживали наступление 18 и 9 А* [Там же, с. 32].

Пропозиция движения сопровождает пропозицию действия и обозначает возможность войск осуществлять передвижение на фронте. Основные глаголы, используемые в организованных этой пропозицией предложениях, – *отойти, выйти*. Движение не описывается без указания пространства, в котором оно осуществляется, поэтому предложения обязательно включают локатив и практически всегда – темпоратив: *Усиленная рота с утра 1.9 вела боевую разведку и к исходу дня вышла на опушку леса южн. совх. Гостиловка* [Сборник 43, 1960, с. 69].

Рассмотрим пропозиции физической сферы деятельности в РЖ *рапорт*.

Бытийная пропозиция (существование) организует высказывания *доклада-донесения* о появлении объекта (*Самолеты!.. Немецкие!..* [Стаднюк, 1988, с. 121]) или субъекта (*Товарищ полковник, это я, Миронов, из политотдела дивизии. Вы ж меня знаете* [Симонов, 2005, с. 91]), а также о прибытии военнослужащих к месту их дислокации (*Подполковник Рукатов прибыл по вашему приказанию* [Стаднюк, 1988, с. 407]). Использование

В примере (2) отсутствуют сведения о говорящем. В высказывании фокус с известного слушающему адресанта речи смещён на содержание сообщения, утверждающего существование значимых объектов (*Тимошенко и Жуков*). Знания адресата об авторе и объектах речи составляют пресуппозицию, которая включена в содержание суждения (2).

Пропозиция существования чаще всего реализуется в такой разновидности РЖ *рапорт* как рапорт-донесение.

В РЖ *рапорт* в военном дискурсе функционирует отмеченная Т.В. Шмелёвой модификация пропозиции существования – пропозиция местоположения (локализованного существования) [Шмелёва, 1988, с. 15]: ***Сзади нас – немецкие танки!*** – *осипшим голосом сообщила она <...>* [Стаднюк, 1988, с. 540]; ***Зобнин, на высоте, где дубки растут, солдаты!*** – *доложил он. – Человек пять!* [Ляленков, 1979, с. 32].

Такие утверждения о существовании, по словам Н.Д. Арутюновой, сделаны «применительно к ограниченной области бытия», они «переводятся в план предметной характеристики некоторого пространства» [Арутюнова, 1976, с. 210]. Коммуникативная цель этих высказываний состоит в утверждении существования объекта (*танки, солдаты*) и уточнении их местонахождения (*сзади, на высоте, где дубки*). Обе составляющие суждения являются сообщаемым, в высказывании актуализируются и объект бытия, и локализатор. Рассматриваемые предложения Н.Д. Арутюнова относят к средствам реализации «высказываний, утверждающих бытование, присутствие или отсутствие в определенном фрагменте мира некоторых объектов – предметов, лиц, животных, учреждений и пр.» [Там же, с. 257].

Предложения локального отношения имеют интродуктивный характер, позволяют «“зацепить” данное сообщение за уже существующие у адресата речи сведения, связать с чем-либо ему знакомым» [Там же, с. 221]: после получения сведений от говорящего адресат речи, которым в РЖ *рапорт* является командир, незамедлительно принимает ряд решений и отдаёт

приказание, результатом которого, в зависимости от обстоятельств, является проведение боевой операции или отступление.

Рассмотренная пропозиция может функционировать как в рапорте-донесении, так и в рапорте-побуждении.

Пропозиция состояния физической сферы деятельности содержит информацию о состоянии предметов (*железнодорожная станция Пришельская захвачена* [Стаднюк, 1988, с. 632]; *машина подана* [Там же, с. 541]) и лиц (*ранен осколком генерал Белокосков* [Там же]; *Девять убито и одиннадцать ранено* [Там же, с. 133]).

Описанию сферы состояния способствует использование причастных предикативов (*убито, ранено*), кратких прилагательных и страдательных причастий в функции главного члена предложения (*готов, захвачена, подана, ранен*). В таком случае состояние является основной событийной пропозицией предложения.

В РЖ *рапорт* функционируют предложения, в которых описываемая пропозиция организует припропозитивный слой диктума, который, по словам Т.В. Шмелёвой, включает «круг внешних по отношению к пропозиции, но прикрепленных к ней, обслуживающих ее смыслов» [Шмелёва, 1988, с. 9]: *Товарищ генерал, – докладывал Гулыга, – мотострелковая дивизия в составе одного сводного мотострелкового, одного сводного танкового и одного артиллерийского полков с недоукомплектованным штабом и спецподразделениями занимает оборонительный рубеж во втором эшелоне по речке Лежа...* [Стаднюк, 1988, с. 399]. Выделенный в докладе фрагмент характеризует состояние предмета действия *мотострелковая дивизия*. Описание позволяет адресату оценить её состав, соотнести с функцией, которая отражена в собственно пропозитивном слое диктума (*занимает оборонительный рубеж*), принять решение об их соответствии и, основываясь на этом, отдать эффективный приказ. Пропозиция организует рапорт-отчёт и рапорт-донесение.

Пропозиция действия физической сферы деятельности РЖ *рапорт* отличается обязательным наличием объектов и сирконстантов (чаще локативов). Так, например, в предложении *Дивизии Шестнадцатой и Двадцатой армий ведут бои в районе Смоленска и в северной части города* [Стаднюк, 1988, с. 702] функционирует объект (*бои*), локатив (*в районе Смоленска и в северной части города*). Во фразе *Перехватили немцы автомагистраль и железную дорогу не только у Ярцева, а и ближе к нам – в пятнадцати километрах западнее Ярцева...* [Стаднюк, 1988, с. 632] выделяем объект (*автомагистраль и железную дорогу*) и локатив (*не только у Ярцева, а и ближе к нам – в пятнадцати километрах западнее Ярцева*).

Обозначенные Т.В. Шмелёвой разновидности пропозиции действия, различающиеся «по исходу осуществления события» [Шмелёва, 1988, с. 18], в полной мере реализуются в РЖ *рапорт*:

1) «воздействие, обязательно предполагающее объект и изменение его состояния как результат осуществления ситуации»: *Ой, бачу, товарищ лейтенант, ведут женщину, в сорочци, вона щось кричить... оркестра гра... цю женщину привязывают до столба, ой, бачу, товарищ лейтенант, коло ней хлопчык, и его привязуют...* [Гроссман, 1990, с. 210];

2) «действие, предполагающее создание новых объектов»: *Сообщает Виктор с предупредителя. Ползком пришлось. Перетащил их назад немного. Тут два камня изрядных, за ними траншейку роет. Но всё равно горячее место* [Солженицын, 2007, с. 458];

3) «деструктивное действие, предполагающее, напротив, уничтожение, разрушение объекта» [Шмелёва, 1988, с. 18]: – *А пулемет наш разбило, – не то доложил, не то повинился Малышев* [Астафьев, 1997, т. 3, с. 36]; *Андреяшина ранило!* [Солженицын, 2007, с. 463].

Мы выделяем ещё одно действие, предполагающее субъект и изменение его локации как результат осуществления ситуации: – *Товарищ маршал, – непривычно потеряннным голосом докладывал он, – немцы*

захватили южную часть Смоленска... *Рвутся через Днепр в северную часть*... [Стаднюк, 1988, с. 654].

Пропозиция действия организует рапорт-донесение.

Ментальная сфера деятельности представлена в РЖ *рапорт* достаточно часто, события, описываемые в ней, формируют пропозиции состояния (*Н-не знаю... Твердо не знаю* [Там же, с. 398]), действия (*Потом по дороге расспросили беженцев, которые тоже возвращались после неудачных попыток пробиться на восток* [Там же, с. 632]) и восприятия (*Ночью ни он, ни его разведчики не заметили просеку*) [Там же, с. 421].

События, отражённые пропозицией действия и восприятия ментальной сферы, обращены в прошлое, поэтому в высказываниях функционируют конструкции с глаголами в форме прошедшего времени: *Проморгала разведка просеку!.. И чуть было не проморгали появление перед нами нового корпуса. А он уже заходит в тыл нашим главным силам* [Там же, с. 420]. Результаты этого перфектного действия [Бондарко, 2007, с. 295] актуальны для более позднего временного плана, поэтому составляют содержание доклада.

Часто несколько пропозиций ментальной сферы организуют одно высказывание: 1) *Потом по дороге расспросили беженцев, которые тоже возвращались после неудачных попыток пробиться на восток.* 2) *Узнали от них, что и железнодорожная станция Пришельская захвачена* [Стаднюк, 1988, с. 632]. В примере первичное состояние субъекта (говорящего) меняется в результате речевого действия *расспросили* и формируется новое состояние – *узнали*.

Пропозиции ментальной сферы деятельности организуют *рапорт-объяснение* и *рапорт-донесение*.

В письменных РЖ отражение ментальной сферы деятельности не является основой событийного содержания: предложения, организованные предикатами, в значение которых входит указание на умственные действия адресанта речи, сопровождают информативную часть и позволяют

говорящему озвучить свои выводы (*Поэтому докладываю, что я оставил свой приказ в силе, внося в него следующие коррективы: 8 вобр оставить в подчинении командира 4 вк и выдвинуть ее на фронт Случек, Мишковка, Обуховка, с задачей не допустить распространения противника на юг и юго-восток* [Сборник 43, 1960, с. 295]).

Социальная сфера отражается пропозициями существования и действия.

В РЖ *устный доклад* в военном дискурсе функционирует отмеченная Т.В. Шмелёвой модификация пропозиции существования – пропозиция обладания (существования в сфере определённого лица или социума) [Шмелёва, 1988, с. 18]: *Младший политрук Иванюта!.. Представитель политотдела дивизии, в состав которой вливается ваше подразделение!..* [Стаднюк, 1988, с. 490].

Подобные бытийные высказывания указывают на вхождение объекта в определённую систему связей, которая основана на социальных отношениях, и, соответственно, характеризуют социальную сферу деятельности.

Пропозицию действия реализуют высказывания, целью которых является передача обращения с требованием куда-либо явиться, прийти: *Таац стартенан! Вас – комбриг вызывает! Срочно! Вас с самого высокого хозяйства требуют!* [Солженицын, 207, с. 459].

Пропозиции социальной сферы деятельности организуют *рапорт-донесение*. В письменных жанрах пропозиция функционирует только в начальных или конечных формулах ДТ и, указывая на занимаемое положение, направлена на обозначение адресанта и адресата речи: *Главкому ЮЗН Маршалу т. Тимошенко, Начгеништаба КА Маршалу Шапошникову; Командующий Южфронтом Черевиченко, Член Военсовета Корниец; Наштаюжфронта Антонов* [Сборник 42, 1960, с. 160–161].

Таким образом, содержание всех РЖ информативного типа реализуется пропозициями физической, ментальной и социальной сферы деятельности.

Наблюдается комплексная реализация пропозиций различных типов в информативных высказываниях, что говорит о полисобытийности устного РЖ информативного типа. Монособытийным может быть *рапорт-донесение* и *рапорт-отчёт*. РЖ *сводка, доклад* и *отчёт* всегда полисобытийны.

Итак, рассмотрение событийного содержания устных и письменных РЖ информативного типа позволяет говорить об установке жанра устного доклада на личность, в то время как письменные жанры ориентированы на неодушевлённые объекты. Например, в сфере физических действий функционирует пропозиция существования, которая в письменном жанре направлена на указание места дислокации войск, а в устном – на прибытие к этому месту военнослужащих. Пропозиции состояния и действия в РЖ *сводка, доклад, отчёт* характеризуют неживые объекты, в РЖ *рапорт* – как предметы, так и лица. На этом основании предложения, организованные пропозициями, характеризующими ментальную деятельность субъекта, не входят в основное событийное содержание жанра, они лишь предваряют ту часть текста, в которой содержатся выводы адресанта речи по поводу ситуации, описанной в РЖ *доклад* и *отчёт*. В РЖ *рапорт* ментальная сфера деятельности представлена широко, потому что в устном докладе даётся характеристика не только объектам, но и субъекту действия, который является адресантом речи. Личностно ориентированные пропозиции социальной сферы реже всего представлены в информативных жанрах, их реализации возможны тогда, когда адресат и адресант речи вступают в различные отношения с другими членами военной общности (в устных жанрах) или занимают определённое социальное положение (в письменных жанрах).

5.5. «Фактор прошлого» и «фактор будущего» письменных и устных речевых жанров информативного типа

ДТ сводок и донесений реализуют РЖ *сводка* и *доклад* соответственно; последний может быть как информативным, так и информативно-

аналитическим (в таком случае тексты донесений содержат выводы и предположения). ДТ докладов появляются вследствие реализации интенции *отчитаться*, поэтому репрезентируют РЖ *отчёт*.

РЖ информативного типа могут быть как реактивными (*отчёт*), так и инициативными (*сводка, доклад*).

Отчёты являются сообщениями о выполнении подчинёнными приказов вышестоящих начальников, готовятся на основании ранее полученных распоряжений. Информация в текстах докладов, реализующих этот РЖ, являясь «ответом» на приказ командира, становится реакцией на волеизъявление, содержащееся в документном тексте приказа, приказания или распоряжения (*Об исполнении и отданных распоряжениях донести* [Сборник 42, 1960, с. 159]; *Во исполнение Вашего приказа об изменении района наступления 30-й армии докладываю...* [РА, 1997, с. 298]). Специфика РЖ *отчёт* заключается в его статичности: в основе замысла такого документа – подробное, конкретное описание события или явления, сообщение о проделанной по требованию начальника работе, не предполагающее со стороны адресата речи никакой ответной реакции, кроме принятия информации к сведению. Отметим, что характер *отчёта* каузальный, автор текста не просто перечисляет факты, но на основе их анализа и обобщения делает выводы и строит предположения: *В случае формирования новых частей острым недостатком может быть категория командиров дивизионов и командиров батарей* [Сборник 42, 1960, с. 170].

Инициативные жанры функционируют не в момент запроса оперативной информации вышестоящим командованием, а при необходимости адресанта в написании отчётного документа за определённый временной период (*Докладываю итоги боевых действий за 12.1.42 г.* [РА, 1997, с. 240]).

Сводка является инициативным жанром, но в её основе лежит информация, поступившая к адресанту речи посредством письменных донесений и устных докладов подчинённых: *Командир дивизии на основании*

донесений постов ВНОС и своих частей и информации с КП артиллерии информирует полки о воздушной обстановке [Сборник 7, 1948, с. 116].

Любой ДТ предполагает рассмотрение его адресатом и принятие решения по существу информации, которое оформляется в виде резолюции [Делопроизводство, 2004, с. 53]. Так, на оригиналах сводок встречается заключительная формулировка «В дело», которая означает, что документ рассмотрен, информация принята к сведению, но решений по ней приниматься не будет. Однако чаще всего резолюций нет вообще, поскольку на основе полученной информации производится анализ ситуации, который отражается в текстах донесений и докладов следующего порядка. В ходе общения адресат анализирует сообщение, делает выводы, выдвигает предположения, ставит задачи, направленные на решение возникшей проблемы, и передаёт сведения дальше, т. е. становится адресантом. Таким образом, коммуникация представляет собой цепочку, в которой последовательно происходит смена ролей.

Информация ДТ, содержащих побудительные части (донесения, доклады), характеризуется динамичностью, события, описываемые в них, не закончены: они продолжаются за пределами описанной ситуации, расширяются или трансформируются, что требует принятия решения со стороны адресата. Это ведёт к порождению письменных и устных приказаний; РЖ *сводка, доклад и отчёт* могут лежать в основе распоряжений и боевых приказов, а материалы, полученные посредством донесений и докладов, становятся базой для создания всех текстов директивного типа.

РЖ *устный доклад (рапорт)* может быть как инициативным, так и реактивным. Рассмотрим примеры.

1) *Вдруг матрос, стоявший у зенитного пулемета, повернулся к Полякову и сказал:*

– Корабль!

Поляков взял бинокль и долго смотрел. Потом крикнул резким голосом:

– *Срочное погружение! – и щелкнул ручкой телеграфа* [Симонов, 2005, с. 236].

Рапорт-донесение о неожиданном появлении объекта *корабль* является инициативным, спонтанным, короткие реплики, чаще всего составляющие высказывание РЖ, являются первым звеном в коммуникативной цепи.

2) *Игорь вытирает ладонью губы и садится на обочину.*

– *Дела дерьмовые, – коротко говорит он, – полк накрылся...*

Мы молчим.

– *Майор убит... комиссар тоже...*

Игорь кусает нижнюю губу. Губы у него совершенно черные от пыли, сухие, потрескавшиеся.

– *Второй батальон сейчас неизвестно где... От третьего – рожки да ножки. Артиллерии нет. Одна сорокапятимиллиметровка осталась, и та с подбитым колесом... Дайте закурить... Портсигар потерял.*

Закуриваем все трое. Газеты нет, рвем листочки из блокнота.

– *Максимов сейчас за командира полка... Также ранен. В левую руку... в мякоть... Велел вас разыскать и повернуть* [Некрасов, 1948, с. 27].

Доклад, который информирует слушателей о состоянии боевых объектов (предметов и лиц) в настоящий момент времени, доводится адресантом-связным без предварительного запроса со стороны командира, поскольку передача информации является его (связного) непосредственной обязанностью.

Так, примеры (1) и (2) иллюстрируют РЖ *инициативный рапорт*.

3) – *Товарищ майор! Лейтенант Зуева и младший лейтенант Петрова задание выполнили. В воздушном бою сбит самолет противника «Юнкерс-88» <...>* [Андрианов, 1983, с. 20].

Представленный во фрагменте реактивный рапорт-отчёт о выполнении задания, полученного в прошлом от командира, является ритуальным, зафиксирован «Уставом внутренней службы»: «О выполнении полученного приказа военнослужащий обязан доложить начальнику, отдавшему приказ, и

своему непосредственному начальнику» [Устав, 2007, ст. 43]. В текстах таких устных докладов могут быть отсылки к иницилирующей отчёт подчинённого речи командира и содержать компонент *по вашему приказанию*:

4) – *Подполковник Рукатов прибыл по вашему приказанию* [Стаднюк, 1988, с. 407].

5) – *Зачем вы ее здесь поставили? – кричал он про батарею. – Нашли место!*

– *Разрешите доложить, я ее поставил потому... – начинал отвечать начальник артиллерии, но в это время разрывался следующий снаряд, и оба присаживались в своих окопах. А через полминуты снова поднимались* [Симонов, 2005, с. 87–88].

В представленном фрагменте (5) стимулом к *рапорту-объяснению* становится вопрос начальника, заключающий в себе требование объяснить цель действия подчинённого. Стимулирующий к ответу РЖ можно охарактеризовать как имплицитное приказание, поскольку в содержание вопроса входит интенция побуждения к объяснению.

Стимулирующий доклад вопрос может содержать иные требования, например, описать происходящую ситуацию:

6) – *Что, атака?*

– *Танки бьют, – ответил кто-то из траншеи* [Бондарев, 1984а, с. 236].

Реплика спрашивающего организуется неполным предложением с пропущенной частью <Что случилось / что происходит?>, имплицитно выражающей требование рассказать о происшествии.

7) – *Радист, связь! Связь с батальонами! – крикнул Гуляев. – Что у вас, рация или ночной горшок?*

– *«Ромашка», «Ромашка», «Ромашка»... Плохо слышу... Плохо слышу... – речитативом доносился голос радиста. – Плохо слышу... Плохо слышу...*

Все замолчали в окопе. С визгом проносились пулеметные очереди над головой.

Радист, медленно разделяя слова, доложил:

– Товарищ полковник, Максимов у окраины Белохатки. Встретили сильное сопротивление. Потери двенадцать человек и одно орудие. Танки. Есть опасность окружения. Готовятся к атаке. Ждите сигнала [Бондарев, 1984, с. 112].

В примере (7) императивность РЖ-стимула выражена именем существительным *связь*, которое обозначает требование беспрекословного и быстрого выполнения приказа.

Итак, реактивный рапорт реализуется во всех разновидностях жанра и рождается под влиянием императивного РЖ *приказание*, который может отсутствовать в тексте художественного произведения. В таком случае текст доклада содержит отсылку к гипотетическому волеизъявлению *по вашему приказанию, ваше задание*. Кроме того, стимулирующий РЖ *приказание* может быть имплицитным, императивность выражается через требование ответить на вопрос начальника.

В РЖ *устный доклад* ответной реакцией на речь адресанта часто становится *приказание*. Приведём примеры (здесь и далее *приказание* отмечено подчёркиванием, рапорт выделен жирным шрифтом):

8) – *Смирно! Товарищ генерал...*

– Вольно, вольно, – поспешно сказал генерал, с удивлением глядя на девушку, стоявшую между двух автоматчиков. – В чем дело?

*–**Задержаны за стрельбу в расположении части.***

–Отпустите. Если никого не ранили, то отпустите.

*–**Есть!** – громко сказал младший лейтенант (он так и не погасил фонарь, висевший на груди). – **Получите документы** [Васильев, 1994, т. 1, с. 397].*

9) – *Как там у тебя, Осянина?*

*– **Никого, товарищ старшина.***

– Продолжать наблюдение! [Там же, с. 236].

В представленных контекстах (8), (9) логичной ответной реакцией на доклад подчинённого является приказание начальника, содержащее указание на организацию последующей деятельности адресанта сообщения.

Наблюдение за текстами художественных произведений позволило выделить жанр, дополняющий приказание командира и отражающий перлокутивный эффект доклада: РЖ эмоциональной оценки:

10) – *Товарищ майор! Лейтенант Зуева и младший лейтенант Петрова задание выполнили. В воздушном бою сбит самолет противника «Юнкерс-88».*

<...>

Майор, отбросив субординацию, ласково, совсем по-матерински, стала обнимать девушек по очереди, целуя их в щеки. Затем, искривив улыбкой, долго пожимала им руки и приговаривала:

– Да, все, кто был на аэродроме, любовались вами! Поздравляю вас, мои умницы. И дальше так действуйте. Война кончится, самых лучших женихов вам найду! [Андрианов, 1983, с. 20].

Подобные высказывания выражают похвалу, одобрение, восхищение, формируют положительную оценку действий адресанта доклада. Средствами выражения прямой положительной оценки являются лексические единицы *любовались, мои умницы, самых лучших женихов*.

Оценка адресатом содержания доклада может быть негативной:

11) – *А я думаю, что Уханов задержался у старшины, – возразил Кузнецов. – Больше ему негде быть.*

— Немедленно пошлите кого-нибудь в хоззвод! Что он на кухне может делать до сих пор? Кашу, что ли, варят с поваром вместе? [Бондарев, 1972, с. 36].

В приведённом примере (11) выразителем косвенной отрицательной оценки является вопросительно-восклицательная интонация, конструкция предложения с риторическим вопросом, ироничное предположение о смене

рода занятий объектом речи. Подобные высказывания передают гнев, нетерпение, раздражительность адресата доклада.

Следующий пример (12) интересен тем, что приказание напрямую командиром не отдаётся. Оно сформулировано докладывающим и представлено в виде вопросительного высказывания, исходящего будто бы от лица командира.

12) – *Одна пушка осталась и четыре человека. Также раненые. Снарядов нет.* – *Мохнаков охлопал снег с воротника полушубка и только сейчас удивленно заметил, что он оторван.* – Прикажете артиллеристов сюда? – *прихватывая ворот булавкой, спросил он.*

Борис кивнул. И те же Малышев и Карышев, которым износу не было, двинулись за старшиной [Астафьев, 1997, т. 3, с. 20].

Приказанию от лица начальника посредством речи подчинённого способствует использование говорящим глагола *прикажете* в форме будущего времени. Семантика высказывания носит характер предположительности, возможности (или невозможности) выполнения задачи в тех условиях, которые описывает текст *рапорта*. Так, адресат берёт на себя коммуникативную роль адресанта, что достигается путём совмещения РА *приказание* и *предложение*. Кроме того, в описываемом примере перлокуцию отражает **молчание** адресата сообщения. Рассмотрим этот феномен.

Коммуникативное действие адресата *сообщения*, передающееся фразой *Борис кивнул* [Астафьев, 1997, т. 3, с. 20], мы относим, по классификации В.Н. Бабаяна [Бабаян, 2009], к согласию. Результат приказа совпадает с его содержанием, поэтому мы можем предположить, что молчание свидетельствует о некой общности, близости коммуникантов. Но возможно и отмеченное Н.Д. Арутюновой молчание как способ самоустранения, снятия с себя ответственности [Арутюнова, 1994, с. 110].

Т.Р. Копылова говорит о *молчании* как об эмоциональном коммуникативном акте: «Эмоциональность русского молчания ставит

проблему адекватности или неадекватности понимания ситуации адресатом, потому что часто восприятие адресата относительно, он «чувствует» эмоцию, «ощущает», принимает информацию на эмоциональном уровне» [Копылова, 2014, с. 37]. Если с коммуникативной позиции молчание *Бориса* мы расцениваем как согласие, то эмоциональный компонент посредством контекста может быть охарактеризован как физическая и моральная усталость от бесконечных военных действий (в примере (13) жирным шрифтом выделен фрагмент текста, характеризующий эмоциональное состояние коммуниканта):

13) *Тихо стало. Так тихо, что солдаты начали выпрастываться из снега, оглядываться недоверчиво.*

– Все?! – спросил кто-то.

«Все!» – хотел закричать Борис... [Астафьев, 1997, т. 3, с. 21].

В.Г. Гак называет молчание *крайней степенью* (выделено нами. – А.О.) «нулевого письма», функция которого – отражать человеческие чувства [Гак, 1998, с. 661]. Мы последуем мнению учёного, поскольку описанный выше пример полностью подтверждает эту мысль.

Часто в текстах художественных произведений отсутствует описание реакции адресата на сообщение. Так, в повести В.П. Астафьева «Пастух и пастушка» представлен разговор начальника и подчинённых после мощной атаки (пример (14), во время которой воюющие понесли большие потери:

14) *Карышев и Малышев, бойцы взвода Бориса Костяева, подтаскивали к танку, в заветрие, раненых.*

– Живы! – обрадовался Борис.

– И вы живы! – тоже радостно отозвался Карышев и потянул воздух носиком так, что тесемка развязанной шапки влетела в ноздрю.

– А пулемет наш разбило, – не то доложил, не то повинулся Малышев [Астафьев, 1997, т. 3, с. 17–18].

На этом фрагмент повествования, в котором содержится сообщение об актуальном положении дел, заканчивается. Реакции командира на доклад подчинённого нет.

Здесь *молчание* адресата сообщения – нулевой речевой акт [Арутюнова, 1994, с. 106], который может приравниваться к форме поведения слушателя и быть «симптомом его душевного неблагополучия» [Там же, с. 116]. Несомненно, полученная посредством доклада информация влияет на эмоциональное состояние адресата речи – *лейтенанта Бориса Костяева*. Обращает на себя внимание и его физическое состояние: лейтенант оглушен взрывом гранаты во время боя. Поэтому можем дополнить «группы намерений» В.Н. Бабаяна [Бабаян, 2009] (см. с. 193–194 настоящего исследования), приведённые выше, ещё одной: *молчание* как временная потеря физической способности к речи в результате действий, о которых прямо или имплицитно сообщается в устном докладе.

Возникает вопрос о том, подлежит ли такое *молчание* языковому анализу, т. е., по словам В.В. Богданова, является оно коммуникативно значимым или нет: «Лингвистическому исследованию подлежит коммуникативно значимое молчание, т.е. молчание, выполняющее определенную знаковую функцию в вербальной коммуникации» [Богданов, 2007, с. 174].

С одной стороны, если человек физически неспособен осуществлять речевую деятельность, то его молчание «коммуникативно нерелевантно» [Там же, с. 175]. С другой стороны, невозможность человека говорить не означает его неспособность стать участником коммуникации, поскольку общение осуществляется как вербальным, так и невербальными способами, к которым, помимо молчания, В.В. Богданов относит фонацию, кинесику, невербальные действия коммуникантов, «компоненты других семиотических систем, встраивающихся в вербальное общение, а также предметный, или ситуативный, мир» [Там же, с. 199].

Описываемый нами фрагмент текста позволяет оценить *молчание Бориса Костяева* как коммуникативно значимое, поскольку высказывание содержит непосредственное описание его вербальной деятельности (*Живы! – обрадовался Борис*), что означает сохранение после взрыва его физической возможности говорить.

В.И. Карасик [Карасик, 2005], следуя за мыслью В.В. Богданова [Богданов, 1990], пишет о двух функциях коммуникативно значимого молчания: молчание для говорения и молчание вместо говорения. Молчание для говорения является знаком нижестоящего, когда вышестоящий адресат не даёт возможности подчинённому высказать свои мысли [Карасик, 2005, с. 32]. Молчание вместо говорения имеет много значений (см. с. 193–194 настоящего исследования). В зависимости от события, мотивирующего коммуникативное молчание, описываемое явление становится знаком вышестоящего или нижестоящего адресанта речи.

Молчание как отказ от дальнейшей коммуникации во фрагменте текста из повести В.П. Астафьева мотивируется сообщением подчинённого *А пулемет наш разбило* [Астафьев, 1997, т. 3, с. 18]. За такой исход событий частично ответственен сам лейтенант, неудачно бросивший гранату: *Хорошо, цел остался! Кто ж так гранаты бросает!* [Там же, с. 17].

Таким образом, *молчание* как нулевой акт отражает перлокутивный эффект, который порождён пониманием вышестоящего коммуниканта своей вины в произошедшем инциденте. В таком случае молчание – знак вышестоящего.

Интересен следующий момент, расширяющий, по нашему мнению, функции *молчания* как нулевого речевого акта. В.П. Астафьев неоднократно в ходе повествования подчёркивает способность подчинённых выполнять задачи без приказа командира. Приведём пример (15):

15) – *Связь! – громко и хрипло выкрикнул полуглухой лейтенант и вытер нос рукавицей, заледенелой на пальце.*

Старшина и без него знал, что надо делать [Астафьев, 1997, т. 3, с. 18].

Здесь приказание командира не является для подчинённого необходимым, поскольку последний сам *знал, что надо делать* [Там же]. Так утрачивается основная функция начальника, которая заключается в принятии им ответственного решения.

Рассматривая следующий пример (16), мы можем сказать, что молчание вышестоящего также позволяет изменить коммуникативные роли участников речи. Так, адресатом становится предполагаемый подчинённый:

16) – *Где ваш санинструктор? – не отрывая глаз, спросила девушка.*
– *Убило. Еще вчера.*

(Водитель смолк. Девушка нехотя расклеила веки. Под ними слоились, затемняя взгляд, недвижные слезы. Борис догадался, что девушка эта из дивизиона эрэсовцев, со сгоревших машин. Она, напрягшись, ждала – не закричит ли водитель, и слезы из глаз ее откатились туда, откуда возникли).

– *Я должна идти.* – *Девушка поежилась и постояла еще секунду-другую, вслушиваясь.* – *Нужно идти,* – *взбадривая себя, прибавила она и стала карабкаться на бруствер траншеи* [Там же, с. 19–20].

Взятый в скобки фрагмент текста организует достаточно длительную паузу в диалоге. По словам В.В. Богданова, пауза между репликами необходима для смены ролей коммуникантов: «...в диалоге роли говорящего и адресата выполняются обоими коммуникантами попеременно... Смена ролей означает, что в некоторый отрезок времени правом слова располагает один коммуникант, в то время как другой ожидает своей очереди и соответствующего сигнала. Этому периоду ожидания обычно соответствует молчание» [Богданов, 2007, с. 201]. Однако фактический подчинённый-военнослужащий не может отдавать приказ вышестоящему. По нормам воинского речевого поведения смены коммуникативных ролей быть не должно: волеизъявление может выражаться только лейтенантом.

Длительная пауза, характеризующая затянувшееся молчание, указывает на ожидание со стороны подчинённого императивного действия начальника. Его не следует – коммуникативные роли меняются, перлокуцией *рапорта* становится *приказание*, но оно направлено не на адресанта сообщения, которым в данном контексте является лейтенант, а на адресата, девушку-санинструктора, т. е. «приказ самому себе». Причиной речевого поведения вышестоящего становится его некомпетентность (в силу субъективных причин: юношеский возраст, отсутствие опыта, стрессовая ситуация) как начальника. Молчание как знак вышестоящего мотивирует трансформацию РЖ *приказание* в *автоприказание*, являющегося фактором будущего РЖ *рапорт*.

Итак, перлокутивный эффект *сообщения* отражён в нулевом РА *молчание* как согласие с докладчиком; как способа самоустранения командира, снятия им с себя ответственности по причине некомпетентности; как показателя взаимопонимания между коммуникантами. Эмоциональный компонент *молчания* характеризуется как сожаление вышестоящего адресата речи, вызванное чувством вины. Согласимся с мнением В.Г. Гака, который отметил, что «эмоциональный аспект, наслаиваясь на объективно-коммуникативный аспект высказывания (т. е. на его номинативный аспект), подкрепляет его» [Гак, 1998, с. 647]. *Молчание* как нулевой РА возникает при неблагоприятных условиях развития действий, о которых сообщает адресант речи, и отражает негативные эмоции её адресата.

В следующем примере (17) *молчание* адресата уже выражено соответствующим глаголом *молчать* (выделен в тексте подчёркиванием).

17) *Максимов аккуратно складывает листочки, подгоняет уголки, разрывает крест-накрест, клочки поджигает коптилкой. Бумага съезживается, шевелится, чернеет.*

– *Немец к Воронежу подошел, – говорит он глухо, растирая носком сапога черный хрупкий пепел. – Вчера вечером.*

Мы молчим.

Максимов вытягивает из-под стола алюминиевую фляжку, обшитую сукном, с привинчивающейся кружкой. Поочередно пьем из этой кружки. Самогон крепкий градусов на шестьдесят. Спирает в горле. Закусываем соленым огурцом, потом выпиваем еще по одной.

Максимов долго трет двумя пальцами переносицу.

– Ты отступал в сорок первом, Ширяев?

– Отступал. От самой границы.

– От самой границы... А ты, Керженцев?

– Я – нет. В запасном был.

Максимов с рассеянным видом жует огурец.

– Дело дрянь, в общем... «Колечка» нам не миновать... [Некрасов, 1948, с. 10].

В данном случае глагол *молчать* в форме первого лица множественного числа ориентирован на ненормативную, нестандартную ситуацию. После получения оперативных сведений, т. е. реализации *устного доклада*, целесообразно вступить в обсуждение обстановки и поиска способов предотвращения неблагоприятного исхода событий, однако этого не происходит.

Поскольку «ненормативное действие обычно производится человеком сознательно» [Арутюнова, 1994, с. 108], молчание как процесс полностью контролируется коммуникантами. Индикатив *молчим* позволяет описать «ситуацию взаимного молчания» [Там же, с. 111], внешняя речь прерывается и адресатом, и адресантом, что выражено глаголом в форме первого лица множественного числа. Перлокутивный эффект, по определению Т.В. Матвеевой, – «ожидаемый от *адресата* (выделено нами. – А.О.) прагматический результат РА» [Матвеева, 210, с. 308]. Но обратим внимание на то, что ему (этому эффекту) подвержен и сам говорящий. Так, сообщение воздействует не только на адресата, но и на адресанта речи.

Мотив молчания раскрывает контекст, в котором появляются фразы *спирает в горле* и *дело дрянь*, указывающие на временную физическую

неспособность коммуникантов говорить (*стирает в горле*) и причину этого явления (*дело дрянь*).

По справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, молчание может возникать по причине необходимости подумать и принять решение [Арутюнова, 1994, с. 111]. Отметим, что в описываемом контексте нет второго компонента «принять решение», он заменён интенцией *вспоминать*. *Воспоминание* – ‘то, что помнится, хранится в памяти’ [БАС, т. 11, ст. 713]. Память является познавательным процессом, поэтому мы можем говорить о том, что эмоциональный компонент сменяется ментальным. Перлокутивный эффект *рапорта* (сообщения) заключается как в высвечивании неблагоприятного эмоционального состояния коммуникантов (*Максимов с рассеянным видом жуёт огурец*), так и в их способности к сравнению (*ты отступал в сорок первом?*) и анализу ситуации (*дело дрянь, в общем... «Колечка» нам не миновать*).

Итак, «фактором будущего», организующим устный РЖ *рапорт* в военном дискурсе является РЖ *приказание*, РЖ эмоциональной оценки, нулевой РА *молчание*. РА *молчание* включает ментальный и эмоциональный компоненты, пересекающиеся и дополняющие друг друга. *Молчание* отражает такие реакции адресата речи, как согласие, способ снятия с себя ответственности, выражение чувства вины, и возникает при неблагоприятных условиях развития действий. Молчание вышестоящего позволяет нарушить нормы воинского речевого общения, заключающиеся в строгой регламентации коммуникативных ролей, и тем самым порождает новый РЖ *приказание самому себе* или *автоприказание*. Явление *взаимного молчания* позволяет определить перлокутивный эффект как результат негативного сообщения, воздействие которого распространяется на всех участников ситуации.

Сравним описание параметров «фактор прошлого» и «фактор будущего», реализующихся в письменных и устных РЖ информативного типа в военном дискурсе.

Стимулом к использованию инициативных РЖ *сводка*, *доклад* и *рапорт-донесение* является внутренний мотив говорящего военнослужащего, осуществление информативных речевых действий которого обусловлено его должностными обязанностями и зафиксировано в регламентирующих ДТ положений, уставов, например: *Начальник гарнизона **обязан** <...> докладывать ежеквартально командующему войсками военного округа (начальнику территориального гарнизона) о решении задач гарнизонной службы* [Устав гарнизонной... службы, 2007, ст. 25].

Реактивным письменным РЖ делового дискурса является *отчёт*, функционирование которого продиктовано необходимостью доложить о выполнении распоряжений, заданий, приказаний, данных начальником в соответствующем директивном ДТ. В художественном дискурсе реактивными устными жанрами могут быть все обозначенные нами ранее его разновидности: *рапорт-донесение*, *рапорт-побуждение*, *рапорт-отчёт*, *рапорт-объяснение*. Как и в случае с письменными реактивными жанрами, функционирование устных обусловлено влиянием императивного РЖ с той лишь разницей, что приказ в деловом письменном общении всегда материален, в то время как в устном он может быть эксплицитным, имплицитным или вовсе отсутствовать, однако на его существование обязательно будут указывать соответствующие лексические маркёры.

«Фактором будущего» РЖ *сводка* является резолюция «В дело» или её отсутствие, указывающее на развитие жанра за пределами документа, *доклада* и *отчёта* – директивного РЖ *приказ*. Устный РЖ *рапорт* тоже мотивирует использование директивного РЖ *приказание*. Кроме этого, вследствие информирования могут функционировать РЖ эмоциональной оценки, которые не реализуются в деловой сфере и являются признаком неинституциональности военного дискурса, а также нулевой РА молчания. Последний в том своем значении, которое Н.Д. Арутюнова определила как намерение, возникшее по причине необходимости подумать и принять решение, близок перлокутивному эффекту письменного РЖ *сводка*, когда

адресат речи, исключив эмоциональный аспект, на основе полученной информации производит анализ ситуации, что отражается в информативных текстах следующего порядка.

5.6. Языковое воплощение письменных и устных речевых жанров информативного типа

Описанные параметры РЖ информативного типа обуславливают способы его языкового воплощения. Опишем регулярные средства выражения информативных интенций *сообщить, отчитываться, объяснить* и дополнительных императивных интенций *приказать, предлагать, просить*, закреплённых за определёнными разновидностями *сводок, докладов, отчётов и рапортов*.

Сообщение о действии

1. Информативная интенция *сообщить* о действиях реализуется в следующих конструкциях:

1) Конструкции с глаголами несовершенного и совершенного вида прошедшего времени:

Письменные РЖ (45,8 %)

1) *Армии фронта за истекший период вели упорные бои на всем фронте и последовательно отходили, а на мариупольском направлении выходили из окружения на оборонительные рубежи с задачей прикрыть Донбасс и не допустить распространения противника в направлении Ростов* [Сборник 42, 1960, с. 167].

2) *17.8 противник танковыми частями и мотопехотой занял Унеча.*

Устные РЖ (46,8 %)

1) – *Машина готова? – вместо приветствия спросил комбат. – Так точно, товарищ капитан! Всю ночь работали* [Курочкин, 1995, с. 5].

2) *К Родимцеву кинулся начальник штаба, закричал:*

*К 12.00 18.8.41 занял Стародуб. – Товарищ генерал, противник
Разогнал тылы армии и перерезал ее прорвался на ваш командный
коммуникации [Сборник 43, 1960, пункт!.. [Гроссман, 1990, с. 36].
с. 34].*

Конструкции с глаголами несовершенного вида прошедшего времени указывают на прошедшее действие, протекающее в прошлом, результаты его не актуальны для настоящего. Форма прошедшего времени глаголов совершенного вида обозначает фазу начала процесса (боя, столкновения), предполагает его продолжение в настоящем и окончание в будущем, т. е., по словам А.В. Бондарко, имеет перфектное значение, «выражает прошедшее действие, результаты которого актуальны для более позднего временного плана – настоящего или прошлого» [Бондарко, 2005, с. 295].

2) Конструкции с глаголами несовершенного вида настоящего времени, которые А.В. Бондарко называет «настоящим актуальным», так как в них «выражается конкретное действие, протекающее в момент речи» [Там же, с. 272].

Письменные РЖ (18,87 %)
230, 74 и 274 сд
занимают *прежнее*
положение [Сборник 42,
1960, с. 23].

Устные РЖ (22,6 %)
– *Что там у вас происходит?*
Третьяков! Что делается там у вас?
– *Немец контратакует танками! Надо*
заградительный огонь... [Бакланов, 1988,
с. 235].

В текстах художественных произведений экспрессивное обращение к адресату речи подготавливает ситуацию конкретного действия, отражённого в коротком докладе, которое происходит одновременно на глазах слушающего и говорящего: – *Командир! По мне стреляют!* [Андрианов, 1983, с. 32].

А.В. Бондарко говорит о том, что для выражения конкретного настоящего «достаточен минимальный контекст» [Бондарко, 2005, с. 273], поскольку он подготовлен предшествующим широким контекстом, речевой

ситуацией и лексическим значением глагола, в котором обозначается это конкретное действие: *Елютин поднял голову, прислушался и сказал: – Летят* [Бондарев, 1984, с. 45]. «Ситуация конкретности подготавливается здесь в контексте, предшествующем прямой речи (ср. в особенности *прислушался*)», – пишет учёный.

2. Языковую специфику устного доклада, реализующего информативную интенцию *отчитываться*, составляют конструкции с глаголами совершенного вида прошедшего времени, обозначающими фазу завершения актуального события: – *Товарищ майор! Лейтенант Зуева и младший лейтенант Петрова задание выполнили* [Андрианов, 1983, с. 20]. Высказывания обязательно имеют отсылку к иницирующему императивному РЖ, признаком чего являются сочетания *по вашему приказанию, в соответствии с вашим распоряжением*: – *Товарищ майор, по вашему приказанию командир взвода такой-то явился, – отрапортовал я, держа пальцы у виска и глядя прямо в выпученные рыбы глаза Сопронюка* [Голицын, 2010, с. 487].

3. Информативная интенция *объяснять* реализуется в диалогической речи (только в устном РЖ информативного типа):

– *Ничего не понятно, товарищ капитан. Какие-то люди ишлются. По дороге внизу... и здесь...*

– *Какие люди?*

– *Минут десять назад какие-то двое прошли. Часовой остановил: «Кто идет?» Отвечают: «Свои». Подошли. С фонариками. Посмотрели. «Окапываетесь? Где офицер?» Я говорю: «В чем дело?» Один спрашивает: «Где ваш сектор обстрела?» Я спрашиваю: «Кто вы такие?» Другой отвечает: «Я командир третьего батальона, не узнаете?» И наседает: «Где сектор обстрела, лейтенант? Мне пехоту закапывать нужно». Я ответил, что сектор обстрела еще неизвестен. А он засмеялся: «Эх вы, пушкачи – прощай, родина!» – и пошли вниз. Командир третьего батальона... [Бондарев, 1984, с. 98].*

В представленном примере объяснению подлежит сообщение лейтенанта *Какие-то люди шлятся*. Семантика неопределённого местоимения *какие-то* формирует содержание информативного высказывания, объект речи в котором неизвестен говорящему (см.: *какой-то* – ‘неопределенный по признаку, свойству, качеству, а также вообще неизвестно какой’ [РСС, т. 1, с. 31]). Доклад должен вести к пониманию ситуации; появление в высказывании неопределенного, неизвестного субъекта требует разъяснения, на что направлен запрос командира *Какие люди?*

Рассмотрим другой пример:

– *Дайте жрать, полковник! Толком четыре дня не ел!* – сказал капитан, улыбаясь. – *Я сутки без дымового довольствия!..*

– *Да откуда ты?.. Докладывай!*

– *Из госпиталя. Ждали в пути, когда кончится у вас тут. Потом появляется Жорка с майором, ну и... прикатили на паровозе* [Бондарев, 1984, с. 36–37].

Здесь репликой-стимулом для доклада-объяснения становится не только требующий ответа вопрос *Да откуда ты?*, но и императивное высказывание *Докладывай*, носящее жёсткий категоричный характер.

Языковую специфику доклада, реализующего информативную интенцию *объяснить*, составляют:

1) конструкции с глаголами несовершенного вида прошедшего времени, обозначающими фазу протекания события: *Ждали в пути, когда кончится у вас тут* [Там же, с. 37];

2) конструкции с глаголами совершенного вида прошедшего времени, обозначающими фазу завершения события: *Минут десять назад какие-то двое прошли* [Там же, с. 98];

3) конструкции с глаголами несовершенного вида настоящего времени, обозначающими конкретное действие, протекающее в момент речи:

– *Не было?.. Где этот... Бухвостов?*

– В пэтээровской землянке сидит [Некрасов, 1948, с. 253].

Сообщение о существовании предмета или лица

1) Субстантивированные конструкции (номинативные предложения) с экзистенциальным значением [Арутюнова, 1976], обозначающие объекты: *Самолеты! Немецкие!* [Стаднюк, 1988, с. 121]; лиц: *Боец Гурвич* [Васильев, 1994, т. 1, с. 219]; количество объектов: *Больше роты!* [Ляленков, 1979, с. 115].

Назывные предложения в текстах устного доклада *Самолеты! Немецкие!* [Стаднюк, 1988, с. 121] соответствуют сочетаниям *Немецкие самолеты появились в небе!* Преобразуясь в предложение, существительное, непосредственно называющее лицо или предмет в номинативном предложении, обозначает его действия.

Номинативные конструкции в рапорте могут содержать информацию о внешних условиях протекания действий, описывать обстановку: *Порядок. Тихо. Туман. Давайте лом!* [Курочкин, 1995б, с. 142].

Возможность распространить на назывные предложения «формулу трехчленной структуры, включающей локализатор, позволяет адресату речи отождествить тему сообщения, т.е. ту сферу реальности, к которой отнесено высказывание» [Арутюнова, 1976, с. 232]. Распространение предложения *Немецкие!* допускает выделение в его содержании указания не только на действия обозначенных прилагательным объектов: *Немецкие самолеты будут бомбить / обстреливать;* но и на их постоянные признаки (состояния): *Немецкие самолеты имеют мощное вооружение / хорошо снаряжены.*

Односоставные номинативные конструкции с экзистенциальным значением существуют только в художественном неинституциональном дискурсе.

2) Конструкции с локализатором.

В деловом институциональном общении пропозиция обязательно имеет локализатор, поскольку адресанту речи важно не просто утвердить

бытование объекта речи, но и установить его «присутствие или отсутствие в определенном фрагменте мира» ответственности [Арутюнова, 1994, с. 257]. Предложения в письменных текстах, организованные этой пропозицией, являются эллиптическими. В устных высказываниях функционируют неполные предложения, в том числе и эллиптические.

Письменные РЖ (7, 42 %)	Устные РЖ (23,78 %)
<i>Кавгруппа Доватора в прежнем районе</i> [РА, 1997, с. 83].	– <i>Что?</i> – <i>Немцы в лесу!</i> [Васильев, 1994, т. 1, с. 217].

Сравнивая количество предъявлений конструкций с экзистенциальным значением в письменных и устном РЖ, отмечаем их преобладание в устной речи, что обусловлено её стремлением к экспрессивности, быстроте, краткости. В разговорной форме речи этому способствует и приём парцелляции, когда образующий пропозицию предикат находится в одном речевом фрагменте, а актанты – в другом:

– *Мины есть?*

– *В одном только месте. Против пушки с развороченным стволом. Чуть повыше* [Некрасов, 1948, с. 161].

В представленном фрагменте предикат *есть* организует высказывание командира, в речи подчинённого элиминируются как предикат, так и субъект речи: предложения, обозначающие высказывания адресата, являются неполными, предикат и субъект определяются в контексте и зависят от мотивирующего вопроса адресанта.

Сообщение о состоянии предмета или лица.

1) Конструкции с краткими прилагательными или страдательными причастиями:

Письменные РЖ (20,8 %)	Устные РЖ (10,2 %)
<i>В течение 12.10 взято в плен 8 человек, подбито 13 танков и</i>	– <i>Узнали от них, что и железнодорожная станция</i>

2 самолета противника.

Потери: **убито** – 65, **ранено** – 173 человека, **пропало без вести** – 28 человек.

Утеряно: 50 винтовок, 3 станковых пулемета, 1 ручной пулемет, 4 ППД, 6 пистолетов.

Разбито: 2 – 76-мм пушки, 1 – 45-мм пушка [РА, 1997, с. 105].

В устном РЖ субъект речи эксплицитен, формы причастий со значением состояния функционируют в двусоставных предложениях. В письменных РЖ информативного типа сема состояния актуализируется в пассивном значении безличных причастий, являющихся предикатами в предложениях, в структуре которых отсутствует субъектный компонент. Формант *-о* в конструкциях этого типа выражает значение безличности предложений, бытующих в письменных РЖ. В устном РЖ этот формант является частью глагола в форме прошедшего времени и выражает безличность в предложениях типа *Бояджиева ранило, – грузно опускается на койку. – Челюсть оторвало* [Некрасов, 1948, с. 151].

2) Конструкции с безличными глаголами в форме прошедшего времени:

Письменные РЖ (1,2 %)

Потери: **убито** – 65, **ранено** – 173 человека, **пропало без вести** – 28 человек.

Утеряно: 50 винтовок, 3 станковых пулемета, 1 ручной пулемет, 4 ППД, 6 пистолетов.

Разбито: 2 – 76-мм пушки,

Пришельская захвачена
[Стаднюк, 1988, с. 632].

– **Майор убит...** комиссар тоже... [Некрасов, 1948, с. 27].

– **В воздушном бою сбит самолет противника «Юнкерс-88»** [Андрианов, 1983, с. 20].

Устные РЖ (6,1 %)

– **Трое – сгорело, троих раздавило, троих – на куски.**
Интересно, в КВ кто-нибудь уцелел?
[Курочкин, 1995б, с. 111].

1 – 45-мм пушка [РА, 1997, с. 105].

3) Конструкции с формой настоящего времени глаголов *иметь/иметься* со значением посессивности и конструкции с предикатными словами *есть / нет*:

Письменные РЖ (1,83 %)

Точных сведений о местонахождении их не имеется [РА, 1997, с. 97].

Устные РЖ (2,6%)

– *Гаражи, – сказал, вернувшись, Денищик. – В соседнем блоке ребята сгорели: страшно смотреть. И подвалов нет* [Васильев, 1994, т. 2, с. 229].

В письменных ДТ не используется, в отличие от устных, слово *есть*, оно заменяется глаголом *имеет / имеется*; в устных высказываниях глагол *иметь / иметься* используется крайне редко: *Тут у нас пополнение имеется... вводим, так сказать, в курс всеобщего дела* [Леонов, 1984, с. 97]. Его применение появляется в устном докладе адресату самого высокого звания – генералу, личность которого обязывает говорящего применять средства официального делового общения.

4) Конструкции, текущее состояние объекта в которых выражается сочетанием отрицательного предлога *без* с отглагольным существительным:

Письменные РЖ (1,3 %)

Положение остальных частей армии без изменений [РА, 1997, с. 173].

Устные РЖ (0,6%)

– *Как дела в роте? – спрашиваю я. – Ничего, – равнодушно отвечает Фарбер. – Без особых перемен* [Некрасов, 1948, с. 210].

Сообщения как о действии, так и о состоянии в РЖ доклад и отчет могут быть организованы устойчивыми конструкциями *иметь задачу* (10 предъявлений в письменных текстах), использование которых обусловлено констатирующим характером изложения: *18 кд находится юго-*

зап. Клин 4 км и имеет задачу действовать по маршруту подвижной группы до Китенево, Овсянниково и в дальнейшем на Китенево [РА, 1998, с. 190]. Семантика глагола *иметь*, относящегося к группе глаголов обладания и означающего ‘владеть, обладать кем-, чем-либо на правах собственности’ [БРГ, 2007, с. 578], редуцируется: значение посессивности утрачивается, доминантной становится сема ‘действие или состояние’ [РСС, т. 4, с. 39], которая находится в зависимом положении от содержательной информации существительного-коррелята, обозначенного именем *задача*. Он организует конструкцию, которая не сводится к констатации факта владения чем-либо, а указывает на цель, выполнить которую обязан субъект действия. В рассмотренных нами текстах художественных произведений сочетание *иметь задачу* не найдено.

Императивные интенции *приказать, предлагать, просить* реализуются в *рапорте-донесении* и в РЖ *доклад* и *отчёт*. Основными средствами их реализации в устном РЖ являются:

1) Глаголы множественного числа в императивной форме: – *Товарищ полковник, Максимов у окраины Белохатки. Встретили сильное сопротивление. Потери двенадцать человек и одно орудие. Танки. Есть опасность окружения. Готовятся к атаке. **Ждите сигнала*** [Бондарев, 1984, с. 112].

В данном примере высказывание организовано интенцией *приказать*, поскольку нет никаких лексических указателей на иные императивные речевые действия.

2) Перформативные глаголы *прошу, полагаю*:

– *Товарищ полковник, – размеренным голосом проговорил Гуляев, ссутулив широкую спину, – приказ ясен... Но вот что... Из четырех орудий полковой батареи два на плацдарме. Два разбиты при переправе... Кого мне прикажете посылать? **Я прошу дополнительных огневых средств*** [Там же, с. 67]; *Полагаю, для связи надо послать людей* [Там же, с. 112].

3) Конструкции, выражающие деонтическую модальность, маркерами которой являются лексические единицы *надо, должен / должны, можно, нельзя: Лодку надо раздобыть. Подручные средства – это несерьезно. Река большая. Вода осенняя. Катушку со связью можно использовать вместо кирпича на шее* [Астафьев, 1997, т. 10, с. 338].

Средствами выражения императивности в письменных РЖ являются:

1) инфинитивы: *Задачи на 7.2.42 29-й армии – пробиваясь на юг, **идти** на соединение с частями 39-й армии* [РА, 1997, с. 282];

2) перформативные глаголы *прошу, полагаю, требую, рассчитываю, принимаю*, а также инфинитивные конструкции с глаголами *просить, считать, решить: Решение Маршала по предлагаемому выше плану **прошу** немедленно **сообщить** мне* [Там же, с. 307];

3) конструкции, выражающие деонтическую модальность, маркерами которой являются лексические единицы *необходимо, должен / должны, следует, можно, желательно: Для создания надежной войсковой системы ВНОС для Западного фронта **необходимо** иметь не менее двух отдельных батальонов ВНОС РГК, полностью оснащенных положенным имуществом связи и особенно средствами радиосвязи* [Там же, с. 285]; *Наиболее эффективно **можно** развернуть наступление на Брянск из района Орла* [Там же, с. 242].

Сравнивая способы реализации РЖ *сводка, доклад, отчёт*, с одной стороны, и РЖ *рапорт*, с другой, мы обратили внимание на их временную отнесённость. Представим это в табл. 8.

Табл. 8 – Способы воплощения РЖ информативного типа

РЖ	Письменные РЖ				Рапорт
	сводка	отчёт	доклад	всего	
Количество текстов	13	42	38	93	285
Формы предъявлений	Обращены в прошлое				
Глаголы в форме прошедшего времени	268	403	353	1024 (68,77 %)	397 (79,56 %)

РЖ	Письменные РЖ				Рапорт
	сводка	отчёт	доклад	всего	
Краткие страдательные причастия и прилагательные	168	214	83	465 (31,22 %)	102 (20,44 %)
Всего				1489 (54,5 %)	499 (48,12%)
Обращены в настоящее					
Индикатив	131	171	150	452 (49,18 %)	176 (39,19 %)
Страдательный залог глаголов в форме настоящего времени	32	154	4	190 (20,67 %)	2 (0,44 %)
Номинативные конструкции, конструкции с локализатором	78	54	34	166 (18,06 %)	238 (53 %)
Конструкции со словами имеет/есть/нет	12	22	16	50 (5,44 %)	27 (6,01 %)
Сочетание предлога без с отглагольным существительным	31	26	4	61 (6,64 %)	6 (1,33 %)
Всего				919 (33,63 %)	449 (43,3 %)
Обращены в будущее					
Составная форма будущего времени глаголов	2	19	24	45 (13,85 %)	16 (1,54 %)
Индикатив совершенного вида	1	12	–	13 (4 %)	18 (1,74 %)
Индикатив несовершенного вида	–	17	–	17 (5,2 %)	–
Императив	–	–	–	–	15 (16,85 %)
Инфинитив	–	32	83	115 (35,4 %)	–
Конструкции выражения деонтической модальности и перформативы	1	81	53	135 (10,77 %)	55 (5,3 %)
Всего				325 (11,89 %)	89 (8,6 %)

В РЖ информативного типа представлены все три аспекта событийного времени. Наибольшее количество предъявлений отражает события прошлого, наименьшее – события будущего.

При отражении событий прошлого отмечаем, что и в устных, и в письменных жанрах используются глаголы в форме прошедшего времени; краткие прилагательные и страдательные причастия, отражающие как действия, так и состояние объектов речи, чаще используются в письменных жанрах, в устных эти формы функционируют несколько реже и тяготеют к отражению состояния объектов.

События настоящего отражаются с помощью глагольных и номинативных конструкций. В письменных текстах чаще всего функционируют полные двусоставные предложения, в которых имеет место предикат. В 18,06 % случаев, характеризующих события настоящего, глагол-сказуемое, имеющий значение нахождения или бытия, не используется, что организует эллиптическое предложение.

В устном докладе функционируют как двусоставные, так и односоставные (номинативные) конструкции. Функция последних – утверждение существования объекта речи. Кроме того, наблюдается большой процент неполных предложений (53%), пропущенные члены которого восстанавливаются путем обращения к предшествующему контексту, и эллиптических предложений с локализатором, в которых отсутствует предикат со значением нахождения.

В информативных текстах функционируют предложения, утверждающие наличие или отсутствие какого-либо объекта. В письменных жанрах для этой цели используются глаголы *(не) иметь /иметься* и предикатное слово *нет*, в устных жанрах – предикатные слова *есть* и *нет*.

РЖ информативного типа направлены в будущее: императивные высказывания содержат побуждение, целью которого является повышение эффективности описанной в констатирующей части деятельности. События будущего описывают конструкции с формами будущего времени глаголов

совершенного и несовершенного вида, с инфинитивами, перформативы и конструкции выражения деонтической модальности. Последние функционируют как в устной, так и в письменной речи. Грамматическими средствами, выражающими семантику императивности в РЖ *рапорт*, являются глаголы в повелительном наклонении, в письменных ДТ высокочастотны инфинитивные конструкции (46 % от общего количества императивных предъявлений). В устном жанре *рапорт* инфинитивы как средства выражения императивной интенции не используются, как не используются в письменных жанрах информативного типа глаголы в форме повелительного наклонения. Специфику устной речи военнослужащих составляют императивы, письменной речи – инфинитивы.

Выводы

Наиболее распространёнными типами информативных речевых жанров являются *сводка*, *доклад* и *отчёт*. Соотносимый с ними устный РЖ – *устный доклад (рапорт)*. Он существует в нескольких разновидностях: *рапорт-побуждение*, *рапорт-отчёт* и *рапорт-объяснение*. Появление подобных номинаций указывает на существование синкретичных форм устных жанров, совмещающих две базовые интенции, одна из которых (*сообщить*) составляет содержание лексической единицы *рапорт* и является ведущей. А.В. Баранов изучает взаимодействие литературных жанров и под термином *жанровый синкретизм* понимает «сращение, трансформацию различных жанровых форм в одном произведении, онтологическая природа которых амбивалентна» [Баранов, 2012, с. 18]. Мы расширяем сферу использования этого термина и говорим о синкретизме речевых жанров в военном дискурсе, которые отражаются в текстах художественных произведений и являются вторичными по отношению к жанрам письменной деловой и устной ритуальной коммуникаций. Номинация *рапорта-донесения* образована по аналогии с предыдущими разновидностями. Однако следует отметить, что

в данном РЖ реализуется только одна основная жанрообразующая интенция *сообщить*.

В художественном дискурсе отражаются следующие общие черты письменных и устных деловых РЖ информативного типа:

1. РЖ *сводка, доклад и рапорт-донесение* реализуют интенцию *сообщить*; интенции *просить* и *предлагать* РЖ *доклад* позволяют соотнести с ним устный РЖ *рапорт-побуждение*; РЖ *отчёт* интенционально коррелирует с *рапортом-отчётом*.

2. Ролевая закреплённость адресанта (подчинённый) и адресата речи (командир).

3. Событийное содержание РЖ реализуется пропозициями физической, ментальной и социальной сферы деятельности (с различной степенью актуальности этих пропозиций).

4. Полисобытийность жанров, реализующих побудительные интенции.

5. Функционирование устных и письменных реактивных жанров мотивировано РЖ *приказ*.

6. Инициирование *докладом, отчётом и рапортом* директивных РЖ *приказ / приказание*.

7. Использование традиционных, описанных представителями функциональной стилистики официально-деловых средств языкового воплощения информативной интенции с разницей лишь в количестве их предъявлений.

Сравнивая параметры устных и письменных информативных жанров в военном деловом и художественном дискурсах, мы отметили следующие черты, возникшие в процессе ассимиляции деловой речи в художественном дискурсе:

1. Установка устного доклада на конкретные личности коммуникантов, информатора и субъектов, действия которых составляют содержание высказывания, направленность на человека, антропоцентричность.

2. Бытование РЖ *рапорт*, реализующего интенцию *объяснить*, которая не организует письменные деловые военные жанры боевого (неличного) характера. *Рапорт-объяснение* раскрывает мотивы деятельности говорящего, интерес к которому указывает на личностно ориентированную обусловленность устного жанра и противопоставляется объективности письменной боевой коммуникации. Так, устный жанр находится на периферии деловой и личной коммуникативных сфер.

3. Использование глаголов повелительного наклонения в качестве средства выражения императивности, что формирует более высокую степень императивности *рапорта* по сравнению с письменным *докладом*. Это указывает на возможность устных жанров элиминировать статусные ограничения в критический момент профессиональной деятельности военнослужащих.

4. Стремление доклада, в котором реализуется дополнительная императивная интенция, к категоричности волеизъявления, что сближает побудительную часть *рапорта* с РЖ *приказание*.

Черты устного РЖ информативного типа, являющиеся признаками неинституциональности военного дискурса и реализующиеся только в художественном тексте, следующие:

1. Антропоцентрическая специфика устной речи, которая служит причиной порождения РЖ эмоциональной оценки как перлокутивного эффекта *рапорта*, а также нулевого РА *молчание* как согласие; как способ самоустранения вышестоящего лица; как показатель взаимопонимания между коммуникантами; как сожаление, вызванное чувством вины.

2. Наделение коммуникантов не соответствующими их социальному положению ролями, что служит для выражения трагического в художественном произведении.

Ассимиляции в художественном дискурсе не подвергаются такие характеристики информативных жанров военной деловой коммуникации, как:

- 1) ориентация на предметы или процессы военного события, предъявляемые в качестве материального результата боевой операции;
- 2) категоричность побуждения;
- 3) неличный характер высказывания.

Заключение

Военный дискурс протекает в типизированных коммуникативных военных ситуациях, что позволило выделить и описать его наиболее частотные речевые жанры, объединённые в группы в зависимости от ситуации, в которой они применяются, и от коммуникативной цели говорящего, обуславливающей специфику речевого поведения коммуникантов.

В настоящем исследовании нами рассмотрены наиболее частотные виды письменных и устных речевых жанров, функционирующие в деловом военном дискурсе, продукты которого отражены в документных текстах и текстах художественных произведений. Изучение проблемы функционирования речевых жанров в военном деловом дискурсе позволило классифицировать изучаемые нами объекты (см.: Приложение 1).

В основе дифференциации жанров лежит коммуникативная цель говорящего. Так, цель РЖ императивного типа заключается в указании вышестоящим волеизъявителем на характер осуществления действий нижестоящим исполнителем. Коммуникативной целью РЖ информативного типа является сообщение подчинённым адресантом старшему по званию адресату речи о произошедших боевых действиях.

Выделение в составе императивных РЖ жанров директивного и регламентирующего подтипа возможно, если учитываются их основные интенции, которая в первом случае выражена глаголом *приказать*, во втором – *регламентировать*. Основная интенция информативных жанров выражена глаголами *информировать*, *сообщить*.

Все РЖ делового военного дискурса делятся на устные и письменные. Эта типологизация соотносится с лингвистическим описанием соответствующих форм речи. Письменные военные деловые жанры (*приказ*, *директива*, *инструкция*, *положение*, *доклад*, *отчёт*, *сводка*), являясь первичными по отношению к устным (*приказанию*, *инструктажу* и *рапорту*), представляют собой сложные многокомпонентные образования,

в то время как устные, простые, элементарные вторичны в деловом военном дискурсе.

Как мы выяснили, РЖ военной коммуникации в деловом и художественном дискурсах ассимилируют.

Устные РЖ детерминированы структурой и содержанием сложных письменных РЖ, что отражается, в первую очередь, на лингвальной специфике вторичных жанров, когда в устную коммуникацию проникают языковые особенности деловой письменной речи. Однако в устных деловых жанрах в художественном дискурсе функционируют и языковые средства разговорного стиля. Это обусловлено стремлением коммуникантов к выражению субъективной оценки действительности. Ассимиляция признаков делового и разговорного стилей в военном дискурсе составляет специфику устных деловых РЖ, материалом для изучения которых явились тексты художественных произведений.

Попытка компонентного анализа коммуникативно-прагматических параметров жанров в военном деловом и художественном дискурсах позволила обозначить сходства и различия в структуре, содержании и языковой реализации письменных и устных текстов, фиксирующих и эксплицирующих деловые речевые жанры императивного и информативного типов.

Особенностью письменных РЖ является стабильность их официально-деловых характеристик даже при условии изменения экстралингвистических факторов, таких как звание коммуникантов, их физическое и психическое состояние, место пребывания.

Устные жанры подвижны, динамичны, легко поддаются трансформации, на которую влияют социальная функция говорящего, ограниченность его речи во времени, скорость принятия решения, требование высокой продуктивности речевых действий, место и время речевой ситуации.

Исследование показало, что социальная функция говорящего реализуется в устных жанрах военного художественного дискурса по следующему принципу: чем выше статус общающихся, тем меньше разговорных вкраплений претерпевает деловое высказывание; типичные статусные характеристики коммуникантов сохраняются, чем выше степень официальности коммуникативной ситуации. Снижение статуса участников коммуникации изменяет и регистр общения: чем ниже социальное положение командира, тем чаще и теснее он общается с подчинёнными; эмотивность речи возрастает за счёт присутствия в ней разговорных (в том числе просторечных) элементов.

Ограниченность говорящего во времени, высокая скорость принятия им решения сопряжены с местом и временем речевого действия, которое может происходить в тылу или на фронте, во время боевых действий, в момент подготовки боевой операции или после неё. Наибольшей напряжённостью, краткостью, точностью и категоричностью характеризуется речь во время боя. Это время функционирования *приказаний* и *рапорта*. Речь и волеизъявителя, и докладчика насыщена короткими фразами, получившими грамматическое оформление в неполных, эллиптических, односоставных предложениях. РЖ *инструктаж* по своей коммуникативной цели и обучающей функции предполагает обязательное наличие достаточного для его проведения времени, поэтому функционирует только во время предварительной подготовки к бою и характеризуется полнотой и развёрнутостью организующих его грамматических конструкций. Таковы особенности и *приказаний*, и *рапортов*, применяемых в ситуациях, пространственно-временные характеристики которых не предполагают протекания боевых операций в режиме здесь и сейчас.

Спецификой устных жанров, обусловившей направленность говорящего на конкретного адресата речи, появление жанров *автоприказание*, *мнимое согласие*, *рапорт-объяснение*, ограничение сферы распространения жанра, наполнение содержания высказывания знаниями

самого говорящего, является личностно ориентированная направленность вторичных РЖ военной деловой коммуникации.

Здесь обнаруживается стремление к жанровому синкретизму, когда строгие в деловом общении жанровые формы приобретают свободу и способность трансформироваться (*автоприказание, мнимое согласие*), сосуществовать (*рапорт-побуждение, рапорт-отчёт, рапорт-объяснение*), проникать в другую форму, становясь её частью (*инструктаж как часть приказа*). Жанры художественного дискурса обладают большинством признаков жанров официально-делового общения, но обнаруживают бóльшую свободу форм и средств выражения основной интенции, что связано как с их антропоцентричностью и личностно ориентированной направленностью, так и со стремлением к процессу стирания установленных деловым дискурсом межжанровых границ.

Анализ изучаемого материала позволяет обозначить те параметры деловых письменных жанров, которые элиминируются в художественном дискурсе. Стремление к конкретизации, низкая степень абстрактности речи обуславливают отсутствие в устных высказываниях средств выражения семантики обобщённости, лишают РЖ универсальности, что исключает возможность массового и регулярного его применения. Кроме того, военные деловые жанры в устной речи теряют свою объективную значимость: в центре дискурсивных событий находится говорящий, речь которого обусловлена его внутренними потребностями; внешние объективные обстоятельства не исключаются, но играют второстепенные роли.

Итак, все вышесказанное даёт возможность убедиться в правильности поставленной нами цели: РЖ письменной и устной коммуникации соотносимы с позиции коммуникативно-прагматического подхода. Устные РЖ военного делового общения вторичны, обусловлены лингвопрагматической спецификой письменных жанров, но в художественном дискурсе претерпевают ряд изменений.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в проведении коммуникативно-прагматического анализа речевых жанров неинституциональной разновидности военного дискурса, фиксирующихся в текстах художественных произведений как серьёзного, так и игрового регистра

Список использованной литературы

1. Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории / И.С. Алексеева. – М.: Междунар. отношения, 2008. – 184 с.
2. Амиров В.М. Прогноз в журналистском дискурсе современного вооружённого конфликта / В.М. Амиров // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – № 1 (98). – С. 27–31.
3. Амиров В.М. Российская журналистика вооружённых конфликтов: современные практики и тенденции развития: дис. ... д-ра филол. наук / В.М. Амиров. – Екатеринбург, 2020. – 311 с.
4. Анисимова Т.В. Типология жанров деловой речи: Риторический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.В. Анисимова. – Краснодар, 2000. – 45 с.
5. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева.– М.: Наука, 1994. – С. 106–117.
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 382 с.
7. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – № 4. – Т. 40. – С. 356–368.
8. Архипова А.А. Особенности стратегий различных типов институционального дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 12 (751). – С. 14–25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-strategiy-razlichnyh-tipov-institutsionalnogo-diskursa> (дата обращения: 04.09.2021).
9. Бабаян В.Н. Молчащий наблюдатель и феномен молчания как коммуникативная стратегия в диалоге / В.Н. Бабаян // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – № 2. – С. 93–98. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molchaschiy->

nablyudatel-i-fenomen-molchaniya-kak-kommunikativnaya-strategiya-v-dialoge
(дата обращения: 18.02.2020).

10. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л.Г. Бабенко. – М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2004. – 463 с.

11. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. Е.В. и Т.В. Вентцель; ред. Р.А.Будагова. – М.: Иностран. лит., 1955. – 416 с.

12. Баранов А.В. Синкретизм жанров как закономерная черта художественного пространства (на материале русской литературы) / А.В. Баранов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2012. – № 3. – С. 17–20.

13. Баранов А.Г. Когниотипичность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности / А.В. Баранов // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 4–12.

14. Барлас Л.Г. Русский язык. Стилистика. Пособие для учителей / Л.Г. Барлас. – М.: Просвещение, 1978. – 256 с.

15. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / ред. С.Г. Бочаров, Л.А. Гоготшвили // Собрание сочинений в 7 томах. – М.: Русские словари, 1997. – Т. 5. – С. 159–206.

16. Беликов В.И. Социоллингвистика: учебник для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 315 с.

17. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е.И. Беляева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 167 с.

18. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В.В. Богданов. – СПб, 2007. – 278 с.

19. Богданов В.В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1990. – 88 с.

20. Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуации // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 12–23.

21. Богуславский В.М. В защиту делового штампа / В.М. Богуславский // Русская речь. – 1968. – № 6. – С. 33–38.

22. Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку // Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация: хрестоматия научных работ / сост. С.В. Друговейко-Должанская, М.Б. Попов. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. – С. 6–37.

23. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А.В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.

24. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 624 с.

25. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина, Н.Б. Вахтин и др. – СПб.: Наука, 1991. – 369 с.

26. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин, Е.Е. Корди и др. – Ленинград: Наука, 1990. – 264 с.

27. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 288 с.

28. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.

29. Будагов Р.А. Введение в науку о языке: учебное пособие / Р.А. Будагов. – М.: Добросвет-2000, 2003. – 544 с.

30. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. – М.: Шк. «Мастера рус. культуры»: Кошелев, 1997. – 574 с.

31. Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 278 с.

32. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. ван Дейк; Пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Амадова – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
33. Вежбицка А. Речевые акты / пер. С.А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике / Сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой. Общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 251–276.
34. Вежбицка А. Речевые жанры / А. Вежбицка // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – № 1. – С. 99–111.
35. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60–87.
36. Волкова А.Е. Способы выражения непрямого побуждения в высказываниях разной степени категоричности / А.Е. Волкова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 4. – С. 134–141 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-vyrazheniya-nepryamogo-pobuzhdeniya-v-vyskazyvaniyah-raznoy-stepeni-kategorichnosti> (дата обращения: 12.10.2020).
37. Габидуллина А.Р. Учебно-педагогический дискурс: категориальная структура и жанровое своеобразие: дис.... д-ра филол. наук / А.Р. Габидуллина. – Донецк, 2009. – 489 с.
38. Гайда Ст. Проблемы жанра / Ст. Гайда // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация. – Пермь: ПГУ, 1986. – С. 22–28.
39. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики / Проблемы структурной лингвистики: сб. статей / АН СССР. Ин-т рус. яз.; отв. ред. С.К. Шаумян. – М.: Изд-во АН СССР, 1973. – С. 349–372.
40. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. – 763 с.

41. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е.М. Галкина-Федорук // Сб. статей по языкознанию / Под общ. ред. А.К. Ефимова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – С. 103–124.
42. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
43. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М.Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Т.Г. Винокур, М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова и др. – М.: Наука, 1993. – С. 158–215.
44. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В.Е. Гольдин // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 23–34.
45. Гольдин В.Е. Проблемы жанроведения / В.Е. Гольдин // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 4–6.
46. Гольдин В.Е. Русский язык и культура речи / В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина, М.А. Ягубова; под ред. О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во СГУ, 2001. – 212 с.
47. Гольдин В.Е., Дубровская О.Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий / В.Е. Гольдин, О.Н. Дубровская // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 5–18.
48. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учебное пособие / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2010. – 320 с.
49. ГОСТ-98 – ГОСТ Р 51141–98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения / Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) Федеральной архивной службы России. – М., 1999. – 12 с.
50. Гудков Д.Б. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе / Д.Б. Гудков // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: доклады и сообщения российских учёных. – М., 1999. – С. 120–126.
51. Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: дис. ... канд. филол. наук / В.Ю. Гусев. – М., 2005. – 297 с.

52. Делопроизводство и документооборот / Сост. Т.В. Сиганова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – 71 с.
53. Дементьев В.В. Аспекты проблемы «жанр и культура» / В.В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2007. – Вып. 5. – С. 5–21.
54. Дементьев В.В. Вторичные речевые жанры: онтология непрямой коммуникации / В.В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1999б. – Вып. 2. – С. 31–46.
55. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике / В.В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997а. – № 1. – С. 109–121.
56. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и её жанры / В.В. Дементьев; Под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – 245 с.
57. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
58. Дементьев В.В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров / В.В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997б. – Вып. 1. – С. 34–44.
59. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры / В.В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1999а. – № 1. – С. 37–55.
60. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров: учебное пособие / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов. – Саратов: Изд-во Саратовского педагогического института, 1998. – 107 с.
61. Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и её моделирование / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 206 с.
62. Демьянков, 1982 – Тетради новых терминов № 39: Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста / Сост. В.З. Демьянков; Под ред. Ю.В. Ванникова. – 1982. – 287 с.

63. Добрушина Н.Р. Повелительное наклонение // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I / Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук; редакционная коллегия: В.А. Плунгян (отв. ред.) и др. – СПб.: Нестор-История, 2016а. – С. 161–210.

64. Добрушина Н.Р. Семантика косвенного наклонения: корпусное исследование грамматической полисемии: дис. ... д-ра филол. наук / Н.Р. Добрушина. – М., 2016в. – 425 с.

65. Добрушина Н.Р. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики / Н.Р. Добрушина. – Прага: Animedia Company, 2016б. – 426 с.

66. Долинин К.А. Проблема речевых жанров через 45 лет после статьи Бахтина / К.А. Долинин // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1998. – С. 35–46.

67. Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К.А. Долинин // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 7–13.

68. Дуброва Ю.Ю. Особенности военного дискурса / Ю.Ю. Дуброва // Вестник московского государственного лингвистического университета. – 2013а. – № 5 (665). – С. 59–68.

69. Дуброва Ю.Ю. Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов: на материале военных документов: дис. ... канд. филол. наук / Ю.Ю. Дуброва. – М., 2015. – 201 с.

70. Дуброва Ю.Ю. Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов в военном дискурсе / Ю.Ю. Дуброва // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2013б. – № 8. – С. 38 – 44.

71. Дунев А.И. Интенциональность грамматических значений в аспекте речевого воздействия / Под ред. М.П. Котюровой // Стереотипность и

творчество в тексте: Сб-к научных трудов. – Пермь, 2004. – С. 129–137. – URL: http://www.psu.ru/psu/files/0549/05_Dunev.doc (дата обращения: 23.07.2021).

72. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.) / М.Я. Дымарский; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. Каф. рус. яз. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 281 с.

73. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты: учебно-методическое пособие / Н.Д. Зарубина. – М.: Русский язык, 1981. – 113 с.

74. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентные имена и прецедентные высказывания как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.

75. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 307 с.

76. Зверев С.Э. Генезис жанровых форм военной речи / С.Э. Зверев // Жанрово-стилевой подход в преподавании русского языка и культуры речи: сборник научных статей по материалам Всероссийской НПК. – Иваново. – 2013. – С. 327–339. Земская Е.А. Городская устная речь и задачи её изучения // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелёв. – М., 1988. – С. 5–44.

78. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра / Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / М.А. Гловинская, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе, М.В. Китайгородская, Е.В. Красильникова, Н.Н. Розанова. – М.: Наука, 1983. – С. 172–214.

79. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г.А. Золотовой. – М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. – 544 с.

80. Инструкция по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации (ИД-2017) / Мин-во обороны Российской Федерации. – М.: Республика, 2000. – 197 с. – URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293729/4293729597.pdf> (дата обращения: 28.12.2020).

81. Иркабаева М.В. Речевые акты и речевые жанры: соотношение понятий / М.В. Иркабаева // Вестник Башкирск. ун-та. – 2010. – № 3. – С. 636–640. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-akty-i-rechevye-zhanry-sootnoshenie-ponyatiy> (дата обращения: 10.03.2021).

82. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

83. Карабань Н.А. Речевой жанр инструкции / Н.А. Карабань // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2008. – Т. 5. – № 7. – С. 96–98.

84. Карасик В.И. Выражение статусных отношений средствами русского языка / В.И. Карасик // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. – 2005. – № 2005. – С. 30–50.

85. Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики / В.И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1 (21). – С. 17–34.

86. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

87. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик; Науч.-исслед. лаб. «Аксиологическая лингвистика». – М.: Гнозис, 2009. – 405 с.

88. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

89. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Русские словари, 1999. – 395 с.

90. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебное пособие / И.М. Кобозева. — М.: Эдичориал УРСС, 2000. — 352 с.

91. Ковалёв Г.А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия / Г.А. Ковалёв // Вопросы психологии. – 1987. – № 3. – С. 41–49.

92. Кожина М.Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций / М.Н. Кожина // Текст – Дискурс – Стилль: сборник научных статей. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С. 9–33.

93. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) / М.Н. Кожина // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 52–61.

94. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта, 2016. – 464 с.

95. Колесникова С.М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции: монография / С.М. Колесникова. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 112 с.

96. Колтунова М.В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет: учебное пособие для вузов / М.В. Колтунова. – М.: Экономическая литература, 2002. – 288 с.

97. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский; отв. ред. Т. В. Булыгина. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

98. Копылова Т.В. Молчание в современной лингвистике: подходы к анализу / Т.В. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2014. – № 2. – С. 36–39. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molchanie-v-sovremennoy-lingvistike-podhody-k-analizu-1> (дата обращения: 16.02.2020).

99. Косова М.В. Параметризация текстов документов как способ жанровой идентификации / М.В. Косова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2020. – № 1. – С. 48–55.

100. Косова М.В. Системность как свойство документного текста / М.В. Косова // Вестник ВГУ. Серия 2: Языкознание.– 2012. – № 1. – С. 7–11.
101. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Ромашко С.А., отв. ред. и др. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 5–13.
102. Кубрякова Е.С. О реализации значений слова в дискурсе / Е.С. Кубрякова // Язык и действительность: сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – 640 с.
103. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка / Э.В. Кузнецова. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
104. Кучинская Е.А. Коммуникативные стратегии военно-публицистического текста / Е.А. Кучинская // Вестник ТГУ. – 2008. – № 9. – С. 133–138. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyye-strategii-voenno-publitsisticheskogo-teksta> (дата обращения: 20.06.2021).
105. Кушнерук С.П. Документная лингвистика / С.П. Кушнерук. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 256 с.
106. Кушнерук С.П. Теория современного документного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.П. Кушнерук. – Волгоград, 2008б. – 43 с.
107. Кушнерук С.П. Теория современного документного текста: дис. ... д-ра филол. наук / С.П. Кушнерук. – Волгоград, 2008а. – 333 с.
108. Лаврова И.А. О разграничении понятий «Текст», «Дискурс», «Языковая система» / И.А. Лаврова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 6. – С. 164–167.
109. Ларина Т.С. Директивный речевой акт *приказ* в немецкоязычной лингвокультуре (на материале произведения Фрица Хохвельдера «Приказ») / Т.С. Ларина // Филологические науки в МГИМО. – 2018. – № 3 (15). – С. 118–125.

110. Лебедева Н.Б. К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной речи) / Н.Б. Лебедева // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи: материалы конференции. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. – С. 91–100.

111. Леонтьев А.А. Основы теории речевой деятельности / Отв. ред. А.А. Леонтьев; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

112. Летучий А.Б. Возвратность / А.Б. Летучий // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 268–337.

113. Лосева Л.М. О синтаксическом и семантическом аспектах исследования целых текстов /Л.М. Лосев // Лингвистика текста: Материалы науч. конф. в 2-х ч. Ч.1 / М-во высш. и сред. спец. образования СССР; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М.: [б.и.], 1974. – С.176–184.

114. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа / В.А. Лукин. – М.: Изд-во «Ось-89», 1999. – 192 с.

115. Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия; под ред. Е.Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

116. Лутфуллина Г.Ф. Приказ как речевой акт, тактика или жанр (на материале английского и русского языков) / Г.Ф. Лутфуллина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск: Изд-во Курского госуниверситета, 2018. – № 1(28). – С. 66–75.

117. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

118. Макаров М.Л. Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М.Л. Макаров. – Саратов, 1998. – 43 с.

119. Макаров М.Л. Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / М.Л. Макаров. – Саратов, 1997. – 447 с.

120. Максапетян А.Г. Язык и метафизика. Мир и языки его описания: монография / А.Г. Максапетян. – Ереван, 2001. – URL: <https://kph.ffs.npu.edu.ua/!e-book/clasik/data/maksapetian/i.1-41.html> (дата обращения: 26.01.2021)

121. Марьянчик В.А. Аксиологическая структура медиа-политического текста: лингвостилистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук / В.А. Марьянчик. – Архангельск, 2013. – 382 с.

122. Миддельдорф Э. Руководство по тактике / Пер. с нем. О.В. Саломатина, М.А. Дубянского; под общ. ред. М.М. Коршунова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 512 с.

123. Москвин В.П. К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» / В.П. Москвин // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2005. – Вып. 4. – С. 63–76.

124. Муранова С.А. Жанр воинского устава в коммуникативно-прагматическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук / С.А. Муранова. – Тверь, 2008. – 140 с.

125. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: УрГУ, 1991. – 171 с.

126. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта, 2003. – 318 с.

127. Николаева Т.М. Лингвистика текста: Состояние и перспективы / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 5–39.

128. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 344 с.

129. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.

130. Орлова О.В. Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. В контексте идей М.Н. Кожиной / О.В. Орлова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 4 (24). – С. 19–25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sootnosheniya-ponyatiy-stilya-i-diskursa-v-lingvistike-nachala-xxi-v-v-kontekste-idey-m-n-kozhinoy> (дата обращения: 10.01.2021).

131. Осипчук А.Е. Лексико-стилистические особенности отражения речевого жанра «приказание» в произведениях художественной литературы / А.Е. Осипчук // Известия ВГПУ. – 2019. – № 9 (142). – С. 177–184.

132. Осипчук А.Е. Грамматические средства выражения семантики императивности в речевом жанре «приказание» / А.Е. Осипчук // Научный диалог. – 2020. – № 1. – С. 141 – 157. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-141-157.

133. Осипчук А.Е. Прагмалингвистические особенности документных текстов информативного типа в военном деловом дискурсе (на материале документов Великой Отечественной войны / А.Е. Осипчук // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 3. – С. 87–98.

134. Остин Дж. Л. Слово как действие / Пер. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой, В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 22–139.

135. Падучева Е.В. Модальность / Е.В. Падучева // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. I. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 19–94.

136. Пекелис О.Е. Условные придаточные / О.Е. Пекелис // Русская корпусная грамматика. – 2017. – URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 1.08.2021).

137. Пережогина Т.А. Аспекты изучения проблемы соотношения устной и письменной речи / Т.А. Пережогина // Вестник ВолГУ. Серия 2:

Языкознание. – 2005. – № 4. – С. 29–32. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-izucheniya-problemy-sootnosheniya-ustnoy-i-pismennoy-rechi> (дата обращения: 11.03.2021).

138. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие / В.А. Плунгян. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

139. Проскурина А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Проскурина. – Самара, 2004. – 18 с.

140. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и др.: монография / Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта, 2012. – 322 с.

141. Радионова Е.С. Семантика и прагматика молчания / Е.С. Радионова // Язык. Человек. Картина мира. Материалы всероссийской научной конференции. Ч. 1. – Омск: Издание ОмГУ, 2000. – С. 179–182.

142. Рехтин Л.В. Речевой жанр инструкции: полевая организация: дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Рехтин. – Горно-Алтайск, 2005. – 192 с.

143. Рубан Т.В. Военная составляющая как ключевая особенность педагогического дискурса в президентских кадетских училищах / Т.В. Рубан // Электронный научно-практический журнал «Филология и литературоведение». – 2015. – № 4. – URL: <https://philology.snauka.ru/author/ruban-tatiana> (дата обращения: 8.02.2021).

144. Сдобнова Ю.Н. Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе Вооружённых Сил Франции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Н. Сдобнова. – М., 2014. – 24 с.

145. Сдобнова Ю.Н. Некоторые особенности современного военного дискурса / Ю.Н. Сдобнова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 12 (751). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-sovremennogo-voennogo-diskursa> (дата обращения: 07.10.2021).

146. Седов К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К.Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 40–52.

147. Сенина И.С. Классификаторы и родовые слова: функциональный аспект / И.С. Сенина // Вестник МГОУ: Серия «Русская филология». – М., 2013. – № 1. – С. 17–23.

148. Сиротинина. О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» / О.Б. Сиротинина // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 26–31.

149. Соколова Е.В. Строевые слова. Актуальные проблемы типологии / Е.В. Соколова // Концепт. – 2019. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stroevye-slova-aktualnye-problemy-tipologii> (дата обращения: 09.12.2021).

150. Солганик Г.Я. К определению понятий “текст” и “медiateкст” / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiy-tekst-i-mediatekst> (дата обращения: 04.12.2021).

151. Соловьёва Е.А. Метафора во французском военном дискурсе: когнитивный и диахронический аспекты: дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Соловьёва. – Ростов-на-Дону, 2019. – 207 с.

152. Стеблецова А.О. Деловой дискурс и его типы: алгоритм дискурсивного анализа / А.О. Стеблецова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015б. – № 6 (717). – С. 532–543.

153. Стеблецова А.О. Национальная специфика делового дискурса в сфере высшего образования: на материале англоязычной и русскоязычной письменной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук / А.О. Стеблецова. – Воронеж, 2015а. – 500 с.

154. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сборник статей / Рос. АН, Ин-т языкознания РАН, Рос. гос. гуманитар. ун-т; Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Изд. центр РГГУ, 1995. – С.32–70.

155. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода. Немецкий язык / Г.М. Стрелковский. – М.: Воениздат, 1979. – 272 с.

156. Стрелковский Г.М., Ветлов Н.П., Филимонов А.М. Учебник военного перевода (немецкий язык) / под общей ред. Г.М. Стрелковского. – М.: Воениздат, 1973. – 608 с.

157. Строевой устав Вооруженных Сил Российской Федерации: введён в действие приказом Министра обороны Российской Федерации от 11 марта 2006 г. № 111 / Министерство обороны Российской Федерации. – Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2008. – 79 с.

158. Сусов И.П. Введение в языкознание: учебник для студентов лингвистических и филол. специальностей / И.П. Сусов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 382 с.

159. Тичер С., Мейер М., Водак Р, Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. А.А. Киселёвой. – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.

160. Толстых, 1986 – Общественное сознание и его формы / под общ. ред. В.И. Толстых. – М.: Политиздат, 1986. – 367 с.

161. Уланов А.В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция: дис. ... д-ра филол. наук / А.В. Уланов. – Омск, 2014а. – 494 с.

162. Уланов А.В. Коммуникативные стратегии в военном дискурсе // Сибирский филологический журнал. – 2014б. – № 4. – С. 99–109. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-voennom-diskurse-1> (дата обращения: 07.03.2021).

163. Устав внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации / Министерство обороны Российской Федерации. – М.: Воениздат, 2007. – 151 с.

164. Устав внутренней службы РККА (УВС-37) / Нар. ком. обороны СССР. – М.: Гос-е Военное Издательство Наркомата Обороны СССР, 1938. – 131 с.

165. Устав гарнизонной, комендантской и караульной служб Вооружённых Сил Российской Федерации / Министерство обороны Российской Федерации. – М.: Воениздат, 2007. – 192 с.

166. Уткина И.В. Оптимизация форм речевого общения военнослужащих в учебно-профессиональной сфере: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Уткина. – Тверь, 2006а. – 147 с.

167. Уткина И.В. Оптимизация форм речевого общения военнослужащих в учебно-профессиональной сфере: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Уткина. – Тверь, 2006б. – 22 с.

168. Ушакова Л.И. Современный русский язык. Морфология / Л.И. Ушакова. – Белгород: Белгород. ун-т, 1999. – 282 с.

169. Фазылзянова Г.И. Художественный текст как объект понимания / Г.И. Фазылзянова // Вестник ТГУ. – 2008. – № 7. – С. 417–423. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-tekst-kak-obekt-ponimaniya> (дата обращения: 15.10.2020).

170. Фахрутдинова Д.Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса / Д.Р. Фахрутдинова // Учёные записки Казанского университета: Серия Гуманитарные науки. – 2008. – № 2 (150). – С. 259–266.

171. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М.Ю. Федосюк // Жанры речи. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997б. – Вып. 1. – С. 66–88.

172. Федосюк М.Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров / М.Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997а. – № 5. – С. 102–120.

173. Федосюк М.Ю. Речевой замысел говорящего и его компоненты // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / Сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелёва. – М.: Индрик, 2001. – С. 155–166.

174. Филиппов К.А. Лингвистика текста: курс лекций / К.А. Филиппов; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 333 с.

175. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности рус. яз. и лит. / Н.И. Формановская; Гос. ин-т рус яз. им. А.С. Пушкина. – М.: Рус. яз., 2002. – 213 с.

176. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект / Т.Н. Хомутова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 71. – С. 96–106. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-dlya-spetsialnyh-tseley-lsp-lingvisticheskiy-aspekt> (дата обращения: 26.09.2020).

177. Хорохордина О.В. Инструкция // Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развёртывания / под общ. ред. К.А. Роговой. – СПб.: Златоуст, 2017. – С. 261–307.

178. Храковский В.С. Семантика и типология императива: Русский императив / Храковский В.С., Володин А.П. / Отв. ред. В.Б. Касевич. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.

179. Чаплина С.С. Понятие «Тип текста»: принципы дефинирования и проблемы классификации / С.С. Чаплина // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. – 2009. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-tip-teksta-printsipy-definirovaniya-i-problemy-klassifikatsii> (дата обращения: 14.07.2020).

180. Чернухина И.Я. Элементы организации художественного текста / И.Я. Чернухина. – Воронеж, 1984. – 115 с.

181. Чернявская В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? / В.Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2011. – № 3. – С. 86–95.

182. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

183. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.

184. Шаталова Л.С., Шаталова Н.С. Когнитивно-дискурсивные характеристики текстов информативно-аналитических жанров военной речи / Л.С. Шаталова, Н.С. Шаталова // МНКО. – 2018. – № 2 (69). – С. 641–646. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-diskursivnye-harakteristiki-tekstov-informativno-analiticheskikh-zhanrov-voennoy-rechi> (дата обращения: 21.07.2021).

185. Шаталова Н.С. Теоретические основы формирования речевого компонента профессиональной подготовки иностранных военнослужащих в вузе: дис. ... д-ра пед. наук / Н.С. Шаталова. – М., 2002. – 301 с.

186. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.

187. Шерстяных И.В. Теория речевых жанров: лекционно-практический курс для магистрантов / И.В. Шерстяных. – М.: Флинта, 2013. – 552 с.

188. Ширинкина М.А. Категория тональности в директивных документах исполнительной власти / М.А. Ширинкина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017.– Т. 9. – Вып. 3. – С. 60–68.

189. Ширинкина М.А. Регламентирующие документы исполнительной власти в аспекте тональности (сопоставительно с директивными) / М.А. Ширинкина // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1. – С. 120–130. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reglamentiruyuschie-dokumenty->

ispolnitelnoy-vlasti-v-aspekte-tonalnosti-sopostavitelno-s-direktivnymi (дата обращения: 19.10.2020).

190. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелёва // Жанры речи. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.

191. Шмелёва Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка / Т.В. Шмелёва // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. – Berlin, 1990. – № 2. – С. 20–32.

192. Шмелёва Т.В. Речевой жанр: Опыт общелингвистического осмысления / Т.В. Шмелёва // Collegium. Киев, 1995. – № 1–2. – С. 57–64.

193. Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций / Т.В. Шмелёва. – Красноярск: КГУ, 1988. – 54 с.

194. Шутова О.А. Инструкция как речевой жанр поучающего дискурса / О.А. Шутова // Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 2. – С. 68–70.

195. Юркевич В.В. Политический и художественный виды дискурса: сходства и различия / В.В. Юркевич // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 6 (335). – С. 106–110. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-i-hudozhestvennyy-vidy-diskursa-shodstva-i-razlichiya> (дата обращения: 15.10.2020).

196. Юсупова Т.С. Структурные особенности военного дискурса / Т.С. Юсупова // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2009. – Т. 11. – Вып. 4. – С. 1055–1057.

197. Юсупова Т.С. Функционально-стилистические и прагматические характеристики англоязычного военного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.С. Юсупова. – Самара, 2010. – 18 с.

198. Adamzik K. Textsorten und ihre Beschreibung // Textlinguistik. 15 Einführungen / Nina Janich. – Tübingen: NarrFranckeAttempoVerlag, 2019. – S. 135–168.

199. Ballmer Th., Brennenstuhl W. Speech act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs. – Berlin: Springer-Verlag, 1981. – 274 p.
200. Buysens E. Les langages et le discours. Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. – Bruxelles: Office de publicité, 1943. – 98 p.
201. Dijk T.A. van. Cognitive Processing of Literature Discourse / T.A. van Dijk // Poetics Today. – 1979. – № 1. – Pp. 143–160. – URL: <http://bit.ly/lks0Xm> (дата обращения: 29.04.2021)
202. Schiffrin D. Approaches to discourse / Deborah Schiffrin. – Oxford, UK ; Cambridge, Mass., USA: Blackwell, 1994. – 470 p.
203. Steiner E.H., Veltman R. Pragmatics, discourse and text. Some systematicall y inspired approaches. – London: Pinten, 1988. – 185 p.
204. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.
205. Vion R. La communication verbale: analyse des interactions / R. Vion. – Paris: Hachette Livre, 2000. – 302 p.

Список словарей и грамматик

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий / Э.Г. азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Апресян, 2017 – Активный словарь русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева и др.; под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – Т. 3. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 768 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
4. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: АН СССР, 1948 – 1965.

5. БРГ, 2007 – Большой толковый словарь русских глаголов / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. – 696 с.
6. БЮС – Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 704 с.
7. ВЭС, 1986 – Военный энциклопедический словарь / Ин-т воен. истории; Гл. ред. комис.: С.Ф. Ахромеев и др. – М.: Воениздат, 1986. – 920 с.
8. ВЭС, 2001 – Военный энциклопедический словарь: В 2 т. / Редкол.: А.П. Горкин [и др.]. – М.: Большая Рос. Энцикл., 2001.
9. Горбачевич, 2008 – Большой академический словарь русского языка. В 20 т. / К.С. Горбачевич, А.С. Герд. – М.-СПб.: Наука, 2008. – Т. 5 – 685 с.
10. Городникова М.Д. Немецко-русский словарь речевого общения / М.Д. Городникова, Д.О. Добровольский. – М.: Русский язык, 1998. – 332 с.
11. Грамматика-80 – Русская грамматика: в 2-х т. / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – М.: Наука, 1980.
12. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
13. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. – М.: Гуманит. изд. центр, 1997. – 384 с.
14. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта, Наука, 2003. – 840 с.
15. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.
16. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988.
17. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.

18. Мельчук И.А. Толково-комбинаторный словарь русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / И.А. Мельчук и А.К. Жолковский. – М.: Глобал Ком: ЯСК, 2016. – 544 с.

19. Мещеряков, Зинченко, 2009 – Большой психологический словарь / [Н.Н. Авдеева и др.]; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: АСТ; СПб: Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.

20. Михальченко – Словарь социолингвистических терминов / Отв. редактор В.Ю. Михальченко. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2006. – 312 с.

21. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – М.: Азъ, 1995. – 928 с.

22. Остроумова О.А., Фрамполь О.Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника / О.А. Остроумова, О.Д. Фрамполь. – М.: Изд-во СГУ. 2009. – 502 с.

23. Плехов – Словарь военных терминов / Сост. А.М. Плехов. – М.: Воениздат, 1988. – 335 с.

24. РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998 –

25. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.

26. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

Список источников фактического материала

1. Аверичева С.П. Дневник разведчицы / С.П. Аверичева. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд., 1966. – 280 с.
2. Андрианов И.Ф. Атакую ведущего!: Рассказы / И.Ф. Андрианов. – Рязань: Московский рабочий, Рязанское отделение, 1983. – 142 с.
3. Астафьев В.П. Прокляты и убиты: роман // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 10 / В.П. Астафьев. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – 768 с.
4. Астафьев В.П. Пастух и пастушка // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 3 / В.П. Астафьев. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – С. 5–140.
5. Бакланов Г.Я. Навеки – девятнадцатилетние: повесть // Июль 41 года. Навеки – девятнадцатилетние / Ч. Айтматов, Г. Бердников, Ю. Бондарев и др. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 187–348.
6. Бондарев Ю.В. Батальоны просят огня // Собрание сочинений в шести томах. Т. 1 / Ю.В. Бондарев. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 31–218.
7. Бондарев Ю.В. Горячий снег: роман / Ю.В. Бондарев. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1972. – 368 с.
8. Васильев Б.Л. Аты-баты, шли солдаты. Авторский сборник. – М.: Вагриус, 2007. – 400 с.
9. Васильев Б.Л. А зори здесь тихие...: повесть // Собрание сочинений в 8 томах. – Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, РУСИЧ, 1994. – Т. 1. – С. 203–297.
10. Васильев Б.Л. В списках не значился: роман // Собрание сочинений в 8 томах. – Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, РУСИЧ, 1994. – Т. 2. – С. 149–339.
11. Васильев Б.Л. Ветеран: рассказ // Собрание сочинений в 8 томах. – Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, РУСИЧ, 1994. – Т. 1. – С. 516–528.
12. Васильев Б.Л. Встречный бой: повесть // Собрание сочинений в 8 томах. – Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, РУСИЧ, 1994. – Т. 1. – С. 373–405.

13. Веллер М.И. Приключения майора Звягина / М.И. Веллер. – СПб.: Изд-во АСТ, 2006. – 477 с.
14. Владимов Г.Н. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3.: Генерал и его армия: роман / Г.Н. Владимов. – М.: NFQ/2Print, 1998. – 462 с.
15. Войнович В.Н. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина: в 2 кн. – М.: ЭКСМО, 2007. – 278 с.
16. Воробьев К.Д. Убиты под Москвой: повесть // Первый бой. Повести, рассказы, стихи / Сост. С.И. Чупринин. – М.: Мол. гвардия, 1985. – С. 36–90.
17. Воробьев К.Д. Это мы, господи!.. / К.Д. Воробьев // Убиты под Москвой; Это мы, господи!...: повести. – М.: Худож. лит., 1987. – С. 65–158.
18. Голицын С.М. Записки беспогонника / С.М. Голицын. – М.: Русский миръ, 2010. – 608 с.
19. Гроссман В.С. Жизнь и судьба: роман / В.С. Гроссман. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. – 752 с.
20. Иванов В.В. Быль о сержанте / В.В. Иванов // Военные рассказы и очерки. – М.: Воен. изд-во Мин. обороны Союза ССР, 1960а. – С. 39–58.
21. Иванов В.В. К своим / В.В. Иванов // Военные рассказы и очерки. – М.: Воен. изд-во Мин. обороны Союза ССР, 1960б. – С. 9–38.
22. Исаков – Тыл Вооруженных сил в документах: Велик. Отечеств. война (1941-1945 гг.) / М-во обороны Рос. Федерации; Отв. ред. В.И Исаков. – М.: Воентехлит, 2000. – 719 с.
23. Комсостав, 2005 – Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940-1941 гг.: структура и кадры центр. аппарата НКО СССР, военных окр. и общевойсковых армий: док. и материалы: сборник / Рос. гос. военный архив: [сост.: Н.С. Тархова (отв.) и др.]. – М.: Летний сад, 2005. – 271 с.
24. Кондратьев В.Л. Сашка // На поле овсянниковском. Повести. Рассказы / В.Л. Кондратьев. – М.: Известия, 1985а. – С. 167–293.

25. Кондратьев В.Л. Селижаровский тракт: повесть // Первый бой. Повести, рассказы, стихи / Сост. С.И. Чупринин. – М.: Мол. гвардия, 1985б. – С. 96–190.
26. Курочкин В.А. На войне как на войне // На войне как на войне: повести / Послесл. Г. Нестеровой. – М.: Современник, 1995а. – С. 3–89.
27. Курочкин В.А. Железный дождь // На войне как на войне: повести / Послесл. Г. Нестеровой. – М.: Современник, 1995б. – С. 90–204.
28. Леонов Л.М. Взятие Великошумска // Повести и пьесы / Л.М. Леонов. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 3–169.
29. Ляленков В.Д. Знаменитая танковая: Повесть / В.Д. Ляленков. – Л.: Дет. лит. Ленингр. отд-ние, 1979. – 125 с.
30. Мировые войны XX века: В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война: Документы и материалы / Сост. А.П. Жилин; отв. ред. В.К. Шацлло. – М.: Наука, 2002. – 677 с.
31. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда / В.П. Некрасов. – М.: Советский писатель, 1948. – 271 с.
32. Некрасов В.П. Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы... // По обе стороны океана; Записки зеваки; Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы... / Сост. А. Парниса. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 259–354.
33. РА, 1997 – Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4-1) / В.Т. Елисеев и др. – М.: ТЕРРА, 1997. – 464 с.
34. РА, 1999 – Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 20 (9) / А.Д. Ефремов и др. – М.: ТЕРРА, 1999. – 668 с.
35. Сборник 4 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1948. – Вып. 4. – 144 с.
36. Сборник 40 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1960. – Вып. 40. – 472 с.

37. Сборник 7 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1948. – Вып. 7. – 140 с.
38. Сборник 9 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1948. – Вып. 9. – 116 с.
39. Сборник 1 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1947. – Вып. 1. – 100 с.
40. Сборник 12 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1950. – Вып. 12. – 116 с.
41. Сборник 15 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1952. – Вып. 15. – 120 с.
42. Сборник 16 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1952. – Вып. 16. – 148 с.
43. Сборник 17 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1953. – Вып. 17. – 116 с.
44. Сборник 2 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1947. – Вып. 2. – 112 с.
45. Сборник 22 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1954. – Вып. 1. – 136 с.
46. Сборник 24 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1955. – Вып. 24. – 216 с.

47. Сборник 3 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1947. – Вып. 3. – 161 с.

48. Сборник 34 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1958. – Вып. 34. – 336 с.

49. Сборник 42 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1960. – Вып. 42. – 356 с.

50. Сборник 43 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1960. – Вып. 43. – 416 с.

51. Сборник 5 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1947. – Вып. 5. – 52 с.

52. Сборник 8 – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Ген. штаб. Воен. науч. упр. – М.: Воен. изд-во, 1948. – Вып. 8. – 130 с.

53. Симонов К.М. Сто суток войны / К.М. Симонов. – М.: Раритет, 2005. – 544 с.

54. Солженицын А.И. Желябугские высылки // Собрание сочинений в 30 томах. Т. 1. Рассказы и крохотки / А.И. Солженицын. – М.: Время, 2007. – С. 443–484.

55. Стаднюк И.Ф. Война: роман / И.Ф. Стаднюк. – М.: Советский писатель, 1988. – 768 с.

56. Чумаков С.В. Вася Шишковский / С.В. Чумаков. – М.: Малыш, 1981. – 24 с.

Рис. 7 – Виды письменных и устных речевых жанров военного делового дискурса